

ISSN 1857-2685

Русь

№ 4 (10), 2007

Общественная ассоциация
«Русь»

**По благословению его Высокопреосвященства
Лавра, первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2007, № 4 (10)

Кишинев

**Общественная ассоциация
«Русь»**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук С. Суляк,

главный редактор (Молдавия)

доктор истории П. Шорников,

заместитель главного редактора (Молдавия)

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падык (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

протоиерей о.Димитрий Сидор (Украина)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о.Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

М. Шарга (Украина)

© Общественная
ассоциация «Русь», 2007

© Издательский дом
«Татьяна», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Владыки 5-7

**Материалы международной научно-практической
конференции
«Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в
Карпато-Днестровском регионе.
Чтения памяти И.А. Анцупова»**

Вступительное слово 8

Программа конференции 9-12

Полиэтничность – стержень молдавской государственности ...13-20

Василий СТАТИ

Кто такие молдаване 21-28

Сергей СУЛЯК

Русины в истории: прошлое и настоящее29-56

Роман ШАПКА

Памяти Г.И. Купчанко 57

Николай РУССЕВ

Вблизи «Рутенских гор»: о древнерусском населении Прикарпатья в
контексте этнополитической истории 58-69

Петр ШОРНИКОВ

Молдавская государственность и молдавская национальная
идентичность в XX – начале XXI в. 70-79

Юрий ИВАНОВ

Этническое самосознание русинов севера Молдавии 80-96

Владимир АНИКИН

Полиэтничное население севера Бессарабии: грани толерантности
(конец XIX – начало XX в.) 97-101

Алексей РОМАНЧУК

Сергей КРОЙТОР

Святые покровители церкви Бессарабии (по результатам переписи
1820 г.) 102-111

Ольга ГАРУСОВА Бухарестская газета «Наша речь» и культура Бессарабии в 1920-30-е гг.	112-120
Татьяна ЗАЙКОВСКАЯ Языковые картины мира и коммуникативное пространство ...	121-126
Ирина ИОНОВА Причуды заимствования в условиях двуязычия	127-130
Иван СИМЕОНОВ Два взгляда на одно и то же аутодафе	131-137
Мария ПАСЛАРЬ Полиязыковая личность в современном молдавском обществе	138-141
Славка ПЕТКОВА–МАРЧЕВСКА Сохранение культурного разнообразия в условиях мультикультурного музыкального воспитания детей	142-145
Лариса БОРТЭ Образное воплощение идеи единения в «Слове о полку Игореве»	146-149
Вячеслав ДОЛГОВ Юродство веры: историко-культурный аспект старообрядчества	150-154
Дина СТИЧ Диалектные особенности лексики говора села Добруджа	155-159
Елена СИРОТА Фонетические особенности говора села Добруджа в системе русского языка как оправдание выражения восприятия мира его носителями	160-163
Владимир БРАЖУК Славянская символика «дома» в романе И.А. Гончарова «Обломов»	164-172

РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей СУЛЯК Русинская тематика в изданиях последних лет	173-185
Сведения об авторах и членах редколлегии	186-191

Памяти Владыки

16 марта 2008 г., в неделю первую Великого поста, в утро церковного праздника Торжества православия на 81-м году жизни скончался первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Лавр.

Лавр, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский (Шкурла Василий Михайлович), родился 1 января 1928 г. в г. Ладомирово (Чехословакия, ныне Словакия) на Пряшевской Руси, по национальности русин.

В 11-летнем возрасте вступил в братию монастыря преподобного Иова Почаевского в Ладомирово, основанного иноками Почаевской лавры, а в 1944 г. стал послушником монастыря. В 1946 г. эвакуировался вместе с монастырем в Джорданвилль (США), где был основан новый Свято-Троицкий монастырь, ставший впоследствии духовным центром РПЦЗ. В 1947 г. пострижен в рясофор, а 19 марта 1948 г. - в мантию с наречением имени в честь св. мученика Лавра. Постриг совершил архиепископ Виталий (Максименко), основатель Свято-Троицкого монастыря; 14 января 1950 г. рукоположен в сан иеродиакона, а 27 июня 1954 г. - иеромонаха. С 1954 г. преподавал в Свято-Троицкой семинарии. С 1958 г. - инспектор семинарии. 6 сентября 1959 г. возведен в сан игумена. 17 апреля 1966 г. возведен в сан архимандрита. 13 августа 1967 г. хиротонисан во епископа Манхэттенского, викария Восточноамериканской епархии и назначен секретарем Архиерейского Синода. С 18 июля 1976 г. - настоятель Свято-Троицкого монастыря и управляющий Троицко-Сиракузской епархией; с 12 октября того же года - правящий архиерей и ректор Свято-Троицкой семинарии и главный редактор журналов «Православная Русь», «Православная жизнь» и «Православный путь». В 1981 г. возведен в сан архиепископа. 10 июля 2000 г. Архиерейским Синодом назначен заместителем первоиерарха РПЦЗ. На Соборе 17-27 октября 2001 г. избран первоиерархом Русской православной церкви за границей, митрополитом Восточноамериканским и Нью-Йоркским.

Всю свою жизнь митрополит Лавр посвятил объединению Русской православной церкви и сделал все, чтобы это воссоединение, после раскола церкви более 70 лет назад в результате революции и кровавой

гражданской войны, состоялось. 17 мая 2007 г., в день праздника Вознесения Господня, в Москве в храме Христа Спасителя был подписан Акт о каноническом общении Русской православной церкви и Русской православной церкви за границей.

Из послания святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи кончиной и погребением митрополита Восточноамериканского и Нью-Йоркского Лавра:

Памятной страницей в церковной истории навсегда останутся и дела новопреставленного митрополита Лавра, которому в начале третьего тысячелетия Господь поручил возглавить паству Русской Зарубежной Церкви и мудро привести ее к долгожданному воссоединению с Церковью в Отечестве.

Из телеграммы президента Российской Федерации В.В. Путина:

Митрополиту Лавру принадлежит выдающаяся роль в деле подготовки воссоединения Русской Православной Церкви и подписание вместе с Вами Акта о каноническом общении. Это историческое деяние навсегда останется в памяти благодарных потомков.

Помощник митрополита Лавра отец Серафим Ган вспоминает:

Этот человек был преисполнен любви к России. Все эти годы своего монашества, епископства, первоиераршества он служил не только Русской зарубежной церкви, не только своей пастве, которая рассеяна по всему миру, но и России, Русской православной церкви. И это его служение увенчалось восстановлением полноты братского общения внутри теперь единой Русской православной церкви.

С Владыкой Лавром руководство Общественной ассоциации «Русь» переписывалось с 2005 г. Владыка благословлял все наши благие начинания. В ответ на наше первое послание, где мы сообщили о создании этнокультурной организации русинов Молдавии и прислали монографию «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» и международный исторический журнал «Русин», Владыка ответил:

Сим хочу пожелать Вам Божьей помощи в сем важном деле. Наш русинский народ претерпевал всяческие невзгоды, и, конечно, выяснение исторического положения этого вопроса очень важно.

Господь да благословит Вас и да поможет Вам и Вашим сотрудникам послужить нашему многострадальному народу.

Бог Вам в помощь!

Для нас должны стать заповедью слова Владыки:

Велико и прекрасно духовное богатство нашего народа и венчают его два слова - Святая Русь.

Этой Святой Руси мы должны служить, как служили ей наши святые: святители, князья, преподобные и праведные миряне. Но не только святые могут служить Святой Руси. Служат ей и «маленькие люди» - кто пением, участием в богослужении и работой при храмах, кто помощью бедным и подобными делами милосердия, кто обучением и воспитанием подрастающего поколения в духе нашего народа, кто никому неведомой молитвой о родной земле и ее чадах. И служить Святой Руси призваны все мы.

**КАНЦЕЛЯРИЯ
МИТРОПОЛИТА ЛАВРА,
ПЕРВОИЕРАРХА**

**РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ**

ВОСТОЧНО-АМЕРИКАНСКАГО И НЬЮ-ЙОРКСКАГО

Holy Trinity Monastery, P.O. Box 36, Jordanville, New York 13361 Tel/Fax: (315) 858-0507
75 East 93rd Street, New York, NY 10128-1390 Tel: (212) 534-1601

24 окт. 6 ноября 2007 г.

Боголюбивый рабъ Божій Сергій,

Спасибо за Ваше письмо и за журналъ № 2 (8)2007 года, все получено въ сохранности.

Благодарю Васъ за ваши новости и за описание проведения послѣдней конференціи.

Богъ да благословитъ Ваши труды и начинанія! Дай Богъ, чтобы конференція, назначенная на декабрь, прошла плодотворно и успѣшно!

Да хранитъ и благословитъ всѣхъ Васъ Господь!

Съ любовію о Господѣ,

+ Митрополитъ Лавра

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках номер, посвященный международной научно-практической конференции **«Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Чтения памяти И.А. Анцупова»**, которая прошла 19-21 декабря 2007 г.

Организаторами данного мероприятия выступили Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, Тараклийский государственный университет, Бельцкий государственный университет им. А. Руссо и Общественная ассоциация «Русь».

Проведенная нами конференция - дань уважения выдающемуся представителю молдавской исторической науки Ивану Антоновичу Анцупову, который долгие годы своей научной деятельности посвятил изучению истории этносов, проживающих на территории Молдавии.

Впервые «Чтения памяти И.А. Анцупова» были проведены нами в ноябре 2006 г. Имя И.А. Анцупова объединило более 40 исследователей и представителей этнокультурных организаций, представивших свои исследования по истории, культуре, языку национальных меньшинств Молдавии.

Конференция **«Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Чтения памяти И.А. Анцупова»** проходила три дня в Кишиневе, Тараклии, Бельцах.

В первый день были проведены две дискуссии: **«Молдаване в истории: прошлое и настоящее»**, **«Русины в истории: прошлое и настоящее»**.

Активизация разработки истории титульного этноса и национальных меньшинств служит укреплению молдавской государственности. Ведь в настоящее время на перепутье этничности стоят не только национальные меньшинства нашей страны, но и значительная часть молдаван. Это наглядно показывают итоги переписи населения 2004 г.: из 2 564 849 чел., идентифицирующих себя как «молдаване», 481 593 чел. признали своим родным языком «румынский», в то же время 73276 граждан, записавшихся «румынами», 1139 назвали своим родным языком «молдавский».

Нашу конференцию по праву можно отнести к началу мероприятий, приуроченных к празднованию 650-летия основания молдавской государственности. Указом президента Республики Молдова В. Воронина 2009 г. провозглашен Годом празднования 650-летия основания Молдавского государства.

*Сергей Суляк,
главный редактор
международного исторического журнала «Русин»*

**Бюро межэтнических отношений Республики Молдова
Тараклийский государственный университет
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо
Общественная ассоциация «Русь»**

**ПРОГРАММА
международной научно-практической конференции**

**Земля согласия:
этнокультурные взаимодействия
в Карпато-Днестровском регионе.
Чтения памяти И.А. Анцупова.**

19 декабря, 10⁰⁰

**Бюро межэтнических отношений Республики Молдова
ул. А. Матеевича, 109/1, круглый зал (2 этаж).**

I. Открытие конференции.

II. Молдаване в истории: прошлое и настоящее.

1. Стати Василий Николаевич, доктор хабилитат истории, доктор филологии.
2. Шорников Петр Михайлович, доктор истории.
3. Грек Иван Федорович, доктор истории.

III. Русины в истории: прошлое и настоящее.

1. Суляк Сергей Георгиевич, доктор истории.
2. Руссов Николай Дмитриевич, доктор хабилитат истории.
3. Иванов Юрий Васильевич, историк.

Дискуссия:

1. Пивовар Игорь Валерьевич, руководитель Центра межэтнических исследований Республики Молдова.

Культурное взаимодействие этнических сообществ Молдовы. Перспективы развития.

2. Бабилунга Николай Вадимович, доктор истории, заведующий кафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко.

Молдавское национальное сознание на правом и левом берегах Днестра.

3. Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Национально-языковая картина мира и коммуникативное пространство.

4. Аникин Владимир Ильич, доктор хабилитат политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы.

Полиэтническое население севера Бессарабии (конец XIX - начало XX в.): грани толерантности.

5. Гарусова Ольга Андреевна, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Бухарестская газета "Наша речь" и культура Бессарабии в 1920-30-е гг.

6. Шишкан Константин Борисович, доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

К вопросу о молдавско-русских взаимосвязях в литературе (традиции интерпретации фольклора).

7. Прокоп Светлана Павловна, доктор филологии, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Цыганская литература на русском языке как тип культурной характеристики (аспекты этнолитературы).

8. Тудосе Вера Ивановна, доктор филологии, конференциар гуманитарного факультета Славянского университета Республики Молдова.

Молдавская полиэтничность и ее отражение в печатных СМИ.

9. Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии, заведующая кафедрой славянской филологии Славянского университета Республики Молдова.

Колористическая функция молдавенизма в русской речи Молдавии. Причуды заимствования в условиях двуязычия.

10. Романчук Алексей Андреевич, старший преподаватель Высшей антропологической школы (ВАШ), Кроитор Сергей Сергеевич, студент первого курса ВАШ.

Святые покровители церковей Бессарабии (по результатам переписи 1820 г.).

20 декабря, 11⁰⁰

Этнокультурные взаимодействия на юге Молдавии

Тараклийский государственный университет

Тараклия, ул. Мира, 4, зал сената.

Открытие конференции.

Докладчики:

1. Грек Иван Федорович, доктор истории.

Иван Антонович Анцупов.

2. Черевенков Николай Николаевич, доктор хабилитат истории.

Коллекция документов И. Анцупова – важный источник по изучению Буджака.

3. Никогло Диана Евгеньевна, доктор истории, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Гагаузы в научных трудах И. Анцупова.

4. Булгар Степан Степанович, директор Научного центра при исполкоме Гагаузии.

Гагаузы и болгары в документах и материалах царской администрации и научных исследованиях XIX в.

5. Суляк Сергей Георгиевич, доктор истории.

Русины Молдавии: прошлое и настоящее.

6. Руссев Николай Дмитриевич, доктор кандидат истории.

Вблизи «Рутенских гор»: о древнерусском населении Прикарпатья в контексте этнополитической истории.

7. Пасларь Мария Лазаревна, старший преподаватель Тараклийского государственного университета.

Полиязыковая личность в современном молдавском обществе.

8. Симеонов Иван (Болгария), доктор истории, доцент Тараклийского государственного университета.

Два произведения на одну тему.

9. Кондов Васил (Болгария), доктор истории, доцент Тараклийского государственного университета.

Языковой фактор при этническом самоопределении.

10. Петкова Славка (Болгария), старший преподаватель Тараклийского государственного университета.

Сохранение этнического разнообразия в условиях мультикультурного музыкального воспитания детей.

21 декабря, 11⁰⁰

Этнокультурные взаимодействия на севере Молдавии

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

Бельцы, ул. Пушкина, 38, БГУ им. А. Руссо,

корпус III филологического факультета, аудитория 443.

Открытие конференции.

Докладчики:

1. Стати Василий Николаевич, доктор кандидат истории, доктор филологии.

Кто такие молдаване?

2. Шорников Петр Михайлович, доктор истории.

Молдавская государственность и молдавская национальная идентичность в XX - начале XXI в.

3. Суляк Сергей Георгиевич, доктор истории.

Русины – коренное население Карпато-Днестровских земель.

4. Руссев Николай Дмитриевич, доктор кандидат истории.

Судьбы славянского населения Молдавии.

5. Иванов Юрий Васильевич, историк.

Этническое самосознание русинов севера Молдавии.

6. Стич Дина Михайловна, доктор филологии, конференциар Бельцкого государственного университета им. А. Руссо.

Диалектные особенности лексики говора села Добруджа.

7. Бортэ Лариса Васильевна, доктор хабилитат филологии, заведующая кафедрой русского языка и литературы Бельцкого государственного университета им. А. Руссо.

Образное воплощение идеи единения в "Слове о полку Игореве".

8. Долгов Вячеслав Геннадьевич, магистр филологии, преподаватель Бельцкого государственного университета им. А. Руссо.

Юродство веры: историко-культурный аспект старообрядчества.

9. Сирота Елена Владимировна, доктор филологии, конференциар Бельцкого государственного университета им. А. Руссо.

Фонетические особенности говора села Добруджа.

10. Бражук Владимир Николаевич, магистр филологии, преподаватель Бельцкого государственного университета им. А. Руссо.

Славянская символика "дома" в романе И.А. Гончарова "Обломов".

The logo consists of a dark grey rectangular background. At the top, the word "РУСНАК" is written in large, white, 3D-style Cyrillic letters. Below it, the words "RUSYN RUTHEN" are written in a smaller, white, sans-serif font. In the center, there is a shield-shaped emblem. The left side of the shield has four horizontal stripes of varying shades of grey. The right side of the shield is white and features a black silhouette of a bear standing on its hind legs, facing left. Below the shield, the website address "www.rusnak.info" is written in a large, bold, black sans-serif font. Underneath that, the email address "e-mail: svmiros@eunet.yu" is written in a smaller, black sans-serif font.

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ – СТЕРЖЕНЬ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

19-21 декабря этнокультурная организация русинов Молдавии Общественная ассоциация «Русь» совместно с Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, Тараклийским и Бельцким государственными университетами провела международную научно-практическую конференцию **«Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Чтения памяти И.А. Анцупова»**. Мероприятие было проведено в память об известном молдавском историке **Иване Антоновиче Анцупове** (1920-2004). Всю свою многолетнюю научную деятельность Иван Анцупов посвятил изучению этносов, проживающих на территории нашей страны.

Конференция была проведена в три этапа, чтобы привлечь и научную общественность, проживающую на юге и севере Молдавии. В работе конференции приняли участие доктора исторических наук Василий Стати, Николай Руссев, Николай Червенков, доктор политологии Владимир Аникин, доктора филологических наук Лариса Бортэ, Ирина Ионова, кандидаты исторических наук Петр Шорников, Иван Грек, Сергей Суляк и другие. Конференцию «Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Чтения памяти И.А. Анцупова» по праву можно отнести к началу мероприятий, приуроченных к празднованию 650-летия основания Молдавского государства, которое будет широко отмечаться в 2009 г.

Открытие конференции состоялось в Кишиневе, и в первый день были проведены две дискуссии **«Молдаване в истории: прошлое и настоящее»**, **«Русины в истории: прошлое и настоящее»**. Эти две темы настолько взаимосвязаны, что обсуждение двух тем дискуссий было решено объединить. Исследователи пришли к единому мнению: именно наличие русинской (русской) составляющей привело к этнокультурным отличиям молдаван от румын (валахов). По окончании первого дня работы представители Общественной ассоциации «Русь», Патриотического движения «Про Молдова», Ассоциации историков «Родной край» и Ассоциации болгаристов приняли заявление, в котором высказали озабоченность по поводу отсутствия в учебных заведениях курса «История Молдавии», что ущемляет не только права молдавского народа, но и всех национальных меньшинств.

Во второй день работы в Тараклийском государственном университете рассматривались вопросы этнокультурного взаимодействия на

юге Молдавии. На приглашение Общественной ассоциации «Русь» принять участие в конференции откликнулись трое исследователей из Болгарии: доктора истории Иван Симеонов, Васил Кондов, Славка Петкова.

Тема заключительного дня в Бельцах – «Этнокультурные взаимодействия на севере Молдавии» - очень заинтересовала не только преподавателей, но и студентов Бельцкого государственного университета им. А. Руссо. Около 200 человек, собравшихся в зале, живо интересовались вопросами сохранения молдавской и русинской идентичности, их этнической историей и взаимными контактами, задавая докладчикам дополнительные вопросы.

Сергей Суляк, доктор истории, президент Общественной ассоциации «Русь»:

- Мы собрались, чтобы обсудить вопросы истории нашего края, которая неразрывно связана с историей этносов, проживающих здесь. Приятно, что мы пришли к единой точке зрения по вопросу этногенеза молдаван. Все участники конференции согласились, что именно наличие русинской составляющей привело к этнокультурным отличиям молдаван от румын (валахов).

Русины (древнерусское население, само слово «русин» – производное от «Русь») составляли значительную часть населения Молдавии в

**Второй день работы конференции.
Тараклийский университет.**

средние века (40% в середине XIV в). Большая часть русинского этноса со временем вошла в состав формирующейся молдавской народности. Однако значительная часть русинов (руснаков) сохранила свою этничность. В начале XX в. на севере Бессарабии жило не менее 250 тыс. представителей этого древнего этноса. Сегодня в Молдавии проживает не менее 500 тыс. потомков русинов, причем многие из них сохранили свою культуру, язык и самосознание.

Древнерусская традиция оказала большое влияние на государственные институты Молдавского княжества. Западнорусский (т.е. русинский) язык был языком официальных актов и литературы княжества. До сих пор в основном фонде современного молдавского языка насчитывается более 2 тыс. восточнославянских заимствований.

Также на конференции был поднят вопрос о необходимости серьезной доработки и увеличения количества часов преподавания курса «История, культура и традиции русского народа». Этот курс продолжительностью чуть больше 30 часов в год, взятых за счет классных часов, в настоящее время для учащихся - единственная возможность познакомиться с историей своего этноса. Было отмечено, что программа для школ с русским языком обучения, утвержденная Министерством просвещения, молодежи и спорта, написана неспециалистами и не отвечает поставленным целям. У присутствующих вызвало недоумение само содержание курса, тематически не связанное с

**Третий день работы конференции.
Бельцкий государственный
университет им. А. Руссо.**

данным предметом. Подобные программы должны, на наш взгляд, обсуждаться и приниматься совместно с представителями русских этнокультурных организаций и учителями истории учебных заведений с русским языком обучения. Количество часов, отпущенных на изучение данного курса, должно быть не менее двух часов в неделю в начальной школе и один час - в старших классах. Необходимо разработать специальное методическое пособие для учителей. Его содержание должно утверждаться на конкурсной основе, опять же, с привлечением представителей этнокультурных организаций и учителей. Да и ведение самого курса необходимо поручить учителям истории.

Главным итогом конференции является не только то, что в ходе обсуждений мы смогли сблизить свои позиции по основным вопросам истории нашей страны, но и то, что она показала, что научная разработка истории Молдавии и проживающих на ее территории этносов продолжается, несмотря на отсутствие поддержки со стороны государства.

В свою очередь, полиэтничность нашего общества – гарант сохранения молдавской государственности.

Василий Стати, доктор хабилитат истории, доктор филологии:

- Я хочу подчеркнуть не только своеобразие обсуждаемой проблематики, но впервые примененную форму проведения конференций: в Кишиневе, Тараклии, Бельцах, что позволило нам провести полезный и взаимообогащающий научный диалог с исследователями севера и юга Молдовы.

К сожалению, в последнее время разработка проблемы зарождения и коммунитета молдавского этноса изучается вне академической науки, без поддержки государства.

Общеизвестно, что становление молдавского этноса в Восточном Прикарпатье произошло на основе длительного своеобразного симбиоза волохов (романизированного населения), переселившихся из Трансильвании, и русинов (древнерусского населения). Средневековая этническая картина Восточного Прикарпатья в общих чертах сохранилась в наши дни, особенно на севере Молдовы. Подтверждают это многочисленные примеры из молдо-славянских летописей и древнерусских источников. Румынские историки академики И. Богдан, Д. Ончул, К. Джуреску подчеркивали, что о восточных романцах можно говорить лишь после того, как их представители обогатили свой язык, образ жизни славянским (русинским) элементом. К сожалению, вышеизложенные принципиальные положения, необходимые для понимания этногенеза молдаван, до сих пор почему-то игнорируются нашей официальной историографией.

Международная научно-практическая конференция «Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Чтения памяти И.А. Анцупова» внесла свой, пусть небольшой, вклад в изучение ранней этнической истории молдаван. В процессе исследования истории всех этносов, проживающих в нашей республике, остается, на мой взгляд, наименее исследованным этногенез титульной нации. История, культура молдаван исключены из учебных программ всей системы образования, из исследовательских планов институтов Академии наук Молдовы.

Невероятно, но Закон об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова, принятый в декабре 2003 г., который определил главные направления государственной поддержки развития и свободного выражения этнической, культурной, религиозной и языковой самобытности всех этнических сообществ, проживающих в Молдове, до сих пор не выполняется в отношении молдаван, которые являются, согласно вышеуказанному закону, государствообразующей национальностью.

Остается надеяться, что доклады и сообщения, прозвучавшие на конференции, заставят соответствующие организации обратить внимание на сложившуюся ситуацию.

Петр Шорников, доктор истории:

- 90-е годы XX в., в социально-экономическом плане провальные, в сфере исторических исследований дали немало нового. Историк живет в обществе. Сегодня он по-прежнему стоит перед выбором: извлечение исторической истины либо искажающее замалчивание ее существенных фрагментов – или конфликт с соседним государством. Сотрудники научных учреждений работают по заказу – даже если это так называемый социальный заказ. Тот, кто пытается разрабатывать ту или иную тему, интересующую его, но не лиц, в силу служебных полномочий определяющих сущность социального заказа, лишен возможности публиковать результаты своих исследований. В этих условиях, во-первых, приятно было убедиться, что некоторые ученые сохранили концептуальный суверенитет и верность научному методу. Вопреки политической конъюнктуре они продолжили исследования с научных позиций.

Во-вторых, по некоторым направлениям совершен подлинный прорыв в научных исследованиях. Свидетельством тому – появление в обороте молдавской историографии новых тем, сюжетов, терминов, важнейший из которых, естественно, молдавизм. Молдавизм есть молдавское родовое (этническое, национальное) сознание и приверженность традиционным ценностям молдавского народа: самоназванию

«молдаване»), лингвониму «молдавский язык» и молдавской кириллической графике, а также совокупности представлений молдаван о себе и о других народах, верность православию и восточной геополитической ориентации молдавского народа. Молдавизм есть выражение молдавской этничности. Пионером разработки тематики молдавизма выступил Василий Николаевич Стати.

Наша работа, следует признать, облегчается тем обстоятельством, что, в отличие от оппонентов, мы оперируем не мифами, а реалиями истории. Противники молдавизма историки-румынисты понимают это и явно избегают обсуждения сущности румынизма. Что это за идеология? Румынский историк Константин Рэдулеску-Мотру, еще в 30–40-е гг. прошлого века изложил основные постулаты этой идеологии в книгах «Румынизм», «Румынская этничность», «Национализм» и других работах. Румынизм он определял лихо: «Румынская этничность есть то, что обычно именуется также Румынизмом. Он содержит структуру, которую придало ему историческое прошлое, [и] энергетический потенциал, с которым румынской нации предстоит преодолеть неизвестность будущего». Пределы «румынского пространства» он определял ареалом проживания восточных романцев – от Адриатики до Буга, а в трактовке румынских пропагандистов времен второй мировой войны – «до врат Азии». То обстоятельство, что на этих землях живут и люди иных национальностей, его не интересовало. Но Рэдулеску-Мотру сформулировал идеологию Румынского государства во времена, когда он был огражден от критики государственной власти. Сегодня все-таки иные времена, и современные румынисты еще помнят прошлое молдаван и других народов. Они понимают, что серьезное изучение сущности румынизма означает его разоблачение как этногосударственного проекта, осуществляемого на основе исторических мифов. Это по венаучным причинам их не устраивает.

Прорывом системы табу, на протяжении почти ста лет блокировавшей осмысление исторических процессов, стало возобновление исследований истории русского населения Молдавии. Основные исследования ведутся учеными, работающими вне учреждений Академии наук Молдовы. Книги издаются на спонсорские средства. В целях изучения истории русского (русинского) населения учреждены общественная организация «Русь», издается международный исторический журнал «Русин», открыт сайт «Русины Молдавии» в Интернете. Учеными не просто осуществляется накопление фактических данных по истории русских Молдавии, что само по себе ценно в научном плане, но решается вопрос о содержании современной русинской идентичности. С выходом свет книги С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии» этноним русин (руснак) воз-

вращен в научный оборот, восстановлена традиция русинских исследований, прерванных в России еще в годы первой мировой войны. Достижениями науки стало издание коллективной работы «И... разошлись славяне по Земле», посвященной славянскому населению Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв., и монографий И.А. Анцупова «Качество российское между Бугом и Дунаем», Н.В. Абакумовой «Русское население Бессарабии. XIX – начало XX в.», А.Ю. Скворцовой «Русские Бессарабии. 1918-1940: Опыт жизни в диаспоре». Изданы также три сборника статей, посвященных истории старообрядцев, некоторые другие работы по истории русского населения Молдавии.

И, наконец, не без влияния курса «история румын» развернулись в Молдавии исследования этнических историй гагаузов и болгар. Важнейшими достижениями этого направления назвал бы исследования академика М.Н. Губогло «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (М., ЦИМО, 2004), «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» (М., Наука, 2006) и другие, коллективный труд «История и культура гагаузов» (Кишинев-Комрат, 2006), сборники «Курсом изменяющейся Молдовы» (М., 2005-2007), подготовленный И.Ф. Греком и Н.Н. Червенковым сборник документов «По пути национальной духовности болгар Молдовы. (Конец 80-х - 90-е гг. XX в.)» (Кишинев, 2005), материалы ряда научных конференций, проведенных в Комрате, Кишиневе, Эгулии.

Вся эта работа, повторю, проводится в отсутствие государственной поддержки. Не получили таковой и исследования этнокультурной идентичности молдаван. А поддержка государства необходима. Научный прорыв, обеспеченный энтузиастами, следовало бы подкрепить переориентацией научных учреждений и государственным финансированием исторических исследований и книгоиздания.

Николай Русsev, доктор хабилитат истории:

- Многообразные этнокультурные процессы характерны для данной территории с глубокой древности. В эпоху средневековья здесь сталкивались и накладывались целые ряды переселенческих волн западных, южных и восточных славян. Все они так или иначе оставили след в истории становления молдавского народа.

Особенно заметен в истории страны вклад русинов (руснаков, рутенов). Они обитали в крае еще до создания Молдавского средневекового государства и сохраняли свое этническое своеобразие вплоть до XX в. К сожалению, сегодня можно говорить лишь о мелких островах этой быстро ассимилирующейся в среде молдаван и украинцев общности, которую необходимо не только изучать, но и попытаться защитить от полного исчезновения.

Червенков Николай, доктор хабилитат истории:

- Наряду с проблемами болгаристики, что является главным направлением в исследовательской деятельности нашего Тараклийского государственного университета, мы продолжаем заниматься изучением истории Молдавии и всех проживающих в нашей республике этносов. Поэтому мы поддерживаем проведение «Чтений памяти И.А. Анцупова» и рады, что одно заседание было организовано у нас.

Мы признательны наследникам И. Анцупова, которые подарили нашему вузу богатую архивную коллекцию ученого. Для нас это неисчерпаемый источник изучения истории, демографии, экономики Буджака.

Пресс-служба Общественной ассоциации «Русь»

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО ФИЛЬМА О РУСИНАХ

25 марта 2008 г. в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» состоялась презентация нового документального фильма об истории и культуре карпатских русинов. «**Я русин был, есмь и буду**», - именно так, вслед за русинским национальным классиком Александром Духновичем (1803-1865), озаглавили свою ленту латвийские кинематографисты из студии «Звайгзне».

Главным организатором презентации выступило русинское землячество «Карпатская Русь». Председатель землячества Йозеф Михайлович Гливка и его заместитель историк-русинист Михаил Юрьевич Дронов кратко ввели аудиторию в курс русинской проблемы. После этого было продемонстрировано небольшое видеоприветствие «Слово к русинам в рассеянии» главы Сойма подкарпатских русинов о. Димитрия Сидора, подготовленное специально для мероприятия. По замыслу устроителей, это явилось своеобразным предисловием к фильму, т.к. именно о. Д. Сидор выступил в качестве главного консультанта и одного из авторов сценария новой ленты.

Несмотря на короткометражный формат (26 минут), фильм «Я русин был, есмь и буду» в доходчивой форме знакомит зрителя с основными этапами русинской истории от средневековья до наших дней. Большинство принявших участие в показе, включая специалистов РАН и МГУ, дало высокую оценку изобразительному решению и идейно-художественному качеству ленты.

Презентация прошла в конструктивном ключе и завершилась дружеским фуршетом. Всего на мероприятии присутствовало около 50 человек.

Пресс-служба русинского землячества «Карпатская Русь»

Василий СТАТИ

КТО ТАКИЕ МОЛДАВАНЕ?

Молдавское обществоведение и его историографический базис – *молдавско-славянские летописи*, первые истории Молдавии на молдавском языке до 1857 г. (выхода 2-томной *«Истории Молдовы»* Манолаки Дрэгич) содержат уникальный, богатейший, основательно документированный и разнообразный по тематике фонд информации о возникновении и становлении молдавской этнической общности. Эти ценнейшие сведения до сих пор не тронуты молдавскими этнологами, а потому остаются неизвестными широкой заинтересованной публике и, казалось бы, не менее заинтересованным политическим кругом.

Статья известного этнографа В. Зеленчука с очень интригующим и обязательным заглавием *«Молдавские летописи как источник ранней истории молдаван»* (1973 г.) осталась на уровне заявленной темы. Это подтверждается и коллективной монографией *«Молдаване»* (1977 г.), этнологическая часть которой (всего 4 страницы) фактически избегает вопроса о романском происхождении молдаван.

Кто такие молдаване? Вопрос даже для начинающего аналитика далеко не праздный. Для политиков же, особенно для государственных деятелей, этот вопрос чрезвычайно чувствительный и взрывоопасный. Мы не ставим себе задачу осветить на нескольких страницах хотя бы одну сторону многогранной, комплексной проблемы: откуда и с каких пор существуют молдаване. Этому будет посвящено целое исследование. Здесь и сейчас мы обратим внимание лишь на то, **как изучается этническая история государствообразующей нации по имени молдовень** в стране Молдова, в которой есть Академия наук (Молдавская).

Взаимодействие миграционных, историко-политических (экспансионистских) и религиозных факторов появления предпосылок образования и утверждения этнической общности по имени **молдовень** за последние 290 лет (после монографий М. Костина *«О племени молдаван, из какой страны вышли их предки»* (1690 г.), *«Хроникул векумей Романо-молдо-влахилор»* (1777 г.) Д. Кантемира) не изучается. Работа А. Грекула *«Расцвет молдавской социалистической нации»* (1974 г., молдавское издание – 1978 г.), коллективные исследования *«Молдаване»* (1977 г.), *«Формирование молдавской буржуазной нации»* (1978 г., молдавское издание – 1985 г.), так же как *«Очерки истории формирования молдавского народа»* Н. Мохова (после-

днее издание - 1978 г.), не меняют создавшегося уникального положения, при всех несомненных достоинствах последних двух, поскольку не соответствуют условиям заявленной научной задачи: **генезис и континуитет молдаван**.

После длительного периода (1717-2007 гг.) разновекторных деформаций сегодня молдавскую этнологию стремятся втиснуть в прокрустово ложе модных течений типа *нация – это лишь политически организованное сообщество*, минуя фазу научно-теоретического осмысления генезиса того, из чего состоит нация, процессов ее становления как таковой в коллективной ментальности, усвоения и осознания этой реальности политическим классом с неустойчивым концептуальным базисом.

Ситуация общеизвестна, обсуждается уже и на страницах ежедневных газет. Если до конца 80-х г. XX столетия официальные идеологии и приданные им научные подразделения признавали хоть как-то, в разных таксономических категориях, молдаван: *народность, нация* (буржуазная), *нация* (социалистическая), то с 1990 г. молдавскому сообществу с 700-летним этническим и историческим стажем отказано в существовании. Молдавская этническая история, этнология с общепризнанными традициями, по меньшей мере с первой половины XVII в. (Г. Уреке), табуизирована: не издается, не изучается, не исследуется и даже не упоминается.

Официальная, в смысле последовательно и неотступно осуществляемая в Республике Молдова идеологическая, этнополитическая установка следующая: нет молдавской нации; есть одна лишь нация - румын; молдаванам разрешается (пока) быть лишь *«гражданами» «второго румынского государства»*. В этом и только в этом направлении целеустремленно и неумолимо трудится вся система воспитания и образования – от садиков, гимназий, лицеев до университетов; вся система культуры - библиотеки, театры, издательства, творческие союзы; подавляющее большинство газет и журналов, радио и ТВ-каналов... Во всеобъемлющем «великом деле» всеобщей румынизации всей страны особое усердие проявляет новая Академия наук Молдовы, чьи гуманитарные институты в 2003 г. открыто выступили против *Концепции национальной политики Республики Молдова*, официально отказали 3 000 000 молдаван в праве на идентичность, на языковое самосознание, в праве считать, осознать и утвердить себя таковыми. (Архив Парламента Республики Молдова, 2003, октябрь).

Непревзойденным образцом «подлинно научной принципиальности» останутся в анналах молдавской науки пламенные выступления и яростное сопротивление академика Георгия Дука против празднования 640-летия Молдавского государства и континуитета молдавского на-

рода (*стенограммы заседаний Парламента Республики Молдова, 1998, ноябрь*). Примечательно, что за большие заслуги в развитии молдавского обществоведения, за общепризнанный вклад в развитии молдавского языка, молдавской этнологии, молдавской государственности вообще академик Г. Дука был сделан президентом Академии наук Молдовы.

В этих условиях любая попытка изучать с точки зрения классической этнологии зарождение и становление этноса молдаван неизбежно становится *проблемой этнополитической*, при исследовании которой политический, в основном – внешнеполитический (как это не парадоксально!) фактор является постоянным препятствием, которое порой трудно преодолевать сугубо научно-понятийным инструментарием.

Молдавская этноисториография всегда была чувствительна (по приращению ли, по конъюнктурным соображениям ли) к любым требованиям господствующей политической доктрины. В зависимости от доминирующей идеологии, от социального заказа в статьях на эту комплексную и острую тему – генезис молдаван - выделялась то романизация фракийских (*даков, карпов, костобоков*) племен, то лишь судьба восточнороманизованного мира и только в начале II тысячелетия.

До недавнего времени (конец 80-х гг. XX в.) при исследовании любого аспекта социально-духовной жизни, особенно становления молдавской этнической общности, ее историко-культурного развития, требовалось изыскать и подчеркнуть славянский элемент как решающий фактор возникновения и существования молдавской «народности». После создания Молдавской ССР, по мнению румынского историка В. Спиная, прошлое начали моделировать в соответствии с доктринерскими нормами советского гегемонизма. Слоганы интернационализма пытались задушить автохтонные ценности, заменяя их выдумками славянизирующего течения (V. Spinei, 1992).

После 1990 г. в Молдове и в соседней западной стране «алогенный славянский элемент», как и исконно автохтонный – молдавский, табуизированы: исключены из планов академических институтов, университетских курсов, из учебных программ и школьных учебников, из официального политического дискурса. Об этом румынский историк умалчивает.

В этих своеобразных, крайне неблагоприятных политико-исследовательских условиях Молдовы, чей политический класс часто и резко меняет идеологические векторы, констатация: «Проблема формирования молдавской народности – выделения молдаван из общей массы волохов, как самостоятельной этнической общности **до настоящего времени (!)** остается недостаточно изученной» (В. Зеленчук) – по-прежнему является актуальной и даже злободневной.

Сложно, практически невозможно – об этом красноречиво свидетельствуют академические планы последних 17 лет! – всесторонне, а значит, достоверно изучать извилистый путь эволюции историко-географического контекста, этнодемографических факторов и социально-психологических трансформаций в процессе становления молдавской этнической общности в условиях, когда документальная база недоступна или административно не рекомендована. Крайне затруднительно проследить и всесторонне обосновать семисотлетнюю историю возникновения и непрерывного существования молдавской этнической общности, когда первые этнические истории Молдовы – «*Молдавско-славянские летописи*» до сих пор не известны в республике ни в оригинале, ни на молдавском языке. Вообще, невозможно изучать историю Молдовы, этническую историю молдаван в условиях официальной табуизации всего, что связано с молдаванами, с Молдавским государством, когда форсированно фальсифицируются многовековые связи молдавского общества с другими этносами, воинственно культивируются молдавофобия и русофобия во имя нового духовного «мессии» – румынизма.

Кто рискнет, кто позволит сегодня кому-либо из сотрудников гуманитарных институтов Академии (Молдавской) хотя бы цитировать базисное положение генезиса восточных романцев: «Влияние славянского элемента в формировании нашей национальности настолько очевидно, что можем сказать, без преувеличения, что и речи быть не может о румынском народе до поглощения/усвоения (*absorbi*) славянских элементов автохтонным романским населением в течение VI-X вв.» (Иоан Богдан).

С другой стороны, кто из сотрудников Академии (Молдавской) осмелится указать, что утомительное повторение, например, румынским историком В. Спиноем, сочетаний «*populatie romaneasca*», «*spatiu etnic romanesc*» применительно к первым векам II тысячелетия в Восточном Прикарпатье анти- и венаучно. Потому что термин «*dôești*» появляется лишь в XVII в. и только в Валахии. Об этом даже некоторые современные румынские историки знают (М. Бабеш, Р. Попа, Д. Хурезяну и др.).

Этническая, этнополитическая история Молдовы знает немало случаев, когда из венаучных, политико-экспансионистских соображений части Карпатско-Днестровского пространства, то есть части молдавской исторической территории, переименовались, а новые «колониальные» топонимы распространялись завоевателями административным путем на новоприобретенные земли. Так случилось после 1775 г., когда австрийцы «под нечестным предлогом» (В. Спиной) навязали имя «Буковина» всему захваченному ими северу Молдовы. Так случилось

и в 1807 г., когда русское командование заявило османам, что имя «Бессарабия», то есть Буджак охватывает якобы всю Восточную (Пруто-Днестровскую) Молдову - колониальное название, которое императорский двор официализировал в 1813 г. Колониальный топоним «Бессарабия» объединил геополитические интересы императорской России и королевской Румынии. С целью вытравить из памяти молдаван Пруто-Днестровской Молдовы их этноисторическое, языковое, культурное и духовное единство с молдаванами Запрутской Молдовы царский двор переименовал новую территорию «Бессарабской областью», а румынский двор – «румынской провинцией». Румынский двор и его «бессарабская пятая колонна» и сегодня вызывающе и оскорбительно называют Республику Молдова «Бессарабией», а молдаван обзывают «бессарабскими румынами». В унисон с ними соответствующие официальные структуры Молдовы дали лицензию на деятельность на территории республики антимолдавской радиостанции с оскорбительным названием «Vocea Basarabiei».

Уже долгое время, но особенно с 1918 г., «румыны выдвигают гипотезы, на основе которых смогли бы претендовать на пространство побольше» (W. Kolarz, 2003). В силу этих иллюзорных, но опасных, дестабилизирующих притязаний валашские/румынские обществоведы с начала XIX в. декларировали в качестве абсолютной, вечной и неизменной истины постулат: независимо от места и времени фиксирования (в документах, летописях, в устном народном творчестве) слово *влах/валах*, во всех его вариантах приказано считать «румын». На основе этой официальной мистификации все восточные романцы, от Адриатики до Буга и далее, объявляются не только обществоведением, но и властями этой страны «tinuturi locuite de romani» (земли, заселенные румынами), «spatiu romanesc carpato-nistrean» (румынское карпатско-днестровское пространство), «spatiu etnic romanesc» (румынское этническое пространство).

Полная историко-географическая и этнополитическая несостоятельность подобных территориальных притязаний очевидна, потому что до середины XIV в. эти многоязыковые и полиэтнические зоны не могут быть приписываемы какому-либо централизованному государству, в ту пору здесь не существовавшему. «Но в этой ситуации вмешивается румынский национализм со своими историческими теориями, заявляя, что все эти оспариваемые многоязыковые зоны – осколки древней римской колонии Дакия и что румыны – потомки римлян. Заявляя об этом, они предполагают, что больше нет нужды в каких-либо доказательствах. Если, в их воображении, древняя Дакия (римская) простиралась до Днестра, то притязания на Бессарабию, якобы, оправданы» (W. Kolarz). Так утверждает большинство румынских общество-

ведов и их «бессарабские» эпигоны, откровенно путая Дакию с римской Дакией, превращая всех восточных романцев в «румын». Во имя этой всерумынской цели мобилизуются все румынские, не только научные, средства. Как признается румынский философ П. Цутя, в старой и новой академии (уже и в Молдавской) «все было поставлено на службу идеи национального объединения», то есть в оправдание территориальных притязаний. «Филологические и исторические исследования были духовным боевым оружием, наряду с военно-политическим. С их помощью обосновали наше присутствие, непрерывность и единство в пространстве, на которое претендуем» (P. Tutea, 1992). Во имя «обоснования румынского присутствия, румынской непрерывности и румынского единства на территорию, на которую румыны претендуют», усердно трудятся академические институты и вузы Республики Молдова. В этих политически и научно антимолдавских условиях вопрос «Кто такие молдаване?» выглядит вполне естественно. «Молдавенизм, национальное чувство молдаван «сегодня стали объектом хулы и издевательства... даже в государственных структурах, призванных, казалось бы, беречь имидж, традиции и достоинство народа, которого, якобы, представляют и защищают». (Х. Корбу, 2000). В этих условиях кто осмелится изучать генезис молдаван?! Которых как бы уже и не существует...

Исследование этнической истории молдаван сопряжено с очень сложными проблемами, нетрадиционными для творческого процесса. Основные усилия историков, этнологов, пытающихся подойти к этой незатронутой, табуизированной проблематике, расходуются на очищение этноисторических явлений и фактов от различного цвета и направленности политических оградений. Нередко самые, казалось бы, несущественные подходы, например, перевод с одного языка на другой известных этнонимов, в результате многолетних целенаправленных деформаций, интенсивных идеологических прессингов их содержание искажают до неузнаваемости. В результате официального запрета в садиках, школах, гимназиях, лицеях, вузах, в научных и культурных учреждениях **всего молдавского** в высших структурах власти государственный официальный язык Республики Молдова - **молдавский язык / limba moldoveneasca** - низведен до смехотворной бессмыслицы/абберации «limba de stat»: язык государства неизвестно какого, кем и зачем созданного. Дошло до того, что даже депутаты парламента, законодатели, граждане Республики Молдова публично раздражаются: «Чего вы возитесь со своим молдавским языком? Решайте сами!» А некоторые местные функционеры-молдаване со стыдом уже признаются: «А мы сами уже не разбираемся: кто мы такие...»

Исторический и социально-политический опыт многих многонациональных государств свидетельствует даже в наши дни: так долго продолжаться не может.

Неразработанность проблематики возникновения, становления и континуитета молдавской этнической общности имеет в своей основе общеизвестные предпосылки: и в советское, и в постсоветское время они – политического порядка. Объективный, подлинно научный подход к имеющейся очень богатой, разнообразной, хорошо документированной базе данных неизбежно приводил к всесторонне обоснованному выводу о существовании на протяжении многих столетий молдавского этноса – романского по своему происхождению и языку. А это противоречило официально провозглашенной советской идеологической установке: молдаване – народность славянского происхождения.

Попытки, после 1991 г. всесторонние, беспристрастно подойти к имеющейся добротной документированной базе данных неизбежно приводили к безупречно аргументированному заключению о том, что восточнокарпатская ветвь восточных романцев давно обособилась, индивидуализировалась и утвердила себя как этнос под именем **молдовень** и не под каким другим. Это категорически не вписывается в рамки навязанной Республике Молдова доктрине извечного повсеместного румынизма.

На этой стадии две сторонние по всем параметрам антимолдавские доктрины сомкнулись, их интересы совпали. В результате возникла и распространяется этнологическая фальшь о некоем выдуманном и раздуваемом на стороне «кризисе молдавской этничности». Дескать, эти задрипанные не поймешь кто, молдаване до сих пор не доросли до понимания, кто они. Как это ни смехотворно, подобные научные «открытия» выдают на гора не только академические центры Бухареста, но и Москвы.

Основные трудности исследования генезиса и континуитета молдаван не научного порядка. Суть задачи определяется как *научная санитария*: очищение добротной и разносторонне документированной 700-летней молдавской этнической истории от нагромождения деформаций, умолчаний, грубых искажений, смехотворных интерпретаций, просто от откровенной лжи, продиктованных чужими политическими интересами. Задача состоит также и в том, чтобы избавить молдавскую этнологию с ее 300-летней традицией от идеологических, политико-экспансионистских завалов, от беспочвенных концептуальных давлений. Задача, в конце концов, сводится к возвращению к действительности, к *норме*.

Этническая, этнологическая проблематика в Молдавии продолжает оставаться окутанной густой завесой идеологической лжи, очень

зловредной для тех, кто пытается ее приоткрыть. Любая попытка развеять эту завесу лжи, хотя бы незначительный ее фрагмент, сопряжена с очень большими, порой непредсказуемыми издержками для исследователя: полный остракизм, постоянная дискредитация - не самые худшие воздействия на непослушных «врагов нации», румынской, разумеется. Мы это сознаем.

Перефразируя известного испанского филолога А. Алонсо, отметим, что проблема этногенеза – это еще и проблема страстей вокруг этногенеза. Поэтому авторский подход, направленность и тональность этих страниц, возможно, не всегда будут соответствовать ожиданиям профессионалов, привыкших к сухому, бесцветному, то есть безличностному изложению, с герметичными, внешне научными комментариями и обобщениями. Писать только так и только то, с чем бы согласились абсолютно все ученые, утопично. Единственным критерием должна быть научная аргументированность позиции автора (В. Тишков). Мы постарались следовать этим старым, но всегда актуальным и полезным советам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеленчук В.* О характерных особенностях молдавской этнической общности. // Коммунист Молдавии № 10, 1972.
2. *Зеленчук В.* Молдавские летописи как источник изучения ранней истории молдаван. // Историографические аспекты славяно-волошских связей. Кишинев, 1973.
3. Молдаване. Кишинев, 1977.
4. *Мохов Н.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.
5. *Bogdan I.* Istoriografia romana si probleme ei actuale. Bucuresti, 1905.
6. *Cantemir D.* Hronicul vechimii romano-vlahilor. Bucuresti, 1901.
7. Conceptia politicii nationale a Republicii Moldova. Lege din 19.12.2003.
8. *Corbu H.* Deschidere catre valori. Chisinau, 2003.
9. *King Ch.* Moldovenii. Chisinau, 2002.
10. *Kolarz W.* Mituri si realitati in Europa de Est. Iasi, 2003.
11. *Spinei V.* Moldova in secolele XI-XIV. Chisinau, 1992.
12. *Tutea P.* Proiectul de tratat Bucuresti, 1992.

Сергей СУЛЯК

РУСИНЫ В ИСТОРИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Я русин был, емь и буду...
Александр Духнович (1803-1865)

**Принцип этнической принадлежности,
что бы он собой не представлял,
не несет в себе ничего программного
и еще в меньшей степени является
политическим понятием.**

Эрик Дж. Хобсбаум

Русин – самоназвание населения Древней Руси. Сам этноним «русин» - производное от слова Русь. Он упоминается в литературных памятниках с X в. К примеру, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) семь раз, князя Игоря (945 г.) - шесть, в «Русской правде»¹ и т.д. Долгое время данный этноним сохранялся на всей территории, входившей в состав Древнерусского государства: Малороссии, Белоруссии, Великороссии, Карпатской Руси. Тверской купец Афанасий Никитин писал в «Хождении за три моря» (XV в.): «А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесермянин – русин»².

К середине XIX в. этноним «русин» оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины.

Австро-венгерские власти называли своих русских подданных **русины, рутены (нем. Russinen, Rutnenen)**, в отличие от русских (российских подданных). Причем название рутены - средневековое латинское название русских, а русины - неправильное образование множественного числа от единственного числа русин. Сами русины называли себя в единственном числе русин, а во множественном числе - рускими, веру свою - рускою, свой народ и язык - рускими. В свою очередь русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и другие³.

Второй этноним населения Карпатской Руси – **руснак**. Население Карпатской Руси издавна проживало в соседстве с католиками-поля-

ками. Само слово «руснак» возникло как противопоставление этнониму «поляк». Руснаками (русняками) называли русинов их соседи поляки, словаки, чехи. Этот данный соседними народами внешний этноним был известен, по крайней мере, с начала XV в. В Чехии и Словакии русняками называли русинов, воевавших во время гуситских войн в отрядах таборитов⁴.

В Молдавии распространена фамилия Руснак. Ее носят 4696 человек. Также распространены фамилии Рэйляну (1998 чел.), Рэйлян (2937 чел.), Райлян (2230 чел.), Райляну (1241 чел.), Райку (378 чел.), Райко (около 175 чел.)⁵. Эти фамилии и производные от них носят потомки жителей Хотинского уезда, бывшего одно время турецкой провинцией – райей. Основным населением Хотинского уезда были руснаки.

Русины (руснаки) - потомки древнерусской народности. Впоследствии из нее, как указывала советская историография, выделились три братских восточнославянских народа: русские, украинцы и белорусы. Предки же современных русинов проживали в условиях гористой местности, в окружении иноязычного и зачастую иноконфессионального населения. Благодаря такой изолированности они сумели сберечь («законсервировать») многие культурные традиции Древней Руси, свой древний язык, сохраниться как этнос. Многовековое проживание в составе различных государств привело к возникновению у некоторых региональных групп русинов небольших этнокультурных отличий. Несмотря на это, русины и их потомки в большинстве своем сохранили русинское самосознание, историческую память и понимание единства всех русинов.

По мнению ряда исследователей, рассмотрение вопроса о пред истории русинов следует начать со сведений о ранних насельниках Северного Причерноморья – ираноязычных скифах и сарматах. Описывая население Северного Причерноморья, греческий историк Геродот (между 484 и 425 гг. до н. э.) пишет о скифах-кочевниках и скифах-земледельцах (сколотах-праславянах), которых он по месту проживания на Днепре также называет «борисфенитами»⁶.

Количество иранских параллелей в языке, культуре и религии восточных славян настолько велико, что в научной литературе давно поставлен вопрос о славяно-иранском симбиозе, имевшем место в истории восточных славян - антов, которые сформировались в Северном Причерноморье при активном участии иранского этнического компонента. Авторы большинства современных учебников истории России и Украины подчеркивают влияние скифо-сарматского мира на этногенез, культуру и государственность восточных славян⁷. На присутствие скифо-сарматских антропологических черт у части населения современной Украины, в т.ч. и жителей восточной части Буковины, указывает современный украинский этнолог Борис Савчук⁸.

О славянах впервые упоминается в античных источниках с I в. (Гай Плиний Секунд, Клавдий Птолемей, Випсаний Агриппа, Тацит и др.). В первой половине VI в. н.э. земли Юго-Западного Причерноморья вплоть до Дуная были заняты восточными славянами (антами). Этноним **анты** (древнеиндийское *antas* - конец, край, *antyas* - находящийся на краю, осетинское *attiya* - задний, позади) имеет иранское происхождение.

Восточные славяне в конце первого тысячелетия н.э. (фрагмент)

Древние названия городов и племен даны прописными буквами, остальные - строчными.

Источник: Нидерле Л. *Славянские древности*. М., 2001.

Ядро антского племенного союза, по данным археологии, полностью совпало как со старой территорией расселения скифов-пахарей, так и с областью распространения «полей погребений», выемчатых эмалей и кладов римских монет. Анты не только расселялись в городах скифского времени, но и строили новые.

Если культурное, этническое, экономическое единство населения Поднестровья, Попрутья, Нижнего Подунавья и жителей других земель Руси подтверждено археологическими данными, то анализ древнерусских летописей позволяет предположить, что славяне Пруто-Днестровских земель входили в состав Руси еще в ее догосударственный период. Скорее всего, конфедерация княжений, известная под именем Русь, сложилась в борьбе с Хазарским каганатом на рубеже VIII-IX вв.⁹

С VIII в. численность населения в Карпато-Днестровских землях резко возрастает. На территории Молдавии обнаружено 30 славянских поселений VI-VII вв. и свыше 80 - VIII-IX вв. На территории Северной Буковины славянские селища VI-VII вв. обнаружены в 40 пунктах, а VIII-IX вв. - в более чем 150 пунктах. К тому же селища VIII - IX вв. в несколько раз превышают по площади селища VI-VII вв. Демографический взрыв был следствием экономического подъема, вызванного появлением более совершенных земледельческих орудий.

В VII-IX вв. византийские хроники почти не содержат упоминания о восточных славянах. Это, вероятнее всего, было следствием переселения славян Карпато-Дунайских земель на север. Его причиной В.О. Ключевский считал аварское нашествие. С его точкой зрения согласен советский академик Ю.В. Готье, полагавший, что нашествия гуннов, готов и аваров заставили «некоторые энергичные и предприимчивые восточнославянские, «антские» племена искать спокойствие на угрюмом, но более безопасном севере». Не оспаривая эту версию, В.В. Седов считал, что переселение славянских племен вызвано изменением климатических условий. С конца IV в. в Средней Европе наступает резкое похолодание и увеличение выпадения осадков, что сделало многие пахотные участки непригодными для земледелия. Перемещение населения на север подтверждается археологическими данными. В конце IV-V вв. в северорусских землях появляются предметы провинциального римского происхождения, имевшие ранее хождение в Средней Европе. В настоящее время выявлено свыше 100 памятников с такими находками.

Но не все антские племена ушли на север. В непосредственной близости к Дунаю в VIII-X вв. обитали племена **уличей** и **тиверцев**. Сведения об этих племенах содержатся в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской и Троицкой летописях. Уличей и тиверцев нередко

считали основным ядром антов, самыми подлинными и чистыми антами.

Восточные географы причисляли уличей - «лудана» - не к славянам вообще, а конкретно к руссам. В **агурецанах**, описанных византийским императором Константином Багрянородным (905-959 гг.), и **attrozzie** (аттороссах), упомянутых в «Баварском географе» (Восточнофранкской таблице племен) IX века, известный чешский археолог Л. Нидерле видел вероятность связи этих двух этнонимов с тиверцами.

Локализация расселения тиверцев и уличей в Карпато-Днестровских землях, данная в «Повести временных лет», не вызывает сомнений: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились их города и доньне: вот почему греки называли их «Великая Скифь». «Баварский географ» называет русское племя «Unlicī» многочисленным народом, обладающим 318 городами. Летописные сведения о тиверцах более скудные, чем об уличах. Тиверцам, по данным того же «Баварского географа», принадлежало 148 городов. Уличи - ултины упомянуты и византийским императором Константином Багрянородным. Печенежский «округ Харовой, - пишет он в XIV главе сочинения «Об управлении империей», - соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластными Русской земле областями, именно с ултинами, дервленинами, лензенинами и прочими славянами»¹⁰.

В 885 г., указано в «Повести временных лет», киевский князь Олег властвовал над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал. Но уже в 907 г. тиверцы вместе с другими русскими племенами участвовали в походе Олега на греков. Князь взял вместе с другими племенами и тиверцев, **«яже суть толковины»**.

Ранее считалось, что данное слово употребляется в значении *союзники* или *переводчики*. Никто не задавался вопросом, зачем киевскому князю Олегу в 907 г. нужно было столько переводчиков в походе на греков, или почему только это племя среди всех прочих, принявших участие в походе, названо союзником. Ведь Олег 22 года назад успешно воевал с тиверцами.

В русинском языке до сих пор сохранилось древнерусское слово *толока*, которое обозначает *пастбище*. В этом значении слово *толока* до сих пор употребляется в ряде областей России и Украины. В.И. Даль (1801-1872 гг.) в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» указывал: *толока* (Симбирская, Пензенская губер-

нии), толок (Курская) - пар, на котором скот пасется, выгон, поскотина. *Толока* (юго-западное) - скотский выгон, городское, сельское общее пастбище, пар, парина, паровое поле, на которое пускают скот при трехпольном хозяйстве. Называя тиверцев толковинами, летописец упоминал их род занятий - пастушество. Название же соседнего тиверцам восточнославянского племени **хорваты** - от древнеиранского «пастух, страж скота».

Через 300 лет жившее в этих краях древнерусское население стали называть *галицкими выгонцами*, учитывая их «государственную» принадлежность и род занятий - скотоводство. Тот же В.И. Даль пишет, что *выгон* - пастбище, выпуск, толока, место паствы скота; сборное место для скота, откуда его гонят на дальнейшее пастбище по прогону. То есть в данном значении слова *толока* и *выгон* в русском языке - синонимы, соответственно синонимами являются производные от них *толковины* и *выгонцы*.

Речь идет о сформировавшемся на территории Юго-Западной Руси особом хозяйственно-культурном типе населения. Русское население Юго-Западной Руси наряду с земледелием активно занималось и скотоводством, что несколько отличало этот регион от других регионов Руси.

На первый взгляд, из этого ряда несколько выбивается название соседнего тиверцам и хорватам племени - уличи. Но, как обоснованно полагал советский языковед О.Н. Трубачёв, название уличи отражает тюркскую передачу древнерусского угличи. Это имя получено из вторых рук, от печенегов. О.Н. Трубачёв полагал, что угол - район Северного Причерноморья, где сходятся под углом друг к другу течения трех рек: Днепра, Буга и Днестра. То есть угличей так называли по месту проживания. Позднее, в XVI-XVIII вв., в области, расположенной в юго-восточной части Бессарабии (Северо-Западное Причерноморье, между устьями Днестра и Дуная), поселились кочевники татары, и она стала называться Буджак (по-турецки - угол). Местных татар стали называть буджакскими (т.е. угловыми) татарами¹¹.

Уличи, тиверцы и белые хорваты вместе с другими восточнославянскими племенами вошли в состав древнерусской народности и как самостоятельные русские племена в летописях не упоминаются. Но их потомки по-прежнему проживали в Карпато-Днестровских землях.

С 1054 г. пришедшие на смену печенегам половцы, пользуясь междоусобицами на Руси, утвердились на побережье Черного моря вплоть до Дуная. Однако часть русских поселений в низовьях Дуная устояла. В 1116 г. великий князь Владимир Мономах «посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю». Присутствие русского населения на Дунае отмечено и в «Слове о полку Игореве» (1187 г.). Возвращение

князя Игоря из половецкого плена описано в «Слове» так: «Солнце светится на небесе, - Игорь князь въ Руской земли; девицы поють на Дунаи, - вьются голоси чрезь море до Киева». Там же говорится о галицком князе Ярославe Осмомысле, который «подпер горы Угорские своими железными полками, заступил королю путь, затворил Дунаю ворота, меча тяжести через облака, суды ряда до Дуная». Как указывал В.Т. Пашуто, побережье Черного моря от Олешья до Малого Галича (совр. румынский Галац) было под властью галицко-волинских князей.

Русское население на Дунае было довольно многочисленным. Один из русских князей - Иван Ростиславович, сын перемышльского князя, княживший в Звенигороде, а затем в Галиче, установил связи с городом Берладь, находившемся на территории Добруджи (ныне - юго-восток Румынии). Будучи изгнан из Галича князем Владимиром, князь Иван бежал к Дунаю. Затем он появился в Киеве. Когда сын Владимира Ярослав Осмомысл потребовал от киевского князя его выдачи, Иван Ростиславович отправился на Дунай. Там к нему стекались половцы и русская вольница - берладники, причем последних у него было до 6000. В 1159 г. Иван Ростиславович, получивший прозвище Берладник, организовал поход на Галич, впрочем, окончившийся безрезультатно. Во второй половине XII в. Берладь попала под власть «галицкой державы». В 1223 г., когда на Руси собирали силы против татар, кроме галичан, волинян и их князей прибыли еще «выгонци галичкыя». Они вышли по Днестру в море и с моря вошли в Днепр. Их было много - 1000 «лодий». Речь идет о довольно многочисленном войске - лодья вмещала 40 и более человек. Поэтому численность «выгонцев», принявших участие в битве на Калке, можно определить в 30-40 тыс. чел. Возглавляли их не князья, а вожди Юрий Домамерич и Держикрай Володиславич.

Вторжение кочевников в Северное Причерноморье вызвало отток русского населения из Поднепровья на восток, в междуречье Оки и Верхней Волги, а также на Западный Буг, в область Верхнего Днестра и Верхней Вислы, в глубь Галичины и Польши. Другой поток миграции направился в низовья Дуная. Часть русских обращалась в «бродников», которые вели полукочевой образ жизни. Латинские хроники XIII в. указывают на появление «бродников» вблизи Венгрии.

После разрушения Киевской Руси на ее восточной и западной окраинах складывается почти из тех же элементов новая Россия. Появляются Владимир на Клязьме (столица Владимиро-Суздальского княжества) и Владимир (столица Владимиро-Волинского княжества), Звенигород на Москве, как и на Днестре, Галич Суздальский и Галич в Галицком княжестве, Ярославль на Волге и Ярославль на Сане и т.д.

Сюда же можно отнести средневековые города с названием Перемышль: нынешний польский г. Пшемысль на Сане и два Перемышля в Северо-Восточной Руси - один южнее Калуги (город, известный с XII в., ныне село на левом берегу Оки в 30 км к югу от Калуги), другой - южнее Москвы, а также город Соль Галицкая на р. Кострома. Список, разумеется, можно продолжить. Наплывом русских переселенцев, быть может, объясняются и известия XIII и XIV вв. о существовании православных церквей близ Кракова и в других местностях Юго-Восточной Польши. Около 1150 г. краковский епископ Матвей писал: «Русское племя по своей бесчисленности подобно звездам».

Как считал Л. Нидерле, потомки уличей и тиверцев отступили в Карпаты, и именно они положили начало заселению Трансильвании (Семиградья) и Северной Венгрии русским элементом, многочисленные следы которого мы находим и теперь в местной топонимике венгерских и румынских областей.

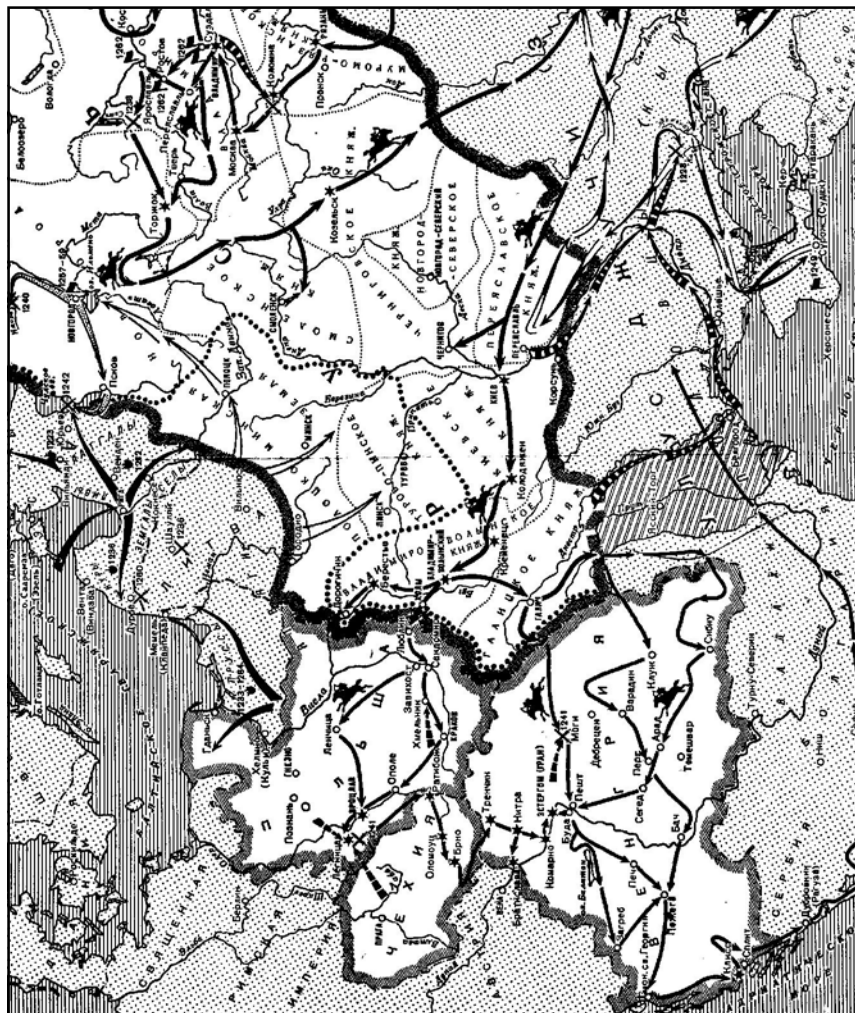
Во второй половине XI - первой половине XII в. образуется «областная» территория на Верхнем Днестре - «Галицкая земля». Сам термин встречается уже в середине XII в. По известию 1152 г., на западе «земля Галицкая» начиналась уже у р. Сан. Там уже существовал Ярославль за Саном. По известию 1229 г., «Галицкая земля» определялась пространством от речки Боброка до рек Ушица и Прут, т.е. включала север Карпато-Днестровского региона.

Галицкое княжество уже во второй половине XII в. становится одним из самых сильных и влиятельных княжеств Южной Руси. Князь его Ярослав Осмомысл, как говорится в «Слове о полку Игореве», «отворяет ворота Киеву». С конца XII в., при князьях Романе Мстиславовиче, присоединившем Галицкую землю к Волыни, и его сыне Данииле, соединенное княжество заметно растет, густо заселяется, князья его, несмотря на внутренние смуты, быстро богатеют, распоряжаются делами Юго-Западной Руси и самим Киевом; галицкого князя Романа летопись даже величает «самодержцем всей Русской земли». Киев окончательно утратил свое значение общерусского центра, и политическая жизнь переместилась в Суздальско-Владимирскую и Галицкую Русь.

Татаро-монгольское нашествие вызвало еще большее передвижение населения с востока на запад, в результате чего русское население Галицкой земли и придунайских областей не только не уменьшилось, а увеличилось. В 1254 г. венгерский король Бела IV жаловался папе, что его теснят с востока, т.е. из Карпато-Днестровских земель, русские и бродники, а в числе враждебных племен перечислял русских, куман, бродников и болгар. К 1249 г. князю Даниилу удалось утвердить свою власть в Галиче и расширить пределы княжества. Этот

Борьба за независимость народов Восточной и Центральной Европы в XIII в. (Фрагмент)

Источник: Пауто В.Т. Очерки истории СССР XII-XIII вв. Пособие для учителей. М., 1960.

- Границы русских земель и княжеств к началу XIII в.
- Земли, завоеванные от галльского князя
- Границы Венгрии, Польши и Чехии
- Направление нападений шведов и северных феодалов
- Походы Александра Невского
- Места и даты восставших народов Прибалтики против немецких крестоносцев 1223
- Татаро-монгольское нашествие
- Походы полководца Чингис-хана в 1223 г.
- Походы Батыя (Бату) и его полководцев в 1240-1242 гг.
- Действия русских войск
- Действия половков, чехов, венгров и др.
- Места и даты свирепейших городов, оказавших наиболее упорное сопротивление татаро-монголам
- Места и даты восставших против татаро-монгольских завоевателей
- Западная граница русских земель и княжеств, достигшая дельты Золотой Орды
- Направление литовских походов на русские земли
- Границы прочих государств

период истории княжества, продолжавшийся около 15 лет, стал временем наибольшего могущества Галицкой земли. Хотя в первой половине княжения Даниила произошло завоевание Руси монголами, татаро-монгольское нашествие принесло Юго-Западной Руси меньше разрушений, чем Северо-Восточной. Период расцвета Галицко-Волынского княжества окончился со смертью Даниила в 1264 г. После гибели его прямых потомков около 1324 г. княжество становится ареной борьбы между Польшей, Великим княжеством Литовским и Русским и Венгрией. В 70-х гг. XIV в. Волынь досталась Литве. В 1386 г. литовско-русский князь Ягайло сочетался браком с королевой Польши Ядвигой, что вело к инкорпорации Великого княжества Литовского и Русского в Польское королевство. В том же году Ядвига предприняла поход в Галицкую Русь и окончательно присоединила ее к Польше. С тех пор до так называемых разделов Польши Галицкая Русь оставалась одной из ее провинций – Русским воеводством.

Прессинга католицизма избежало русское население Пруто-Днестровского междуречья. Со второй половины XIV в., благодаря завоеваниям русско-литовских князей и образованию Молдавского княжества (1359 г.), православный элемент в регионе начинает брать перевес над татаро-половецким, преобладавшим на юге. Во время войны между Польшей и Литвой за галицко-волынское наследство татары принимали сторону то одного, то другого государства. В 1362 г. великий князь литовский и русский Ольгерд одержал победу над тремя татарскими князьями - Кутлубугой, Хаджибеем и Дмитрием в Подолии, на берегах реки Синие Воды (Синюхи), освободив Днестр для судоходного сообщения. Литовско-русские князья распространили свою власть до самого Черного моря и на правый берег Днестра. Здесь появляется целый ряд русских городов, которые были восстановлены литовско-русскими князьями на месте городов, упоминаемых еще Константином Багрянородным¹².

Таким образом, территория Карпато-Днестровских земель была издавна населена восточными славянами, а затем входила в состав Древнерусского государства и Галицко-Волынского княжества.

Длительное присутствие восточных славян отмечено также западнее - в Карпатах и на Внутрикarpатском плато (Трансильвания, ранее называвшаяся Седмиградьем, Седмиградской землей). Именно отсюда началось расселение волохов, в результате которого образовались православные Молдавское и Валашское княжества. По мнению Д.И. Иловайского, в гуннской орде, располагавшейся в середине V в. на территории Паннонии, присутствовал значительный восточнославянский элемент. В VI в. авары принудили часть восточнославянского племени дулебов присоединиться к ним, и эта часть дулебов вскоре осела

в верховьях Тисы. В IX в., как свидетельствовал анонимный нотариус венгерского короля Белы, еще какие-то группы восточных славян пришли в Паннонию с мадьярами. Однако основная масса восточных славян отступила сюда под давлением кочевников лишь в X-XII вв. Так образовалась Семиградская Русь, существование которой подтверждают письменные источники, данные археологии и лингвистики, а также топонимия современной Трансильвании.

Сами Карпаты, или, как их называли на Руси с конца XI в. в связи с их государственной принадлежностью, Угорские горы, венгерский автор XIII в. Симон Кеза, принимая во внимание этнический состав их населения, именует «Русскими горами» (Ruthenorum alpes).

Длительный и мирный характер угро-русинских контактов в Семиградье подтвержден многочисленными заимствованиями из древнерусского языка: земледельческая лексика, слова, связанные с животноводством, ремеслами, обозначения предметов быта, пищи, заимствования, обозначающие одежду, явления природы, представителей флоры и фауны, термины родства, названия должностей, религиозная, военная лексика и т.д.

Интенсивно подавление этнокультурной идентичности древнерусского населения начало проводиться в Трансильвании и Северо-Восточной Венгрии в XIX в. В 1903 г. наш земляк, известный русский славяновед А. Кочубинский писал, что этнографическая ситуация в Трансильвании век назад была несколько иной: в стране еще жило былое автохтонное население - славяне, и именно русские, но с особенным, отличным от нашего языком, которые в первой половине XVI в. представляли собой заметную этнографическую единицу. В первом томе своего труда «Исторія України-Руси», изданном в 1904 г., М. Грушевский упоминает о проживании русинов в Словакии и даже недалеко от устья Тисы. «В Семиградье, - уточняет историк, - русинов уже нет, они исчезли, можно сказать, на нашей памяти: еще в начале этого столетия были их остатки»¹³.

Семиградье было также зоной длительных славяно-волошских контактов. Румынский этнограф Р. Вуя отмечал в 60-х гг. XX в., что в Трансильвании и Банате в румынской терминологии, относящейся ко двору и жилищу, преобладают восточнославянские заимствования. К отгороженным местам и постройкам для скота относятся слова: «ограда», «окол», «градине» (огород), «ливада» (луг), «гард» (изгородь), «пырляз» (перелаз), «котец» (курятник, свинарник), «иесле» (ясли), «колежа» (хлев, по-гуцульски «колесни»), «кросна» или «кросние» (помещение для скота). Вторая категория славянских терминов, особенно многочисленная, обозначает части деревянного дома: «призба», «бырна» (бревно), «стылп» (столб), «стрешина» (стреха), «звор» (запор),

«бланэ» (доска), «колиба», «кэминец» и «под» (чердак) с производными «подя», «подялэ» (пол), «подец». Немало терминов славянского происхождения относятся к внутреннему убранству, в частности: «полица» (полка) и «лаица» (лавка) с производным от него «лэичер» (покрывало на лавке), «болерка» (бочонок), «полобок» (бочка), «бошер». Причем большинство этих слов, а также терминов, относящихся к хозяйству, встречается и в других местах Румынии, в частности, в северных и западных областях Румынской Молдовы¹⁴.

Мирный характер русинско-волошских отношений подтверждается свободным расселением волохов с XIII по XVII в. в направлении главных карпатских хребтов с юго-востока через современные Украинские Карпаты и на запад вплоть до Чешской Моравии (Моравская Валахия). Опираясь на письменные источники XV-XVII вв., касающиеся «волошской (валашской - в данном случае этнонимы идентичны) колонизации» Западных Карпат, чешские, словацкие и польские ученые отмечают пестрый этнический состав мигрантов, вошедших в хронику под именем «валахов». Термин «валах» был не только этнонимом. В латиноязычных документах Венгрии валашские мигранты нередко обозначались как *Valachi et Rutheni* или *Valachi seu Rutheni*, причем под именем рутенов имелись в виду пастухи русинского происхождения из Восточных Карпат. В то время оба этих термина (валахи и русские) обозначали одну категорию подданных.

Начало «волошской колонизации» восточных склонов Карпат, по видимому, относится к XII в. Но в качестве компактной этнической группы волохи появились здесь только в середине XIV в., когда возникло Молдавское княжество. Сущность переселенческого движения и условия колонизации Восточного Подкарпатья волохами на этом этапе нашли отражение в летописном рассказе XV в. об основании Молдавского княжества, в котором исторические факты переплетаются с легендой. В примечании Симиона Даскала, молдавского книжника XVII в., к повествованию молдавского летописца Григория Уреке говорится о том, что пастухи из Марамуреша во время охоты оказались в долине реки Молдовы, в районе нынешнего города Сучава (Румыния), где встретили пасечника русина Ецко. В «предсловии» к молдавской летописи Г. Уреке Симион Даскал указывал, что создана страна из двух языков, из румын и русских, и до сего дня половина страны состоит из русских и половина из румын.

Все воеводы начального этапа молдавской истории - Драг (Драгош), Богдан I, Лацко и другие - носили славянские имена. Румынский историк Николае Йорга считал, что преждевременная смерть Лацко помешала основать русскую династию в Молдавии.

Наличие многочисленного русинского населения в средневековом Молдавском княжестве подтверждают результаты исследований,

проведенных во второй половине XX в. Л.Л. Полевой установил, что доля представителей восточнославянской этнической группы в середине XIV в. достигала 39,5% населения княжества, а восточнороманской - 48,7%. В исследованиях румынского ученого Маргареты Штефэнеску о славянских элементах в топонимии Пруто-Карпатской Молдовы, Буковины и Бессарабии приведены данные, свидетельствующие о наличии здесь славянского элемента задолго до волохов. Восточные славяне оставили на территории старой Молдавии в общей сложности 548 названий с чисто славянскими корнями и 321 название с славянским суффиксом **-вци**, которые имели особенно широкое распространение на Буковине (174 названия), в Северной Молдове и Северной Бессарабии (Хогинский, Сорокский, Оргеевский уезды).

Русинская традиция оказала влияние на общественные отношения и политический строй Молдавии. Основные институты раннефеодального общества представляли здесь синтез старой волошской общественной организации с формами, заимствованными у русинов.

Участие русинов - местных и выходцев из Семиградья - в этногенезе молдавского народа обусловило формирование у молдаван этнокультурных особенностей, отличающих их от этнически близких им валахов (мунтян). Если в Банате и Мунтении народное жилище фор-

Основание Молдавии. 1359 г.

Источник: Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.

мировалось под влиянием балканских традиций, то в Северной Трансильвании и Молдавии оно сходно с жилищем Галицкой Руси.

Древнерусская культура стала одной из основ формирования самобытной материальной и духовной культуры молдаван. Заметны русинские черты в молдавской народной одежде XIX в., особенно в северных районах Молдавии и на левобережье Днестра. Здесь у молдаван были распространены русинские по покрою мужские рубахи-косоворотки. В орнаментации одежды, ковров, в деревянной резьбе также имелось много общих мотивов. По мнению молдавского искусствоведа Я.П. Мироненко, празднично-обрядовую культуру молдаван следует считать наследием древнерусской культуры. Носителями этой культуры в данном регионе были племена хорватов, тиверцев и уличей. Центром формирования новогодних песен были Буковина и север Молдавии, т.е. регионы проживания русинов.

Не менее значительны русинские заимствования в молдавском языке. Как отмечал А.А. Кочубинский, официальный язык Молдавского княжества XIV-XVII столетий насквозь пронизан малорусскими (иногда явно восточногалицкими, гуцульскими) элементами. Факт, что западнорусский язык был официальным и литературным языком средневекового Молдавского княжества и оказал существенное влияние на молдавский литературный язык, признается румынскими историками. В основном фонде современного молдавского языка насчитывается около 2 тысяч восточнославянских заимствований. Это понятия, обозначающие земледельческие орудия, предметы быта, домашнюю утварь, одежду, пищу, музыкальные инструменты¹⁵.

Учитывая смешанный состав населения и этнокультурную ситуацию в средневековой Молдавии, Молдавское княжество вполне можно назвать волошко-русским (русинским).

На начало XX в. приходятся самые трагические страницы истории русинов. К тому времени земли, населенные русинами, оказались в составе Австро-Венгрии (Галичина, большая часть Буковины, Подкарпатская Русь – не менее 4 млн. русинов) и России (Бессарабская губерния (более 250 тыс. русинов) и Холмщина)¹⁶. Русины Подкарпатской и Галицкой Руси были в основном униатами, хотя веру свою по-прежнему называли русской. В 1596 г. в Бресте Литовском часть западнорусского высшего духовенства заключила церковную унию с Римом, в 1646 г. была заключена Ужгородская уния. Несмотря на это, народ и большинство священнослужителей многие столетия сопротивлялись окатоличиванию и проводимой властями политике колонизации и мадьяризации. Проживая в составе Российской империи, русины Бессарабии в отличие от русинов Австро-Венгрии не испытывали ни национального, ни религиозного гнета.

Из-за тяжелого экономического положения многие русины (в основном лемки из Галичины, русины из Угорской (Подкарпатской) Руси и австрийской части Буковины) со второй половины XIX в. вынуждены были эмигрировать в Америку. К концу XIX в. только в США русинов проживало не менее 200 тыс. чел. Угорские и галицкие русины были греко-католиками. Лидером карпаторусских униатов в США и инициатором возвращения в православие стал служивший в Миннеаполисе отец Алексей Товт, председатель собраний униатских священников, прибывших из Галицкой и Подкарпатской Руси. 25 марта 1891 г. в православную веру перешел первый карпаторусский униатский приход в Америке, возглавляемый о. Алексием Товтом и насчитывавший 405 человек¹⁷. В Канаде к концу первой мировой войны проживало около 170 тыс. русинов, в основном из Галичины и Буковины¹⁸.

В США и Канаде действовали многочисленные русинские организации. Первыми в США были созданы «Русский народный союз» (февраль 1894 г.), «Русское православное общество взаимопомощи» (апрель 1895 г.). Выходили периодические издания. Органом «Русского народного союза» стала газета «Слово», издававшаяся на русском языке¹⁹. Старейшей русинской газетой в Америке была выпускаемая с 1886 г. «Америка – орган русских преселенцох Галичины та Венгрии». Наиболее тиражным стал «Американский русский вестник» (с 1892 г.). Также выпускались газеты «Свит» (с 1894 г.), «Правда» (с 1902 г.) «Православни русски вестник» (с 1915 г.), «Русский вестник» (с 1917 г.) и др. Всего в США русинами издавалось 38 наименований газет и журналов, в Канаде - 22 наименования, некоторые из них выходят и поныне²⁰.

Как вспоминал архиепископ Восточноамериканский и Джерзейситский Виталий (Максименко (1873 - 1960)), приехавший в Нью-Йорк в октябре 1934 г., «американская православная паста состояла на 80% из карпаторусов и галичан и на 20% из русских выходцев западных губерний – Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской. Есть небольшой процент бежавших из России от воинской повинности, долгов, суда, из тюрем, каторги, по политическим мотивам. Все это так называемая старая русская колония, в отличие от новой русской колонии, довольно многочисленной, появившейся после революции и состоящей в большинстве своем из интеллигентных людей. Старая колония в подавляющем большинстве состоит из простых рабочих людей, так что руководителями ее во всех областях жизни являлось до последнего времени духовенство»²¹. По свидетельству украинского зарубежного историка О. Субтельного, около 20% иммигрантов первой волны из Галичины, Подкарпатской Руси и Буковины считали себя православными русскими, 40% русинами и греко-като-

ликами (византо-католиками), а остальные – украинскими греко-католиками²².

Во второй половине XIX в. в Австро-Венгрии началось русинское возрождение. Русский ученый-эмигрант Н.И. Ульянов в своей классической работе «Происхождение украинского сепаратизма» писал: «Во всех австро-венгерских владениях, населенных осколками русского племени, - в Галиции, в Буковине, в Угорской Руси - национальное возрождение понималось как возвращение к общерусскому языку и общерусской культуре. Затраиваемое поляками, венграми, румынами, немцами население этих земель стихийно тяготело к России, как к своей метрополии»²³.

Накануне первой мировой войны австро-венгерские власти приняли ряд мер по ликвидации русинского движения. В мае 1910 г. австрийские власти с подачи украинского националиста Н. Василько, румына по происхождению, закрыли большинство русинских организаций Буковины. 29 января 1913 г. в Угорской Руси (Подкарпатье) открылся второй Мармарош-Сигетский процесс (первый состоялся в 1904 г.). Мармарошский процесс был единственным массовым процессом в Австро-Венгрии перед войной. Его причиной стал массовый переход населения Угорской Руси из греко-католической церкви в православие, что вызвало репрессии со стороны властей, и это несмотря на то, что в Австро-Венгрии православие было разрешено законом. 32 обвиняемых приговорили в общей сложности к 39,5 года тюрьмы.

Массовый переход в православие русинских сел на Лемковщине, в Сокальщине и Коломыйщине (Галичина) тоже вызвал репрессии со стороны австро-венгерских властей. Перед самой войной во Львове начался на шумевший на всю Европу процесс о «государственной измене» и «шпионаже».

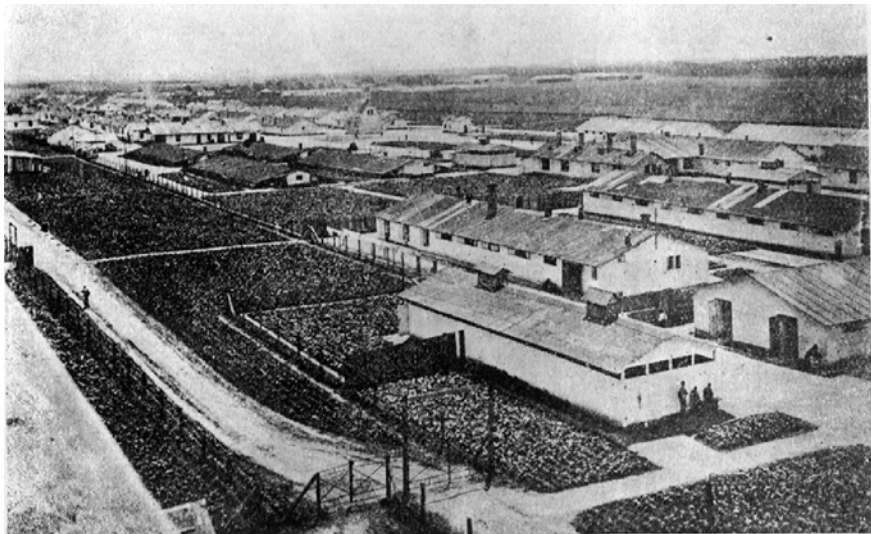
С началом первой мировой войны регионы проживания русинов оказались в зоне боевых действий. Австро-венгерские власти развязали массовый террор против русинского населения. Русофильские симпатии стали караться как тягчайшее государственное преступление. Мест в тюрьмах не хватало, и австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря Талергоф, Терезин и другие. Первые заключенные в количестве 2000 чел. прибыли в концентрационный лагерь Талергоф (Штирия) из Львова 4 сентября 1914 г. За малейшее нарушение режима узника ждала пуля. Голод, эпидемии косили людей. В 1915 г. лагерь пополнился новыми жертвами. Талергофский лагерь просуществовал с сентября 1914 по май 1917 г. Через него прошло не менее 30000 крестьян, священников, представителей интеллигенции. Тысячи из них погибли. Австрийские концентрационные лагеря были предвестниками гитлеровских концлагерей Освенцима, Дахау, Трелинки и других.

Массовый геноцид русинов в годы первой мировой войны стал первым холокостом Европы XX в.

Этот период был наиболее тяжелым в истории русинского движения Галичины и австрийской части Буковины. В самом начале войны австрийские власти арестовали почти всю русинскую интеллигенцию и тысячи крестьян по заготовленным заранее спискам. Часто расправы происходили без суда и следствия. Сотрудник львовской газеты «Wiek Nowy», ехавший из Городка во Львов после отступления австрийской армии, видел чуть ли не на каждом придорожном дереве повешенных крестьян.

Репрессии коснулись и австрийской армии. Известна история расстрела солдат 80-го австрийского пехотного полка за отказ стрелять в русских. Этот полк был набран в основном из крестьян Бродского, Каменецкого и Золочевского уездов Галичины. На Восточном фронте русины, не желая воевать против России, массово переходили на сторону русской армии. Поэтому австро-венгерское командование вынуждено было отправить русинов на итальянский фронт.

Революция в Австро-Венгрии в октябре 1918 г. привела к распаду империи. Возникли новые государства: Чехословакия, Венгрия, Австрия, Югославия и Западноукраинская Республика. Были образованы целые русинские анклавы в Западной Галиции, которые провозгласили

Общий вид концлагеря Талергоф в 1917 г.

Источник: Альбом снимков из концентрационного лагеря для военнопленных русских галичан и буковинцев в Талергофе, в Штирии, 1914-1917 гг. Издание Талергофского комитета. Львов, 1923.

свою независимость. Русинские села в долине р. Ославы возле местечка Команчи создали Команчскую Республику, которая продержалась два месяца и пала под ударами польских войск в конце января 1919 г. С 5 декабря 1918 по конец марта 1920 г. просуществовала Русская Народная Республика лемков (130 сел) с центром в с. Флоринка. В феврале 1919 г. была провозглашена Гуцульская Республика (столица - с. Ясиня), которая контролировала большую часть Марамуреша. Румынские войска ликвидировали Гуцульскую Республику и оккупировали подкарпатские территории на восток от Мукачева. В ноябре 1918 г. 10 тыс. русинов, живших на юге бывшего Венгерского королевства в Воеводине (Бачка), оказались в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия). В 1919 г. Подкарпатская Русь была присоединена к Чехословакии в качестве автономной единицы со своим гербом, гимном, флагом.

В Восточной Галиции в 1918 г. была провозглашена Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР), и создана Галицкая армия (*не путать с отрядами сечевых стрельцов (около 3,5 тыс. человек) под командованием атаманов Е. Коновальца и А. Мельника, подчинявшихся Директории*). Польские войска, пользуясь поддержкой Антанты, вытеснили Галицкую армию на территорию бывшей Российской

Казнь во Львове

Источник: Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпаторусским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Выпуск первый. Террор в Галичине в первый период войны 1914-1915 гг. Львов, 1924.

кой империи. В ноябре 1919 г. Галицкая армия (около 50 тыс. солдат) перешла под командование объединенных сил Юга России. Галицкая армия, по свидетельству А.И. Деникина, «сохранила до конца дисциплину и полную лояльность. Но потрясенная морально, изможденная физически, страшно нуждающаяся, имевшая до 10 тысяч больных тифом, в тот краткий срок, который был предоставлен развертывающимся событиями, армия не могла вернуть своей боеспособности». В начале 1920 г. соединения Галицкой армии перешли на сторону советских войск, были включены в состав 12-й и 14-й советских армий и приняли участие в войне с поляками. Летом 1920 г. Красная Армия вступила на территорию Восточной Галиции. Был создан Галицкий революционный комитет (Галревком). Началось формирование Галицкой Красной Армии (ГКА).

В сентябре 1920 г. Польша вновь оккупировала Восточную Галицию, ГССР перестала существовать. По условиям Рижского договора 18 марта 1921 г. территория Восточной Галиции отошла к Польше. Русинское население Галичины не признавало польские власти законным правительством, бойкотировало перепись 1921 г., выборы в польский Сейм в 1922 г. Судьба Галичины была решена в 1923 г. на конференции послов в Париже, где было принято решение присоединить Галицию к Польше с условием наделения ее правами автономии. Последнее польскими властями так и не было выполнено. Политика колонизации, игнорирования прав русинов, тяжелое экономическое положение привели к росту политического террора со стороны ОУН. Одним из организаторов ОУН и ее руководителем стал Е. Коновалец, бывший офицер австрийской армии, который участвовал в создании вооруженного австрийского воинского формирования «Украинские сечевые стрельцы» и «Галицко-буковинского куреня» Центральной Рады, перешедшего затем на сторону Директории. Идеи радикально настроенных украинских националистов находили отклик среди молодежи²⁴.

Таким образом, после окончания первой мировой войны и гражданской войны в России населенные русинами земли вошли в состав Румынии (Марамуреш, Бессарабия), Польши (Галичина), Чехословакии (Подкарпатская Русь), Югославии (Воеводина). Много русинов оказалось на территории СССР. В 20-30-е гг. XX в. русинское движение в Подкарпатской Руси (Чехословакия) и Галичине (Польша) постепенно набирало силу, несмотря на поддержку чехословацкой и польской администрациями курса украинизации.

Хотя русинское движение Галичины вышло из эпохи первой мировой войны обессиленным и обескровленным, в 1921 г. создается галицко-русская политическая организация - Русская народная организация (с 1928 г. - Русская селянская организация). В 1928 г. она насчи-

тывала 80-100 тыс. человек. В 1919 г. возобновило свою деятельность Общество им. М. Качковского. К 1929 г. оно насчитывало 4614 членов (до войны в его рядах было около 12000 чел.). Также снова начинают работать Общество русских дам (1922), студенческое общество «Друг» (1929), «Русская школа» (1923) и т.д. Из периодических изданий выходили еженедельник «Земля и воля» (орган Русской селянской организации), «Русский голос», «Кооперативный вісник», «Временник» Ставропигиона. Талергофская трагедия обескровила галицко-русское движение и в то же время стала священным символом мученичества за общерусскую идею. С 1924 г. начинает выходить «Талергофский альманах». В 1934 г. был проведен Талергофский съезд, собравший 15 тыс. участников. На Лычаковском кладбище во Львове был сооружен памятник жертвам Талергофа. Работа русских галичан велась несмотря на польский националистический прессинг и нажим украинских националистов²⁵.

С 1926 г. начинается массовый переход лемковских сел в православие. Как свидетельствует П. Магочий, третья часть лемковского населения приветствовала процесс возвращения к православию. В 30-е гг. польские власти позволили лемкам ввести в ряде школ преподавание на лемковском наречии и основать лемковские общественные и культурные организации²⁶.

Подкарпатская Русь в составе Чехословакии была разделена – Пряшевская Русь (250 тыс. русинов) стала частью Словакии. На все посты в администрации Подкарпатя назначались чиновники чехи. Несмотря на это уже в 1921 г. из 530 школ 357 были русскими, наряду с венгерскими (118), немецкими (9), смешанными (17) школами²⁷. В 20-30-е гг. XX в. из 47 политических партий Подкарпатской Руси различной политической ориентации (прочешской, провенгерской, сионистской, пронемецкой, проукраинской, прорусской, коммунистической) 17 были русофильскими. Они выпускали 7 газет²⁸.

В начале 1920 г. православное движение охватило всю Подкарпатскую Русь. В нем приняло участие около 50 тыс. чел. В 1928 г. была создана Мукачево-Пряшевская епархия под юрисдикцией Сербской православной церкви. С переходом в православие верующие потеряли свои храмы, приходские дома и церковное имущество и вынуждены были строить новые. До 1936 г. было построено более 150 храмов²⁹.

После Мюнхенского соглашения (29.09.1938 г.) Национальное собрание Чехословакии приняло под давлением Германии закон «Об автономии Словакии и Подкарпатской Руси». Премьер-министром последней был назначен украинский националист А. Волошин. 15 марта 1939 г. была провозглашена независимость «Карпатской Украины». В этот же день Венгрия предъявила ультиматум о передаче власти вен-

герским военным органам. 16 марта Волошин с ближайшими сподвижниками эмигрировал в Германию. К 18 марта венгерские власти полностью установили контроль над всей территорией края. Была создана так называемая Карпатская территория, делившаяся на три административные единицы. Государственными языками были объявлены венгерский и «угрорусский» (русинский). Венгерские власти поощряли политику ускоренного формирования «угрорусинского народа». На русинском языке выходило 16 провенгерских газет, издавались учебники и книги на русинском языке.

После освобождения Подкарпатской Руси от немецко-венгерских захватчиков под контролем советских политических органов был со-

**Переселение лемков-русинов из Польши
в Советский Союз в 1945-1946 гг.**

Источник: Марочій П. Народ нивыдкы. Лустрована історія карпаторусинов. Ужгород, 2007.

зван первый (и последний) съезд народных комитетов «Закарпатской Украины», который принял манифест «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 января 1946 г. автономная провинция Чехословацкой Республики – Подкарпатская Русь - стала Закарпатской областью Украинской ССР.

4 февраля 1945 г. в Мармарош-Сигете (Румыния) состоялся съезд народных комитетов округа, созванный по инициативе 17 русинских сел. 426 делегатов съезда приняли петицию о воссоединении с «Закарпатской Украиной». В мае 1945 г. представители советской военной администрации под угрозой ареста потребовали роспуска окружного народного комитета и передачи всей власти румынским властям³⁰.

В сентябре 1939 г. Галичина была присоединена к СССР и включена в состав Украинской ССР. С этого момента прекратили свое существование все галицко-русские (русинские) организации. Советской властью был проигнорирован тот факт, что даже во время переписи, проводившейся польскими властями в 1931 г., 1196855 галичан обозначили свою национальную принадлежность как «русские»³¹. В годы второй мировой войны ни один русский галичанин не запятнал себя сотрудничеством с гитлеровцами. В то же время немало из них пострадало именно из-за своей русскости³². Когда 30 июня 1941 г. батальон «Нахтигаль», сформированный немцами из украинских националистов, ворвался во Львов, он принял участие в устроенной немцами резне мирного населения, во время которой погибло около 3000 человек, среди которых были не только евреи и поляки, но и русины. Политическое руководство батальоном осуществлял офицер абвера украинский националист Роман Шухевич. Впоследствии он стал командующим УПА. В октябре 2007 г. Р. Шухевич стал «Героем Украины».

В результате «выравнивания» границ с Польшей после войны и «обмена» населением больше всего пострадали русины. Перемышль и Лемковщина были отданы Польше. В 1945-1946 гг. в СССР были репатриированы 518,2 тыс. человек, в том числе 481 тыс. русинов и 37 тыс. белорусов. Все они были расселены по разным населенным пунктам. Оставшихся в Польше русинов ждала трагическая судьба – под предлогом того, что на Лемковщине действовали бандеровцы (на этой территории также действовали отряды польской Армии Крайовой, терроризировавшие местное русинское население), весной 1947 г. органами госбезопасности Польши была проведена операция «Висла». 120 тыс. лемков были выселены в разные районы Западной Силезии. В результате горные районы Бещад и Низких Бескид и южная часть Пшемысловского повята обезлюдели. В Бещадах, например,

район площадью 1,5 тыс. км², на котором было расположено свыше 70 сел, оставался вплоть до 1956 г. необитаем. В свою очередь поляки-репатрианты из СССР изменили демографическую ситуацию в некоторых пограничных районах на востоке Польши, например, в районе города Хелм (Холм, бывшая столица Галицко-Волынского княжества) или в городе Пшемысль (бывший русский Перемышль), где они составили около 25% населения³³.

Несколько иной была судьба русинов Буковины и Бессарабии, оказавшихся в 1918 г. в составе Румынии. В январе 1919 г. в местах компактного расселения русинов произошло Хотинское восстание. Помимо русинов и молдаван в нем приняли участие представители других национальностей. Боясь волнений в Северной Буковине, румынские власти ввели здесь осадное положение. В ноябре 1919 г. в Черновцах против румын восстал 113-й Буковинский полк, состоявший в основном из русинов. Эти и последующие выступления были жестоко подавлены румынскими властями.

Несмотря на попытки насильственной румынизации Бессарабии, румынская сигуранца в 1933 г. признала: «Бессарабская душа, которая все еще живет видением старой России, не может быть достаточно близкой национальным устремлениям объединенной Румынии».

В августе 1940 г. Северная Буковина и Бессарабия вошли в состав СССР. Северная Буковина стала Черновицкой областью Украинской ССР. К ней отошла большая часть Хотинского уезда Бессарабии. Также к Украине отошли Аккерманский, Измаильский уезды³⁴. 2 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР был принят Закон об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики. В состав Молдавской ССР были включены: город Кишинев, 6 из 9 уездов Бессарабии (Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишиневский, Оргеевский, Сорокский), а также город Тирасполь и 6 уездов из бывшей Молдавской АССР (Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский)³⁵.

Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Украинской ССР была создана в 1924 г. из политических соображений. В состав МАССР вошло 11 районов левобережья Днестра. Ее столицей сначала была Балта, а с 1929 г. – Тирасполь.

Остальные районы МАССР, а также Аккерманский, значительная часть Измаильского и Хотинского уездов Бессарабии отошли к Украинской ССР. Позже, в ноябре 1940 г., Украинской ССР отошел 61 населенный пункт с населением 55 тыс. человек (46 населенных пунктов Бендерского уезда, 1 населенный пункт Кагульского уезда, 14 населенных пунктов бывших районов МАССР). К Молдавской ССР отошло 96 населенных пунктов с населением 203 тыс. человек (76 - Хо-

тинского уезда, 6 - Измаильского и 14 - Аккерманского уездов). Изменения мотивировались тем, что в населенных пунктах, переданных Молдавской ССР, преобладало молдавское население, а в переданных Украинской ССР — украинское, болгарское и русское население³⁶.

После второй мировой войны территориальное деление не изменилось.

Начиная с 50-х гг., русинская тематика стала табуированной. Историки при изложении событий старались не упоминать данный этноним, иногда замалчивая целые пласты истории, к примеру, геноцид русинов в годы первой мировой войны, когда русинов убивали только за то, что они считали себя русскими; насильственное переселение русинов-лемков в ходе операции «Висла» и т.д. В «Истории Молдавской ССР» (Кишинев, 1984 г.) русинам посвящено всего несколько строк (без упоминания названия). В них говорилось, что здесь сохранилось и позже еще переселилось древнерусское население, большая часть которого была ассимилирована волохами. Хотя русины играли значительную роль в образовании Молдавского княжества, составляя значительную часть населения. А к началу XX в. они составляли 1/8 часть населения Бессарабской губернии.

После распада Советского Союза и образования новых центрально-европейских государств началось новое русинское возрождение. Правда, несколько раньше оно началось у лемков Польши. В 1979 г. они организовали первый культурный фестиваль «Ватра» в тех районах, куда их выселили польские власти, а с 1983 г. проводили его в селах самой Лемковщины. После 1989 г. возникли русинские организации на Украине, в Словакии, Польше, Венгрии, Чехии, Югославии, стали выходить газеты и журналы: «Русин», «Народны новинки», «Info Русин» (Словакия), «Подкарпатська Русь» (Украина), «Бесіда» (Польша), «Русинський світ» (Венгрия), «Руске слово», «Руснак» (Сербия), «Руська віра» (Румыния) и т.д. Многие издания имеют свои сайты в Интернете, на которых размещены электронные версии изданий. С 1992 г. проводится Всемирный конгресс русинов. Сегодня русины официально признаны в Словакии, Польше, Чехии, Венгрии, Сербии, Хорватии, Румынии. В Венгрии в 32 населенных пунктах действует русинское самоуправление. В Румынии русины имеют своего депутата в парламенте. Официально признав русинов национальным меньшинством, правительства вышеперечисленных стран (кроме Украины) оказывают им финансовую поддержку. Русинский язык стал учебным предметом в начальных и средних школах Польши, Словакии, Венгрии, Сербии. 7 марта 2007 г. сессия Областной рады Закарпатья признала русинов коренной национальностью края.

В конце 2003 г. была создана этнокультурная организация русинов

Молдавии – Общественная организация «Русь» (с 2007 г. – Общественная ассоциация «Русь»). С 2005 г. она выпускает Международный исторический журнал «Русин», получивший благословение первоиерарха Русской православной церкви за границей митрополита Лавра, русина родом из Словакии. Электронные версии журнала размещены на сайте «Русины Молдавии» - <http://rusyn.md>. Благодаря нашей деятельности в научный и общественный оборот возвратились этнонимы русин, руснак, активизировалась разработка научной истории Молдавии и русинов.

В последние годы в разных странах вышло немало исследований по истории русинов. Среди них: Н. Пашаева. «Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв.» (Москва, 2001, второе издание – Москва, 2007); «Русская Галиция и «мазепенство» (Москва, 2005); «Русини. Руснаци. Ruthenians. 1745-2005» (Нови Сад, Сербия, 2006); Л. Медеши. «Руска традиция» (Нови Сад, 2007); И. Поп, Д. Поп. «История Подкарпатской Руси» (Ужгород, 2005); И. Поп. «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (Ужгород, 2006) и др. Немало литературы, статей и другой полезной информации размещено на сайтах Малорусская народная историческая библиотечка (<http://mnib.malorus.org>), Акаде-

**Памятник
«Жертвам Талергофа 1914-1918. Галицкая Русь»
(г. Львов, Лычаковское кладбище, 2006 г.).**

мии русинской культуры в Словацкой Республике (<http://www.rusynacademy.sk>), сайте Мирослава Силадия (Сербия) (<http://www.rusnak.info>) и др.

Сегодня мы смогли вернуть историческую память, чувство гордости за принадлежность к древнему этносу, внесшему вклад в образование ряда европейских государств и наций, сохранившему, несмотря на долгие годы этноцида, свою этнокультурную самобытность.

* Данная тема поднималась автором в ряде научных работ, в том числе в монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (Кишинев, 2004. 239 стр.) и в статьях, в частности: «Руснаки Бессарабии. Почему им нет места в учебниках истории?» // Мысль. [Кишинев]. 2003. № 4 (22). С. 72-79; «Бессарабскы руснаци» // Русин. Христiанський часопис. Пращев, 2003. № 3-4. С. 12; «Миграции русинов Буковины в Бессарабию» // Национальные образы мира: единство - разнообразие - справедливость. Материалы Международной научно-практической конференции. 22-23 октября 2003 г. Кишинев, 2004. С. 275-280; «Замена этнонима - прелюдия этнокультурной трансформации» // Мысль. [Кишинев]. 2004. № 2 (24). С. 72-75; «"Забытый" этнос» // Москва. [Москва]. 2004, № 11. С. 186-191; «Этнокультурная идентичность руснаков Бессарабии в начале XX века» // Вестник Славянского университета. Вып. 11. [Кишинев]. 2004. С. 7-18; «Русины: этапы истории» // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 1 (1). С. 49-60; «Сын самодержца всея Руси» // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2005. № 2 (2). С. 11-41; «Русины Молдавии» // Славянские чтения. Вып. 3. [Кишинев]. 2005. С. 107-115; «Я горжусь, что я – русин» // Мысль. [Кишинев]. 2005. № 2 (27). С. 91-95; «Семиградская Русь» // Нить времен. Материалы научно-практической конференции «Русское население Молдавии: история и современность». Кишинев, 2006. С. 77-85; «Проблемы русской культуры и языка в Молдавии» // Нить времен. Материалы научно-практической конференции «Русское население Молдавии: история и современность». Кишинев, 2006. С. 56-60; «Русины в период первой мировой войны и русской смуты» // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 1 (3). С. 46-65; «Миссия митрополита Гедеоны: неосуществленный геополитический проект» // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 2 (4). С. 18-36; «Ими гордится Молдавия. Биографии некоторых известных общественно-политических, религиозных, военных и культурных деятелей Молдавии» // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 3 (5). С. 81-148; «Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии» // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 141-149; «Русины Молдавии: право на сохранение этничности» // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. Январь. С. 1-14; «Некоторые справочные материалы по истории нашего края» // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2007. № 1 (7). С. 163-191; «Особенности говора русинов» // Славянские чтения. Вып. 4. [Кишинев]. 2007. С. 99-102; «Русини: замена этнони-

ма – прелудий за етнокультурну трансформацию» // Русини. Руснаци. Ruthenians. 1745-2005. [Нови Сад, Сербия]. 2006. С. 86-92.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 34-35, 50-52; Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 25-26, 38, 40; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 176;.
2. *Никитин Афанасий*. Хождение за три моря // История отечества в романах, повестях, документах. Век XV-XVI. М., 1987. С. 451.
3. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб., 1899. С. 296-297. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 9-10.
4. *Неедлы З.* Гуситы и русские. Исторический журнал. Кн. 10-11. М., 1941. С. 126, 128.
5. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 131-132. Данные представлены Департаментом информационных технологий Республики Молдова (по состоянию на май-август 2003 г.).
6. *Геродот*. История. М., 2002. С. 241.
7. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. С. 11-12; История России. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / Под редакцией член.-корр. РАН А.Н. Сахарова. М., 2005. С. 24-27; *Мицук Ю.А. Бажан О.Г., Власов В.С.* Історія України. Київ, 2005. С. 13.
8. *Савчук Борис*. Українська етнологія. Івано-Франківськ, 2004. С. 307.
9. Подробнее ранняя этническая история восточных славян изложена в моей монографии «Осколки Святой Руси». С. 28-43.
10. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 43-47.
11. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Русины: этапы истории (часть 1) // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 1 (1), 2005. С. 50; Он же. Сын самодержца всея Руси // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 2 (2), 2005. С. 34-36.
12. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 48-57; Он же. Русины: этапы истории (часть 1) // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 1 (1), 2005. С. 51-60; Он же. Сын самодержца всея Руси. С. 11-45.
13. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 58-69.
14. *Вуя Р.* Поселения и жилища румынских крестьян Северо-Западной Молдовы // Советская этнография. 1962. № 3. Май-июнь. С. 107, 102.
15. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 69-81; Он же. Русины: этапы истории (часть 1). С. 54; Он же. «Забытый» этнос. // Москва [Москва]. 2004, № 11. С. 186-191; Он же. Русины Молдавии // Славянские чтения. Вып. 3. [Кишинев]. 2005. С. 107-115.
16. Подробнее о численности русинов см.: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. С. 94-95.

17. *Протопресвитер Петр Коханик*. Начало истории Американской Руси // Прикарпатская Русь под владением Австрии. Trumbull, Connecticut, 1970. С. 516, 490.

18. *Медєши Л.* Америцки руснаци през свою пресу // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. № 2 (8), 2007. С. 156.

19. *Протопресвитер Петр Коханик*. Указ. соч. С. 497, 499.

20. *Медєши Л.* Указ. соч. С. 158-159, 173-178.

21. *Архиепископ Виталий*. Мотивы моей жизни / Издание третье, дополненное. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.Y., 2005. С. 133.

22. *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ, 1993. С. 664.

23. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 209.

24. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Русины в период первой мировой войны и русской смуты // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинев]. 2006, № 1 (3). С. 46-65.

25. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2007. С. 121-125.

26. *Магочій П.* Народ нивыдкы. Ілустрована історія карпаторусинов. Ужгород, 2007. С. 80-81.

27. *Клима В.* Школьное дело и просвещение на Подкарпатской Руси // Подкарпатская Русь за годы 1919-1936. Ужгород, 1936. С. 102.

28. *Токар М.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919-1939). Ужгород, 2006. С. 318-327.

29. *Протоиерей Василий Максимышинец*. История Православной церкви в Карпатской Руси. Ужгород, 2004. С. 124, 128-129.

30. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 56-58, 62, 245-246.

31. *Дикий А.* Неизвращенная история Украины-Руси. М., 2007. С. 68.

32. *Пашаева Н.М.* Указ. соч. С. 130.

33. *Марианський А.* Современные миграции населения. М., 1969. С. 130-131, 128-129.

34. См. подробнее: *Суляк С.Г.* Русины в период первой мировой войны и русской смуты. С. 56-57, 62-63.

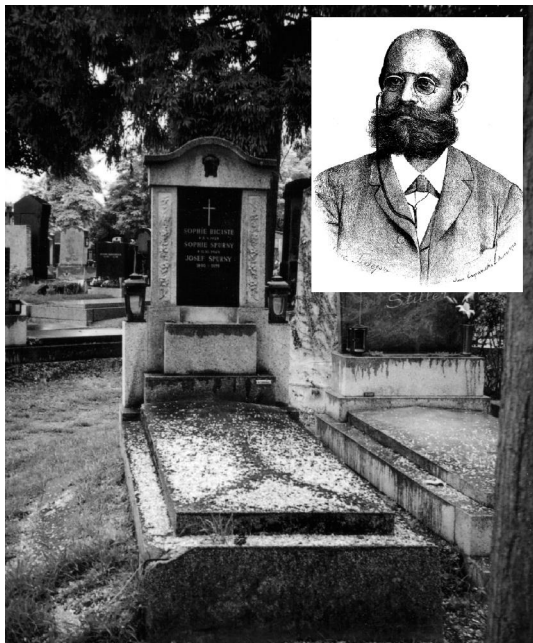
35. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 223-224.

36. <http://ru.wikipedia.org/>

Журнал консервативной мысли

"Золотой Лев":

www.zlev.ru

«Я родился 27 июля 1849 г. отъ русскихъ православныхъ родителей изъ крестьянскаго сословія въ русскомъ православномъ селе Берегомети на Пруте Коцманскаго уезда, въ Северной Буковине.»

Григорій Иванович КУПЧАНКО (27. VII. (9. VIII) 1849, с. Бергомет, австрийская часть Буковины, ныне Черновицкая область - 1902, Вена)

На Центральном кладбище Вены похоронен известный политический и общественный деятель Буковинской Руси, этнограф, журналист, основатель и издатель газет «Русская правда» (1888-1892), «Просвещение» (1893-1902) Григорий Иванович Купчанко. Рядом покоится его 19-летний сын Владимир. В 1928 г. место было отдано под другое захоронение и продано некому Спурному. Однако, как мне сказали работники кладбища, останки Григория Купчанко и его сына находятся под новым захоронением и могут быть перезахоронены.

Когда-то в предисловии к своей монографии «Die schicksale der Ruthenen» («Судьба русинов», Leipzig, 1887) Григорий Купчанко написал:

«У русинов было ужасное прошлое, их настоящее в высшей мере трагично, но они надеются на будущее - справедливость. Они живут в счастливом ожидании, что зимняя окованность наконец уступит солнечному свету, что на них задует кроткое дыхание весны и что им засияет утренняя заря свободы. Они тешат себя надеждой, что появится ангел избавления, и их узы будут разорваны, раны исцелены и слезы осушены. Они твердо убеждены в том, что Бог справедливости скоро снишпошет милость на их долю, чтобы они смогли почувствовать себя свободными людьми и чтобы они могли любить и лелеять свою веру, язык и письменность без опасения, что это будет рассматриваться как преступление. Желайте этих страстных ожиданий, лелейте надежды и справедливые желания, мои несчастные единоверцы и соплеменники, чтобы они воплотились в действительность!»

Роман Шанка

Николай РУССЕВ

ВБЛИЗИ «РУТЕНСКИХ ГОР»: О ДРЕВНЕРУССКОМ НАСЕЛЕНИИ ПРИКАРПАТЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Карпаты – это не только географическое понятие. По мнению современного канадского историка, уже в средневековую эпоху важнейший для Европы этнический и культурный рубеж сложился именно на прикарпатских землях. «Одни назовут их форпостом католического Запада, другие – православного Востока» (Субтельный 1994: 75). Однако серьезным исследователям хорошо известно, что этнокультурные границы практически никогда не совпадают с политическими. Эту «оплошность» исторического процесса периодически стремятся исправить политики, а всячески обосновывают историки. Поэтому прошлое пограничных территорий обычно обрастает массой литературы, научность которой прямо пропорциональна степени политической ангажированности авторов. В этом отношении роль восточнославянского фактора в развитии Прикарпатского региона не раз являлась предметом пристального внимания пишущей братии. За последние годы новые книги, затрагивающие эту тему, вышли в Молдове (Суляк 2004; Шорников 2007) и Украине (Поп Д., Поп І. 2005; Поп 2006; Яковенко 2006; Магочій 2007). Изданные работы вполне предсказуемо вызвали положительные отзывы и критические высказывания, которые можно было бы поддержать или опротестовать. Однако задача данной статьи другая: составить на основании письменных источников общую характеристику присутствия древнерусского населения на территории Прикарпатья как цивилизационном стыке средневековых общностей в период до образования Золотой Орды (1243 г.).

* * *

Первое датированное 852 г. сообщение в «Повести временных лет» отметило появление страны, которая *«начала прозываться Русская земля»*. Это наименование первоначально относилось к северным районам, тяготевшим к Балтике. В 879 г. княжение правившего в Новгороде Рюрика наследовал его родственник Олег, а в 882 г. он силой и хитростью захватил Киев. *«И сел Олег, княжа, в Киеве, и изрек Олег: «Это будет мать городам русским».* И были у него славяне, и

варяги, и прочие, прозавишиеся Русью». Киевский князь расширял свои владения, в том числе и в сторону будущей Молдавии. В 885 г. Олег воевал с племенами уличей и тиверцев, которые жили в Поднестровье, доходя до Черного моря и Дуная, а в верховьях Прута и Днестра их земли смыкались с владениями хорватов. В 907 г. тиверцы, как и хорваты, принимали участие в походе киевского князя на Константинополь, в котором *«много ... зла сделали русские грекам»* (ПВЛ 1950: 14-16; ПСРЛ 1962: стб. 10, 12, 16, 17, 21).

Судя по имеющимся отрывочным данным, история закарпатских славян складывалась по-иному. В правление князя Святополка (870-894) Великая Моравия достигла наивысшего могущества, расширив свои владения за счет западной и центральной части Верхнего Потисья. Примерно тогда же долину Тисы и Марамуреш подчинил болгарский царь Симеон I (893-927). Высказывается предположение, что именно в последние десятилетия IX в. среди подкарпатских славян распространилось христианство. Заслуга в этом, по всей видимости, принадлежит ближайшим ученикам равноапостольных просветителей Кирилла и Мефодия (Поп 2006: 33).

Установлено, что к концу правления князя Игоря (912-945) и тиверцы, и уличи подчинились власти Киева. Хотя в истории упомянутых племен еще много неясного и спорного (см. Крип'якевич 1984: 59-62; Рабинович 2005), пожалуй, можно утверждать, что во второй половине X в. они вошли в состав населения Древнерусского государства (РС 2002: 58 и др.). Интегрирующее понятие *«русин»* встречается уже в договоре Олега с греками в 912 г. (ПСРЛ 1962: стб. 25, 26).

Надо признать, что периферийное положение западных и юго-западных владений Игоревичей не обеспечивало их полной покорности. Так, по сообщениям византийских авторов, *«пограничные варварские народы»*, которые *«не отличались по обычаям»* от заблокированных в крепости Доростол на Дунае русских воинов, из-за страха перед ромеями не оказали помощи Святославу (964-972) в 971 г. (ГИБИ 1965: 268, 270; Божилов 1979: 43). Только в 981 г. Владимир Святославич (980-1015) занял подчинявшиеся полякам города Перемышль и Червен. Они *«до сегодняшнего находятся под Русью»*, указал летописец начала XII в. Однако в 993 г. могущественный киевский князь еще воевал с хорватами (ПСРЛ 1962: стб. 69, 106).

После падения под ударами венгров Великой Моравии (906 г.) западная часть так называемой «Белой Хорватии» входила в Чешское государство, но затем ее захватил занимавший недолго, в 1003-1004 гг., пражский трон польский князь Болеслав Храбрый (992-1025). Восточную часть края у Верхнего Днестра включил в Киевскую Русь князь Владимир Святославич. Южнокарпатские земли Белой Хорва-

тии отошли к Венгрии при Стефане (Иштване) I Святом (997-1038). В 1001-1003 гг. первый венгерский король присоединил Потисскую низменность и провел административную реформу. Некоторые области получили статус особых пограничных округов – «марок». В Потисье была создана «Русская марка», которой управлял наследник трона Имре (Эммерих). Принц погиб в 1031 г., но марка, очевидно, существовала и позднее. При этом в Закарпатье пограничье Киевской Руси, Польши и Венгрии составляла лесистая горная область, которая вплоть до XIII в. именовалась не иначе как «ничейная земля» (Поп 2006: 34).

До 80-х гг. IX в. «страну русов» восточные авторы размещают на севере Восточной Европы, а земли Среднего Поднепровья и Прикарпатья с двумя главными городами они зовут «страной славян». Один из городов сопоставляется с Киевом, другой – с центром хорват, в котором пребывал их «царь» (ДГ 1965: 372-408). После 882 г. наименование «Русская земля» стало соотноситься со сравнительно небольшой территорией между Киевом, Черниговом и Переяславлем, превратившейся в вотчину киевских князей (Толочко 1975: 5). Это было известно императору Константину Багрянородному (944-959), писавшему «о росах, отправляющихся с моноксилами из России в Константинополь». В ежегодных походах с росами «из разных мест» объединялись славяне, «их пактиоты, ...и прочие славинии» (Константин Багрянородный 1991: 45).

При этом отдельные племена Древнерусской конфедерации, например, тиверцы, долго сохраняли элементы догосударственной автономии. На это указывает католический епископ Брунон, побывавший в Киеве начала XI в. Он назвал князя Владимира «сеньором русов» (ДГ 1965: 89, 423). Надо полагать, структура Древнерусского государства и полномочия ее правителя вполне соответствовали вассально-сеньориальной организации Европы того времени. Однако как раз при Владимире стали быстро исчезать черты былого языческого устройства. Далее, до середины XII в. русских правителей знали на Западе как «королей», а государство со столицей в Киеве считали «королевством». В одной из германских хроник под 1165 г. впервые встречается сообщение о русских «королевках». Как допускают некоторые исследователи, речь идет о князьях из западнорусских земель (ДГ 1965: 424-430).

Обособление Галицкой земли связывается с князьями-изгоями, братьями Рюриком, Володарем и Василько Ростиславичами, которые появились в Прикарпатье в 1084 г. После смерти Рюрика (1094 г.) владения были разделены – Володарю достались Перемышль и Звенигород, а Василько – Теребовль и Галич. На княжеском съезде в Любече (1097 г.), собранном «на строенье мира», они добились признания

своих прав на города края, а затем смогли отстоять их в вооруженной борьбе. В противостояние у западных пределов Руси втягивались и чужеземцы – поляки, венгры, половцы. Первое нападение венгерский король Ласло I (1077-1095) совершил уже в 1092 г. В 1099 г. Ростиславичи с помощью половцев разбили приведенное их противником Ярославом войско короля Коломана (1095-1116): «*Побьени Угре у Перемышля*». Чтобы заручиться поддержкой за границей, в 1104 г. Володарь Ростиславич отдал дочь замуж за императора Алексея Комнина (1081-1118), также враждовавшего с Венгрией (ПСРЛ 1962: стб. 230-231, 245-248, 256; ИВ 1971: 142; Крип'якевич 1984: 68-70).

Владимирко Володаревич (1124-1152) сделал в 1141 г. Галич своей столицей. Город у Днестра быстро обзавелся широкими международными связями, в частности, благодаря вывозу соли. Правда, князю приходилось постоянно бороться как с внутренней оппозицией, так и с внешними врагами. К середине XII в. вмешательства венгров в русские дела участились. Вторжения из-за Карпат отмечены в 1139, 1144, 1148, по два раза в 1150, 1151 и 1152 гг. (Крип'якевич 1984: 72-76; ИВ 1971: 142). Ожесточенные войны, ареной которых стали пограничные районы, приносили огромный урон обитателям Прикарпатья. Поэтому труднопроходимые горы и леса являлись естественными убежищами для основной массы сельских жителей, особенно страдавших от вооруженных вторжений. Уход в малопригодную для земледелия глушь обусловил смену образа жизни – предпочтение отдавалось скотоводству и лесным промыслам.

Ненаселенные территории Прикарпатья не интересовали землевладельцев, а острая нужда в тружениках на рубеже XI-XII вв. существовала. Показательно, что Василько «*хотел переять болгары дунайския и посадити я в себе*» (ПСРЛ 1962: стб. 240). Эти намерения князя фиксируют обычные идеи и практику средневековых правителей разных стран. Судя по всему, такое положение сохранялось и при Владимире Володаревиче.

Обстоятельства той эпохи описывает сочинение арабского географа ал-Идриси (1154 г.). Он сообщает, что «*Страна ар-Русийа*» на западе ограничена Польшей, а на юге – Дунайской Болгарией («*земля бурджан*»), Черным морем и Куманией, т.е. половецкими владениями. Согласно описанию, «*это большая страна, но города [ее] невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными. Расстояния между городами большие, а области изолированы [одна от другой]. Там [ведутся] постоянные войны и усобицы*». Одна из известных автору областей – «*Галицкая земля*». Он называет города этой «*наиболее отдаленной Руси*», в которых видят Червен, Перемышль, Звенигород, Галич. Два наименования – «*Саклахи*» и «*Бар-*

муни» – помещаются между Карпатами и Днестром и с разной степенью вероятности связываются с Сучавой и Пятра-Нямц. В соответствии с данными ученого из Сицилии, земли между низовьями Дуная и Днестром входили во владения Руси. Вдоль Карпат через Переяславец в дунайской дельте купцы из Галицко-Волынских земель направлялись в Болгарию. В Шумене ал-Идриси отметил существование русской управы (Коновалова 1999: 124, 133-143; Коновалова, Перхавко 2000: 163-170).

С середины XII в. в Прикарпатском регионе происходят важные изменения, в значительной степени связанные с Ярославом Осмомыслом (1153-1187). «Слово о полку Игореве» воспеваает величие галицкого князя, который *«заступил путь королю»* через Карпаты, *«суды рядил до Дуная»* и *«отворяеше Киеву врата»*, а с отчего трона стрелял *«салтанов за землями»* (Слово 1985: 30). Эта опоэтизированная характеристика политической ситуации вызывает противоречивые толкования. Менее всего сомнений по поводу прекращения нападений Венгрии. Однако одни историки утверждают, что в Закарпатье дорогу агрессии королевства преградили крепости Вышково, Королево, Севлюш (Войтович 1996: 58), другие доказывают, что эти земли никогда не входили в состав Галицкого княжества (Поп 2006: 34), а рутенское население появилось поздно, например, в Марамуреше лишь в конце XIV–XV в. (Пора 1970: 53-57). Сообщения о владениях Ярослава Владимировича землями до Дуная одни историки подтверждают, другие – отрицают. Однако источник ясно представляет галицкого князя в другом свете – не правителем, а арбитром. Эпоха иерархических связей видела в установлении договорных отношений («рядить» и значило договариваться) под гарантии авторитетного лица важный инструмент урегулирования конфликтов.

Выдвижению Ярослава Осмомысла судьей в Карпато-Дунайских землях способствовали не только его личные качества, но и расстановка международных сил. Из-за отсутствия убедительной политической доминанты обстановка отличалась нестабильностью. Определенный порядок, возможно, принесли какие-то договоренности между галицкими князьями, византийскими императорами и половецкими ханами. Византия, граница которой проходила по Дунаю, могла рассчитывать только на единоверцев. Русь контролировала группы соплеменников, спорадически расселявшихся в «ничейных» землях вдоль Карпат по направлению к Дунаю, а также сдерживала проникновение степняков, кочевья которых находились за Днестром – *«за землями»*. Любопытно, что Иван Ростиславич Берладник (см. Spinei 1982: 143-144; Павлов 1986: 12-14; Коновалова, Перхавко 2000: 70-80; Рабинович 1999: 357-378), прежде чем *«остановился в городах Подунайских»*,

ходил за военной помощью «в поле к половцам». А «поле Половецкое» (в значении «страна») лежало гораздо восточнее. В летописи под 1152 г. обозначена «вся Половецкая земля, что же их межю Волгою и Днепром». Так было и позднее. Удача русского похода за Днепр в 1188 г. объясняется просто: «Половци бо бяхуть или в Дунаи и не бе их дома в вежах своих». Еще одно вторжение «за Днепр» готовилось в сходной ситуации 1192 г. (ПСРЛ 1962: стб. 455, 497, 659, 673-674, 742). Оба случая имели место уже после смерти Ярослава Осмомысла.

Нарушения «ряда», конечно, случались, но для его восстановления имелся судья. При Ярославе известно лишь одно нападение половцев на византийский берег в 1160 г. (Бибиков 1981: 121). Похоже, его спровоцировали действия берладников; они тогда же «бяхуть Олешье взяли». В отместку за нападение на торговый центр у устья Днепра из Киева, которому Ярослав отворял «врата», послали на челнах войско. Союзников Изяслава догнали и уничтожили в низовьях Дуная (ПСРЛ 1962: 505). Ранее отмечены только два малых набега половцев – в 1148 и 1152 гг. После первого, преследуя разорителей Дристры (Силистра в Болгарии), ромеи достигли горы, «возвышающейся вблизи пределов Тавроскифии», т.е. Галицкой Руси (Бибиков 1981: 117-121). Молчание византийского автора о существовании между Дунаем и Карпатами половецких «веж», обычной и желанной добычи воинов, вполне красноречиво. На особый статус территории косвенно указывает и эпизод 1164 г. Будущий император Андроник Комнин (1183-1185) пытался скрыться в русских землях и проделал трудный путь, спасаясь от преследователей. Однако у границ Галиции освободившийся было от страха беглец попал в ловушку – его схватили некие «влахи» и возвратили в Византию (ГИБИ 1983: 15).

Смерть Ярослава Осмомысла совпадает с новым поворотом в истории региона, ознаменованным уходом из Подунавья Византии. С образованием Второго Болгарского царства здесь резко возросла роль половцев, которых аристократия Тырново воспринимала не только как союзников, но и родственников (см. ИБ 1982: 37, 123, 124, 132, 147 и др.; Бибиков 1981: 123; Павлов 2006: 49-52).

Тогда же в отношении Галиции обнаружилось завоевательные намерения Венгрии. Бела III (1172-1196) посылал войско на Русь четырежды: в 1188, 1189, 1190, 1202 гг. (ИБ 1971: 142). В 1188 г. он явился в Галич якобы для помощи беспутному, мало походившему на отца Владимиру Ярославичу и «не посади в нем Володимера, но даде весь наряд Галичанам и посади в нем сына своего Андрея» (ПСРЛ 1962: стб. 661). В результате Бела III присвоил себе титул «короля Галича». Впрочем, уже в 1190 г. галицкие бояре при поддержке поляков изгнали венгров (ИБ 1971: 143). В 1191 г. для защиты Марамуреша

сооружен замок Хуст, поскольку венгры, продвигаясь на правый берег Тисы, вытесняли галицкие владения к Яблоницкому перевалу (Войтович 1996: 58).

В такой сложной обстановке сложилось обширное княжество Романа Мстиславича, подчинившего галицкие владения только в конце жизни – 1199-1205 гг. (Крип'якевич 1984: 83-87). Именно ему, *«самодержцу всея Руси»* (выражение из летописи), удалось укротить своевольное местное боярство и половцев. Почти полвека спустя галицкий летописец ставил в заслугу *«царю в Руской земли»* то, что он *«покори Половецкую землю»* (ПСРЛ 1962: 715-719, 808). Роман действовал и как союзник византийцев. Согласно Никите Хониату, в 1200 г. *«наихристианнейший русский народ»* спас Константинополь от болгар и куманов – тогда галицкий князь опустошил всю землю половцев. Он *«совершил это много раз»* и к нечаянной радости империи *«прекратил нападения куманов и устранил это зло, от которого ромеи непрестанно страдали»*. Одновременно византийский историк указывает, что среди самих *«тавроскифов»* спокойствия не было, и поэтому Роману пришлось *«обагрить меч в крови своих соплеменников»* (ГИБИ 1983: 65-66).

Треть столетия после гибели Романа шла жестокая борьба за галицкое наследство. На троне сменилось 11 князей. Практически не прекращались вмешательства извне. Русские князья многократно сами приводили сюда половцев – в 1202, 1208, 1213, 1217, 1219, 1226, 1228, 1235 гг. Захватнические вторжения из Венгрии в галицкие земли имели место в 1205, 1206, 1208, 1211, 1212, 1213, 1214, 1216, 1220 гг. Не оставалась в стороне и Польша. В 1214 г. венгерские и польские правящие круги заключили соглашение о разделе страны. В 1215 г. часть местного боярства даже признала венгерского принца Кальмана *«королем Галича»*. В постоянно менявшейся тяжелой обстановке законному наследнику Даниле Романовичу (1202-1264) с раннего детства и до зрелого возраста несколько раз довелось занимать престол – 1205-1206, 1211-1212, 1230-1232, 1233-1234 гг. Окончательно он смог утвердиться в Галиции только с 1238 г. (ИБ 1971: 143; Плетнева 1975: 296-297. Рис. 7; Войтович 1996: 61).

Именно к началу XIII в. половцы продвинулись вплотную к Дунаю (ср. Spinei 1982:133-135; Князький 1988: 25). Этому способствовали события на юго-западе Руси, а также создание Второго Болгарского царства и крушение Византии в 1204 г. Представитель крестоносцев, испытавших на себе ударную мощь объединенных отрядов царя Калояна (1197-1207), записал: *«Кумания – это земля, которая граничит с Блакией»*, т.е. Болгарией (Робер де Клари 1986: 47; Бибиков 1981: 126-128; ИБ 1981: 142). Но отношения союзников-соседей были

сложными. Сам Калоян был предательски убит сторонниками «куманской партии». В заговоре, по всей видимости, участвовала и супруга царя, половчанка, на которой вскоре женился узурпатор престола Борил (1207-1218). Впрочем, и ему приходилось сражаться на левобережье Дуная с половцами. Известна победа болгарского царя *«над тремя князьями из Кумании»*. В этом случае на стороне болгар выступили отряды комита Сибиу, посланного венгерским королем. Уже в 1211 г. Андрей II поселил на юго-востоке Трансильвании тевтонских рыцарей, задача которых состояла в противостоянии достигшей границ королевства Кумании.

При этом в спасении законных наследников Калояна (его племянников Ивана и Александра) также участвовали обитавшие за Дунаем куманы. Более того, спустя какое-то время они переправили братьев в Галицкое княжество, а в 1217 г. будущий царь Иван Асень II (1218-1241) осадил Тырново с помощью русских и половецких отрядов (DRHD 1977: 28; ИБ 1981: 147-149, 162; Параска 1975: 37). Таким образом, после прихода в Подунавье половцев военно-политические связи Юго-Западной Руси с Балканами не прекратились, а временами даже активизировались.

Постигшие Галицкую Русь неурядицы наиболее пагубно сказались в основном на сельских жителях. Спасение от бед могли дать только лес и горы, куда и уходили люди. На первый взгляд, парадоксально, но за пределами государственных границ, которые нередко очерчивали и пределы районов кровопролитных столкновений, жизнь была безопаснее. Это консервировало социальные устои целых массивов населения, обособляя их от прежних административно-политических центров. Одна такая общность отмечена под именем *«выгонцев Галицких»*. Хотя о них писало немало авторов, достаточной ясности с этой группой населения в историографии нет (ср. Пашуто 1950: 144; РС 2002: 203-209).

«Выгонцы» появились в расположении русско-половецкого войска у впадения Хортицы в Днепр весной 1223 г. – накануне битвы на Калке, первого сражения русских полков с монгольской конницей, посланной Чингисханом провести разведку боем в Восточной Европе. В отличие от других отрядов они прибыли к месту сбора союзников на тысяче ладей, чем смутили многих князей, включая Данилу Романовича. Они дивились на *«невиданную рать»*, с которой прибыли Юргий Домамерич и Держикрай Володиславич. Первый сообщил, что люди в ладьях являются *«стрелками»*, а второй характеризовал их как *«ратников и хороших воинов»*. Однако некоторые сказывали, что странное войско составляют *«простые люди, пуще половцев»*. Поскольку необычная днестровская флотилия названа *«олядши русских»*, их ко-

манды, скорее всего, составляли этнические русские (ПСРЛ 1962: стб. 742). Любопытно, что представители Руси, в том числе галичане и волынцы, прибыли *«киждо со своими князьми»*, а находившиеся при *«выгонцах»* Юргий Домамерич и Держикрай Володиславич таковыми не являлись. Вышедшая из района галицких владений, но явно не подвластная их князю ватага на фоне массы русских воинов выглядела довольно экзотически.

Указание летописи о том, что перед битвой на Калке у Днепра вместе с русскими дружинами, включая галицких выгонцев, собралась *«вся земля Половецкая»*, дает возможность предполагать участие в битве с монголами прикарпатских куманов. Прямые свидетельства об этом отсутствуют, но исключить такого варианта нельзя, например, поскольку один из наиболее сильных тогда ханов – Котян вместе со своим зятем галицким князем Мстиславом Удалым (1219-1228) выступил организатором похода на монголов в 1223 г. (НПЛ 1950: 265; Плетнева 1975: 299).

В то же время продвижение тевтонов на восток за Карпаты встречало упорное сопротивление *«язычников»* – половцев. Когда в 1225 г. венгры изгнали рыцарей, на захваченных за горами землях в 1228 г. папа учредил *«Куманскую епископию»*, просуществовавшую до 1241 г. В пределах юрисдикции *«куманского епископа»*, судя по документу 1234 г., наиболее невосприимчивыми к католицизму оказались волохи, руководствовавшиеся религиозными наставлениями неких *«лжеепископов, придерживающихся греческого обряда»*. Еще опаснее было то, что под их влиянием оказывались католики – венгры и тевтоны (DRHD 1977: 20; Параска 1975: 38-41; Князький 1980: 248-250). Учитывая жесткие местные религиозные традиции, можно представить *«лжеепископов»*, проповедующих по-славянски, но едва ли на греческом или каком-либо другом языке.

В документах, касающихся поселения в Юго-Восточной Трансильвании тевтонов и Куманской епископии, неоднократно упоминаются *«бродники»*, земля которых в характеристике 1227 г. находилась где-то по соседству (DRHD 1977: 14). На первую половину XIII в. приходится несколько сообщений об этой группе населения края, находившейся у восточных границ Венгрии (см. Шушарин 1978: 39-43; Spinei 1982: 144-146; PC 2002: 193-203). Наиболее информативен самый поздний из документов – письмо Белы IV папе Иннокентию IV (1243-1254), датированное 1250 или 1254 г. В его тексте от имени короля сказано, что *«области, которые граничат с востока с нашим королевством, а именно Русия, Кумания, Бродники, Болгария, в большей части прежде подчиненные нашей власти»*, платят дань ордынцам. В том же послании сообщается о бедственном состоянии

опустошенного татарами Венгерского королевства, окруженного «*различными неверными племенами вроде рутенов, бродников на востоке*». При этом Бела IV жалуется, что его войску приходится сражаться с ними, равно как и с «*болгарскими и боснийскими еретиками*» (ЛИБИ 1981: 101). Исходя из этого, следует согласиться как с поиском бродников в землях к востоку от Карпат – севернее половецких и южнее галицких владений, так и их славянским этническим обликом.

С бродниками связывают и одно указание из речи Никиты Хониата начала 1190 г., которую оратор, восхвалявший деяния Исаака II Ангела (1185-1195), завершил упоминанием о блестящей победе императора над болгарскими и их союзниками – весьма воинственными «*скифами*» (половцами) и «*теми из Бордоны, презирающими смерть, происходящими из тавроскифов, верными Аресу*» (ГИБИ 1983: 101). Тут дело не ограничивается созвучием слов «*Бордона*» и «*бродник*». Указание на прямое родство с «*тавроскифами*» однозначно обнаруживает славянство этих людей, а приверженность богу войны – их язычество. Едва ли современник и участник событий, высокопоставленный придворный чиновник и блестящий византийский интеллектуал мог что-то напутать.

Что касается язычества бродников, то на этот счет можно привести еще одно свидетельство. Рукописная статья 1243 г. из так называемого «*Туринаского кодекса*», повествующая «*об обычаях и нравах различных народов и сект*», содержит пассаж, по всей видимости, относящийся к бродникам: «*В северном регионе, в пределах Болгарии и Кумании до самых границ Венгрии и в соседстве с Дакией живут племена, которые не восприняли закон Мухаммеда. Вот почему некоторые из них почитают идолов и молятся им*» (ЛИБИ 1981: 154). Вместе с тем, нельзя исключить, что среди бродников были группы, окормляемые, как и волохи, православными «*лжеепископами*».

* * *

Приведенные в статье данные позволяют сделать некоторые обобщения.

1. Существование Древнерусского государства привело к созданию на обширной территории Восточной Европы славяноязычной православной общности, представители которой именовались русскими, русинами, рутенами.

2. В Прикарпатском регионе, несмотря на жестокие столкновения средневековых государств, ареал русинского расселения был значительно шире русских политических границ, даже в период расцвета Галицко-Волинского княжества.

3. Русинское население края, сохраняя свою этнокультурную основу, вбирало в себя и другие группы населения, прежде всего говоривших по-славянски православных христиан и язычников.

4. Проживание в условиях лесистых гор обусловило ряд характерных черт русинской общности Прикарпатья: подвижный образ жизни, преобладание скотоводческого хозяйства, относительную независимость от центральной власти, архаизм общественной организации, своеобразие материальной и духовной культуры.

5. Дальнейшая судьба карпатских русинов требует не менее внимательного изучения, в особенности в связи с кардинальными политическими переменами середины XIV в., сопровождавшимися трансформацией цивилизационной обстановки в крае и резким возрастанием количества письменных свидетельств.

ЛИТЕРАТУРА

Бибиков М.В. 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 г. М. С. 5-151.

Божилев И. 1979. Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X век. София.

Войтович Л. 1996. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів.

ГИБИ 1965, 1983. – Гръцки извори за българската история. Т. VI, XI. София.

ДГ 1965. – Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.

ИБ 1981. – История на България. Т. 3. София.

ИБ 1971. – История Венгрии. Т. I. М.

ЛИБИ 1981. – Латински извори за българската истории. Т. IV. София.

Князький И.О. 1980. О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев. С. 244-251.

Князький И.О. 1988. Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII – первых десятилетиях XIII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев. С. 22-32.

Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.

Константин Багрянородный. 1991. Об управлении империей. М.

Крип'якевич І.П. 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.

Магочій П.Р. 2007. Народ нивыдкы: Ілустрована історія карпаторусинов. Ужгород.

НПЛ 1950. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.

Павлов П. 1986. За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските

връзки през XI-XII в. // Добруджа. Т. 3. Варна. С. 11-20.

Павлов П. 2006. България и нейните военни съюзници от Северното Причерноморие (XII-XIV в.) // Българите в Северното Причерноморие. Т. 9. Одесса. С. 49-60.

Параска П.Ф. 1975. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 33-52.

Пауто В.Т. 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.

ПВЛ 1950. – Повесть временных лет. Часть I. М.; Л.

Плетнева С.А. 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М. С. 260-300.

Поп Д., Поп I. 2005. Истoрия Подкарпатскої Руси. Ужгород.

Поп II. 2006. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород.

ПСРЛ 1962. – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.

Рабинович Р.А. 1999. Призрачная Берладь. О достоверности одной фальсификации // Stratum plus. № 5. 1999. С. 357-378.

Рабинович Р.А. 2005. Уличи и тиверцы в оценках историографии // Stratum plus. № 5. 2003-2004. С. 440-484.

Робер де Клару 1986. Завоевание Константинополя. М.

РС 2002. – Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.П., Рабинович Р.А. «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.

Слово 1985. – Слово о полку Игореве. Л.

Суляк С. 2004. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев.

Субтельный О. 1994. Украина: история. Киев.

Толочко П.П. 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества. М. С. 5-56.

Шорников П.М. 2007. Молдавская самобытность. Тирасполь.

Яковенко Н. 2006. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ.

Шушарин В.П. 1978. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР. № 2. С. 38-53.

DRHD 1977. Documenta Romaniae Historica. D. Relatii intre tarile romane. Vol. I (1222-1456). Bucuresti.

Popa R. 1970. Tara Maramuresului in veacul al XIV-lea. Bucuresti.

Spinei V. 1982. Moldova in secolele XI-XIV. Bucuresti.

Петр ШОРНИКОВ

МОЛДАВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И МОЛДАВСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.

В теоретическом плане вопрос о связи этничности с государственным сознанием представляется дискуссионным. К началу XX в. молдаване не располагали собственной государственностью, но реальность молдавского национального сознания, молдавской этнической идентичности не вызывали сомнений. Самим молдаванам они представлялись данностью, не требующей доказательств. Между тем соседняя Румыния уже дала пример поэтапной, но в целом быстрой замены этнической идентичности идентичностью государственной. Парадоксальным образом именно вытеснение молдавской этничности в Пруто-Карпатской Молдавии румынским национально-государственным проектом укрепляло решимость молдаван Бессарабии сохранить молдавскую традицию. Латинизацию молдавской письменности за Прутом, массивное внедрение в литературный язык лексических заимствований из французского языка, насаждение румынского национального сознания молдаване Бессарабии расценивали как утрату запрутскими братьями их этнической сущности.

Национальная политика российского правительства, не лишенная недостатков, была более либеральной, чем национальная политика Австро-Венгерской и Оттоманской империй, а также соседней Румынии. Российское государство молдаване ценили как ограждение молдавского языка и молдавской этничности, считали его своим, были лояльными российскими подданными. Составной частью молдавской национальной идеи являлась ориентация на существующую российскую государственность. По этим причинам, а также в отсутствие правовых, социальных и экономических причин тенденций к возрождению Молдавского княжества либо, тем более, к присоединению Бессарабии к Румынии, среди молдаван Бессарабии не возникло.

В начале XX столетия правящие круги Румынского королевства приступили к распространению идеологии румынизма в Бессарабии. Румынская секретная служба установила контакты со студентами-молдаванами, обучавшимися в российских университетах, начав со снабжения их румынской литературой. В феврале 1903 г. российская

полиция пресекла попытку превратить бессарабское землячество студентов Юрьевского (Дерптского) университета в националистическую группу. 11 студентов понесли символические наказания. Отклика в молдавском обществе этот эпизод не получил.

Вторая попытка инициировать среди молдаван прорумынское ирредентистское движение была предпринята в разгар первой российской революции. Был выработан вроде бы верный план действий: учредить прорумынскую газету и сформировать вокруг нее актив националистической молдавской партии. Был выбран лучший из возможных исполнителей – проживавший в Румынии писатель-молдаванин Константин Стере, бывший народник, имевший репутацию революционера, что было особенно важно в политических условиях того времени. Были выделены крупные средства. Однако деятели молдавского национального движения уклонились от сотрудничества с агентом Румынии. Они учредили «Молдавское общество Бессарабии» во главе с Павлом Дическу, организовали выпуск газеты «Молдованул», редактируемой Георге Маданом. К. Стере удалось выпустить шесть номеров прорумынской газеты «Басарабия», но она не нашла читательского спроса, а ее сотрудники не стали ядром сепаратистской партии. Подрывная операция провалилась.

Социально-культурный подъем молдавского этноса в 1905-1917 гг. также не породил в молдавском народе ни кризиса национальной идентичности, ни колебаний в вопросе о государственной ориентации. В период мировой войны молдаване единодушно выступили на защиту Российского государства. К моменту революции 1917 г. российская государственная идея оставалась составной частью идеологии молдавизма, не существовало и молдавских националистических организаций.

После свержения в России царской власти правящие круги Румынии предприняли вторжение в Бессарабию, вначале идеологическое и организационно-политическое. На новом этапе подрывной операции главным исполнителем выступил политический резидент королевского правительства Онисифор Гибу. Именно им, а не молдаванами была учреждена так называемая Молдавская национальная партия. Ее актив составили более 800 интеллигентов-румын, главным образом беженцев из австро-венгерской провинции Трансильвании, участников румынского национального движения. О. Гибу сформулировал программные требования МНП: латинизация молдавской письменности и автономизация Бессарабии.

Молдавская общественность не поддержала этих требований; автономистское движение осталось чисто интеллигентским. Основные атрибуты грядущей молдавской государственности – законодатель-

ное собрание (Краевой Совет - «Сфатул цэрий») и вооруженные силы (молдавские когорты) были созданы по инициативе и при содействии Временного правительства России. Дополнительным стимулом к созданию молдавской государственности стали автономизация соседней Украины и приход к власти в России большевиков – сторонников «самоопределения наций». Для характеристики государственной ориентации молдаван отметим следующее. В декабре 1917 г. Молдавская Народная Республика была учреждена в отсутствие межэтнического либо этногосударственного конфликта как составная часть Российской Федеративной Республики; таким образом, самоопределение молдаван не представляло собой сепаратистского акта. Русские, болгары, евреи, немцы, гагаузы и другие национальные меньшинства составляли почти половину населения Бессарабии и подавляющее большинство горожан. Они воплощали местную революционную власть и могли пресечь любую сепаратистскую тенденцию. Но в образовании МНР таковой не усмотрели.

Румынский этногосударственный проект молдавское общество отвергло. В январе 1918 г. молдаване участвовали в боях с румынскими интервентами. Убийство 45 членов президиума крестьянского съезда, в том числе семи членов Краевого Совета (Василий Рудьев, Василий Прахницкий, Петр Чумаченко, Федор Которос, Надежда Гринфельд и Николай Ковсан), положило начало оккупационному террору в Бессарабии. Тем не менее, 27 марта 1918 г., чтобы добиться от «Сфатул цэрий» согласия на «условное» присоединение Бессарабии к Румынии, румынское правительство было вынуждено прибегнуть не только к угрозам и подкупу, но и к подлогу. В число якобы проголосовавших за «объединение» были включены 10 членов «Сфатул цэрий», в заседании не участвовавших. Первая молдавская государственность XX века была упразднена румынскими властями 26 ноября (10 декабря) 1918 г.

Ответом на аннексию Бессарабии Румынией, на политику террора и грабежа явилось Хотинское восстание, начатое 19 января 1919 г. падением отряда партизан-молдаван (командир - Григорий Барбуца) на румынский пост в селе Атаки. Целью повстанцев было изгнание румынских войск из всей области. Большевики учитывали полиэтническую Бессарабию. В мае 1919 г. они попытались учредить Бессарабскую Советскую Республику. Повстанцы Татарбунар, большей частью русские, были склонны поддержать государственность мажоритарной нации – при условии, что Бессарабия воссоединится с Россией. 16 сентября 1924 г. они провозгласили создание Молдавской Советской Республики. И, наконец, 10 октября 1924 г. в составе Украины по предложению группы бессарабских революционеров и эмигрантов из Румынии была образована Молдавская автономия. Молдавская государ-

ственная идея была соединена с традиционным у молдаван российским этатизмом.

В Бессарабии молдавизм противостоял политике румынизации. В период румынской оккупации области (1918-1940 гг.) молдаване сохранили верность молдавским национальным ценностям, а установленный Бухарестом оккупационный режим, так называемая «бессарабская система», усиливал социально-культурную отчужденность между молдаванами и румынами. Молдаване сохранили молдавское национальное сознание, молдавскую речь, лингвоним «лимба молдовеняскэ». Временно была утрачена только молдавская письменность. Часть молдавской интеллигенции, декларативно принявшая румынскую идентичность – государственную или также этнокультурную, – отстаивала молдавскую этническую самобытность и молдавскую историю в рядах движения бессарабских регионалистов. Молдавизм стал основой бессарабизма, идеологии Бессарабского освободительного движения, включавшего региональный патриотизм, уважительное отношение к молдавской культуре, корректные отношения между этническими сообществами Бессарабии, неприятие румынского этногосударственного проекта и геополитическую ориентацию на Россию.

Неприятие румынской власти проявилось в массовом отказе молдаван, как и других бессарабцев, от принятия румынского подданства, движениях за автономию Бессарабии и Бессарабской церкви, защите богослужения по старому стилю. Возник также миф о Молдавской Демократической Республике 1917-1918 гг. В 1929-1930 гг. группа молдавских патриотов во главе с адвокатом А. Опрей пыталась учредить Молдавскую национальную партию. Приверженность подавляющего большинства молдаван молдавизму и бессарабизму обусловила их положительное отношение к воссоединению Бессарабии с Россией. 28 июня 1940 г. они с энтузиазмом приветствовали Красную Армию. Преобразование автономии в союзную Молдавскую Советскую Республику 2 августа 1940 г. создало дополнительные условия для социально-культурного подъема молдавского этноса. Обретение молдавской государственности способствовало консолидации молдавской национальной идентичности.

В годы второй мировой войны в подавлении молдавской национальной идентичности режим И. Антонеску усматривал условие закрепления территории Молдавии и ряда областей Украины в составе Румынского государства. Территория Молдавии была оккупантами расчленена. Но лозунг о принадлежности молдаван к румынской нации представлял собой лишь пропагандистскую декларацию и цель, к которой стремились правящие круги Румынии. На деле обращение оккупантов с молдаванами соответствовало нацистским стандартам обращения

с этнически чуждым населением и было столь же жестоким, как со славянами и гагаузами. За годы войны людские потери Молдавии от всех причин достигли 650 тыс. чел., 24% довоенной численности населения республики. Хотя политика геноцида, проводимая режимом Антонеску, была направлена прежде всего против евреев и цыган – эти группы были заключены в концлагеря, – большую часть ее жертв все же составило этническое большинство – молдаване.

Молдавский народ сохранил ориентацию на государственность России/СССР. Спротивление молдавских крестьян в основном сорвало попытки оккупантов поставить себе на службу людские и экономические ресурсы Молдавии. Свыше 90% молдаван, способных носить оружие, воевали в составе Красной Армии. В 1944 г., после перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции, перевода в Вооруженные силы СССР потребовали и молдаване, мобилизованные в румынскую армию.

Опыт взаимоотношений с румынами укрепил молдаван в сознании своей этнической самобытности. Отношение молдаван к Красной Армии как к спасительнице, а к СССР – как своему государству, несмотря на ошибки и несправедливости, допущенные руководством страны при проведении социальных преобразований в послевоенные годы, оставалось неизменным. Наличие молдавской государственности и стремительный экономический и социально-культурный подъем республики в 60-е–80-е гг. способствовали этнокультурной консолидации молдавской нации. Румынизм оставался для большинства молдаван неприемлем как идеология, отрицающая молдавские национальные ценности. При том, что националисты среди молдаван, как и среди других народов, имелись, националистического (с требованием национальных привилегий), сепаратистского (направленного на отрыв Молдавии от СССР и создание независимого государства) либо ирредентистского (прорумынского унионистского) движения в Молдавии не возникло. За весь период 1944–1988 гг. в республике не возникло ни одной организации с фиксированным членством и политической программой, отличной от программы правящей партии.

В отличие от интеллигенции 20–30-х гг., в 50-е гг. новое поколение молдавской интеллигенции уже не усматривало в идеологии румынизма угрозу молдавизму, а усвоение молдаванами румынских языковых стандартов расценивало как приобщение к прогрессу. По социальным мотивам, стремясь конвертировать знание литературного румынского языка в социальные льготы, бессарабская фракция молдавской бюрократии в определенной степени поддержала течение румынистов в молдавской лингвистике. С середины 50-х гг. началось массированное внедрение в литературный молдавский язык румынских заим-

ствований из французского, попытки замены молдавских лексических форм румынскими и т.п. Языковое строительство приобрело характер, опасный для молдавского культурного суверенитета.

В 60–80-е гг. филологи-румынисты подготовили кризис молдавской идентичности. Однако национальное движение в Молдавии развивалось под решающим воздействием внешних силовых полей. Только в конце 80-х гг., когда системный кризис Союза ССР вошел в критическую фазу, часть молдавской интеллигенции, главным образом гуманитарной, перешла к румынской публичной самоидентификации. Однако в переводе молдавской письменности на румынскую графику, включении в программы учебных заведений вместо истории Молдавии, молдавского языка и литературы курсов «история румын», «румынский язык» и «румынская литература», искажающих этническое сознание нового поколения молдаван, инициативная роль даже этой группы остается недоказанной.

Румынисты вышли из состава молдавской политической нации. Они составили также социальную базу унионизма – движения за присоединение Молдавии к Румынии, т.е. за упразднение молдавской государственности. Под их давлением государственная символика ССР Молдова вопреки молдавской традиции была утверждена по румынским образцам. Политические формирования унионистов внесли решающий «вклад» в провоцирование в республике гражданского конфликта, приведшего к Днестровской войне 1992 г. и государственно-территориальной дезинтеграции Молдавии, к массовой эмиграции «нетитульного» населения, а затем и молдаван. При инициативном участии унионистов допущено разрушение промышленного и сельскохозяйственного производства, нагнеталась политическая нестабильность, около двух десятилетий препятствующая притоку иностранных инвестиций и возрождению экономики.

Против курса румынизаторов выступила патриотическая часть молдавской интеллигенции. Она участвовала в формировании Интернационального движения Молдавии «Унитате-Единство». 8 июля 1989 г. по их предложению Учредительный съезд движения выступил за решение вопроса о графике молдавского языка путем референдума. Публичные выступления историков В.Я. Гросула, А.М. Лазарева, Н.В. Бабилунги, филологов И.Д. Чобану, В.Б. Сеника, В.Н. Стати и других ученых в защиту молдавской национально-культурной идентичности и молдавской истории стали важным фактором обновления национального сознания молдавского народа. В независимой Молдове молдавская этнокультурная идентичность, молдавское национальное сознание получили новое, более глубокое и полное историческое и лингвистическое обоснование.

Пропаганда идеологии румынизма не изменила этнического сознания и государственной ориентации молдаван. Провозглашение летом 1990 г. лозунгов унионизма лишило главное политическое формирование мажоритарных национал-радикалов, Народный фронт Молдовы, массовой социальной базы. В марте 1991 г., несмотря на противодействие унионистов, в республике состоялся Референдум СССР. Молдавские традиционалисты вплоть до «путча ГКЧП» не допускали обсуждения в парламенте вопроса о выходе Молдавии из Союза ССР. Независимость республики была провозглашена только после фактического распада СССР в августе 1991 г. Молдависты сыграли важную роль в прекращении огня в период вооруженного конфликта с Приднестровьем. В 1993 г. они добились вступления Молдовы в Содружество Независимых Государств и досрочного роспуска парламента, не отражавшего соотношения сил в обществе. В ходе парламентских выборов 1994 г. победила Аграрно-демократическая партия Молдовы, выступавшая с позиций молдавизма. Референдум "Совет с народом", проведенный 6 марта 1994 г., показал, что население стоит за независимость республики. Аграрно-демократическая партия, пришедшая к власти под лозунгом защиты молдавской самобытности, отказалась от крайностей национальной политики румынистов. Ее политика способствовала некоторой стабилизации этногосударственных и межэтнических отношений в Молдавии. В 2001 г. парламентское большинство завоевала Партия коммунистов, также выступающая в поддержку молдавской национальной самобытности.

Однако молдавская национальная идентичность по-прежнему подвергается в республике атакам посредством преподавания мировоззренческих дисциплин в духе идеологии румынизма, публикаций унионистских СМИ, деятельности унионистских политических формирований. Из официального обихода практически вытеснен лингвоним «лимба молдовеняскэ». И все же массовой смены молдавской национальной и государственной идентичности на румынские не произошло. По данным социологических опросов, будущее Республики Молдова в составе Румынии, не обязательно поддерживая такой вариант развития событий, видели в 1991 г. 3,1%, в 1992, после распада СССР, - 9,4%, в 1993 - 7,7%, в 1994 - 5,6%, в 1996 - 4,9%, в 1997 - 4,8%. В 1999 г., в ответ на вопрос "Как должна решиться проблема молдавской государственности?" за объединение Молдовы с Румынией высказались всего 2,2% респондентов. На порядок больше, 19,7% опрошенных, предпочли объединение с Белоруссией и Россией (что не предполагает упразднения молдавской государственности), а подавляющее большинство, 78,1% респондентов, некорректно сформулированную дилемму разрешило с полной определенностью: Молдова должна ос-

таться независимым государством. Таким образом, 97,8% населения высказались за независимость Молдовы.

Убедительно подтверждают прочность молдавского национального сознания данные переписи населения 2004 г. Вопреки ожиданиям унионистов, румынами признали себя всего 2,1 процента населения, 70,3 тыс. чел. Эта цифра примерно соответствует численности румынских колонистов, поселившихся в Бессарабии в 1918-1940 гг. Но не исключено, что число «румын», учтенных при переписи, завышено: около половины (точнее, 44,5%) лиц, именующих себя румынами, пришлось на Кишинев, где проживает только пятая часть населения республики, но сконцентрирован корпус государственных функционеров, сформированный в 90-е годы по языковому принципу и составляющий социальную базу унионизма. Наиболее тревожна для будущего молдавской нации другая выявленная при переписи тенденция: 480 тыс. молдаван, румын и лиц иной национальной принадлежности назвали родной язык румынским. Демонтаж молдавской этнокультурной идентичности, таким образом, продолжается.

На протяжении XX в. молдавская национальная и государственная идентичность пережила сложную эволюцию. В составе Российской империи молдавский народ был огражден от попыток насильственной замены молдавского национального сознания румынским. Несмотря на отсутствие молдавской государственности, в начале века молдаване пережили национально-культурный подъем; одним из его следствий стала консолидация молдавского национального сознания и включение в состав молдавской нации значительных групп русинского и малорусского населения Бессарабии. Ориентация молдаван на российскую государственность сохранилась и в период революции. Молдавская Народная Республика была учреждена в отсутствие в молдавском национальном движении сепаратистских тенденций.

Политика подавления молдавской национальной идентичности и замены ее румынской, проводимая Румынским государством в Бессарабии в 1918-1940 гг. и во всей Молдавии в 1941-1944 гг., дала ограниченные результаты. Этническая переориентация затронула только часть молдавской интеллигенции и носила во многом формальный характер. Наличие в пределах СССР молдавской государственности способствовало консолидации и упрочению молдавского национального сознания. Однако приоритетную роль в провозглашении Бессарабской Советской Республики (1919), в образовании Молдавской автономии (1924), в ее преобразовании в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику (1940) и в переходе ССР Молдова к независимости (1991) сыграл внешний фактор. Наличие молдавской государственности укрепляло молдавское национальное сознание, но переход Молдовы к

независимости являлся следствием распада СССР, а не проявления сепаратистских тенденций.

В Республике Молдова молдавская национальная идентичность не обрела государственной защиты. Навязывание обществу румынизма в качестве государственной идеологии провоцирует кризис молдавской идентичности и подрывает идеологические основы существующей государственности. Тем не менее, молдавское национальное сознание, молдавская государственная идея остаются важнейшими факторами стабилизации существующей молдавской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Славяно-молдавские летописи. М., 1973.
- Пиотровский Р.Г.* Близкородственные языки или национальные варианты // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев. 1976.
- Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. Кишинев. 1977.
- Дырул А.М., Ецко И.И., Котелник Ф.С., Н.Г. Маткаш, Медвецкая О.Г., Мокряк И.Ф., Перчек Н.М., Чобану А.И.* Лимба молдовеняскэ контемпоранэ. Синтакса. Кишинэу, 1981
- Ильяшенко Т.П.* Формирование романских литературных языков. Кишинев, 1983.
- Корлэтяну Н.Г.* Молдавский язык сегодня. Кишинев, 1983
- Стати В.Н.* Лимба молдовеняскэ ши рэувоиторий ей. Кишинэу, 1988.
- Панаитеску П.П.* История румын. Кишинев, 1991.
- Ghibu O.* Pe baricadele vietii: In Basarabia revolutionara (1917-1918). Amintiri. Chisinau, 1992.
- Bruhis M.* Rusia, Romania si Basarabia:(1812, 1918, 1924, 1940). Chisinau, 1992.
- Берг Л.С.* Бессарабия. Страна - Люди - Хозяйство. Кишинев, 1993.
- Молдован П.* Молдаване в истории. Кишинев, 1994.
- Лазарев А.М.* Я – молдаванин. Тирасполь, 1995.
- Pop I.* Basarabia din nou la gascruce. Bucuresti, 1995.
- История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1997
- Левит И.* Движение за автономию Молдавской Республики. 1917. Кишинев, 1997.
- История Молдовы в date. Elaborata: Vasile Stati. Chisinau. 1998.
- Radulescu-Motru C.* Etnicul romanesc. Comunitate de origone, limba si destin. Nationalismul. Bucuresti, 1996.
- Гросул В.Я.* О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык». Тирасполь, 1991
- Чобану И.Д.* Родной язык в моей судьбе. Тирасполь, 1992.
- Чобану И.Д.* Слово о судьбе родного языка. Тирасполь, 1992.
- Яковлев В.* Тернистый путь к справедливости. Тирасполь, 1993.
- Шорников П.М.* Цена войны: Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. Кишинев, 1994

Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. Кишинев, 1997.

Руссу И.Г. Заметки о Смутном времени. Кишинев, 1999.

Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000.

Левит И. Молдавская республика. Кишинев, 2000.

История Приднестровской Молдавской Республики. Т. II. Ч. 2. Тирасполь, 2001.

Кодряну Г. Днестровский разлом. Тирасполь, 2002.

Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.

Stati V. Dictionar moldovenesc-romanesc. Chisinau, 2003.

Стати В. Штефан Великий, господарь Молдовы. Кишинев, 2004.

Степанюк В. Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006.

Молдави́зм и Интердви́жение // Исторический вестник Приднестровья, 2006.

№ 10.

Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

Primele istorii ale Moldovei. Cronografia moldo-slrvona. Editie alcatuita si completata de Vasile Stati. Chisinau, 2007.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический
книжный магазин по
«украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте
и поможем с приобретением
мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и "мазепинцы"»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org),
«Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской
народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>

e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.

Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Юрий ИВАНОВ

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУСИНОВ СЕВЕРА МОЛДАВИИ

Официальное открытие русинской тематики в Молдавии наконец-то дало возможность серьезным исследователям говорить о глубоком и многостороннем вкладе русинов, чьи предки вместе с валахами создали Молдавское государство, в духовную и материальную культуру нашей страны. За весьма короткий срок в этом направлении немало уже сделано, но еще многое предстоит. Становится очевидным, что исторические свидетельства и живая память древнейшего автохтонного населения Карпато-Днестровского региона – русинов - могут оказать решающее влияние на формирование той или иной научной гипотезы, касающейся прошлого страны. Количество примеров в этой области, полагаю, со временем будет только увеличиваться.

Принято считать, что Молдавское княжество возникло, видимо, вначале как объединение сельских общин, ядро которого в долине реки Молдова дало ему название¹. Красочная легенда выдающегося средневекового летописца Григоре Уреке о возникновении Молдавского государства производит название реки и страны от собаки Молды, которая околела во время погони за быком, приведшим пастухов из Марамуреша в новый край. Эта легенда о так называемом «дескэлекаре» (букв. спешивание) или основании страны питала всех историков, писавших о возникновении Молдавского княжества. Однако уже в наше время молдавский историк Л.Л. Полевой, исследуя фольклорные истоки этой легенды, выяснил, что в народной традиции пастухов Карпатского региона издревле был распространен как раз обратный обычай – называть именами рек сторожевых собак, чтобы уберечь их от бешенства².

В свое время авторитетнейшие историки П.Ф. Параска и В.С. Зеленчук связали значение слова «Молдова», «Молдавия» с древнеславянским названием ели - «молид». Эту точку зрения поддерживают известные современные молдавские исследователи Н.Д. Руссев и П.М. Шорников. Разделяет ее и глава русинского движения Молдавии доктор истории С.Г. Суляк. Однако, нельзя сказать, что такое объяснение стало общепринятым. Привлечение русинского материала дает дополнительные доводы в пользу данной теории.

Действительно, в языке потомков русинов севера Молдавии существует древнее название ели – «молода» (с ударением на втором сло-

ге), означающее вечно зеленое, вечно молодое, непадающее дерево. Другая вариация этого слова (с ударением на последнем слоге) означает «невеста». В мифологических представлениях предков русинов ель является вечно свежей, нарядной, неувядающей невестой другого «вечного» жениха – сосны, которая в русинском носила название «молодой» (с ударением на третьем слоге). Отсюда далекие предки современных русинов Молдавии производили название страны – «Земля Молоды», «Молода Зэмля», «Молодя Зэмля» и т.д. (с различными вариациями в самом слове и в ударениях), то есть Молдавия, в их представлениях это страна вечнозеленых еловых и сосновых лесов. Действительно, как теперь известно, в средние века в Днестровско-Карпатских землях гораздо более широко, чем ныне, были распространены хвойные леса, особенно в Восточном Прикарпатье³.

Автору еще удалось обнаружить остатки этих представлений у некоторых современных стариков-русинов. Вот они: Колибаба Василий Андреевич, житель села Нагоряны Рышканского района, 1922 г. р.: «Я колэс (давно, когда-то) чуув вид старэх людэй, шо цу нашу Молдавию сталэ так прозваты (называть) вид вэлэких лисиу з елок и сосниу (колэс казалэ шо з молоды – В.К.), яких багато було вид Карпатиу, на Буковэни, и на сэвери с цэи и другой сторонэ Прута...»⁴.

Бурдужан Иван Георгиевич, житель города Рышканы, 1926 г. р.: «Стари людэ казалэ, шо колэс вид Карпатиу до нашойи сторонэ йишлэ вэлэки лиса з молоды – елкиу та сосниу... Вид тих лисиу и далэ мя (имя) наши Молдавии...»⁵.

Черней Виктор Эмануилович, житель города Рышканы, 1919 г. р.: «Я знаю вид старэх людэй, шо наци прадицэ далэ мя наци Молдавии вид вэлэких лисиу з молоды – елкиу и сосниу, яки тягнулэса аж вид Карпатиу и до нас...»⁶.

Излишне говорить, что таких свидетельств среди пожилых русинов можно было обнаружить лет двадцать назад намного больше. В современном словаре румынского языка тоже обнаруживается слово «molid», обозначающее вид ели с пирамидальной кроной⁷. Историческое название «Молдавская земля» хранит не только память стариков, но и русинские тексты, обнаруженные автором.

В середине 80-х гг. мной было записано с рукописи моего прапрадеда Я.Д. Ротаря (1851-1930 гг.) древнее русинское сказание «Казка за Рогатого Володю» или «Старэна за Палацку Зэмлю и Палацкиу Цариу». В нем в стихотворной форме излагаются драматические события десятого века, происходившие в Полоцке: кровавый захват власти варяжским наемником Рогволодом и его дальнейшая судьба. Краткое сообщение на эту тему дает нам «Повесть временных лет» под 980 г.⁸. Сказание ценно не только сюжетной линией, в нем содержатся

целые пласты дохристианской славянской мифологии и верований. Вот что говорится в одном из мест, где автор сказания обращается к языческому богу Трояну:

Вознэсы мни Бози Тройани
На кони твойи розбуйани
З Молоди Земли нам лэтитэ,
Пид стрихойу Нэба свэститэ,
Туману з дороги здуваты,
Крэминья копытом крэсаты,
Зирнэчки косы чиплиаты.
Вид самуйи вэщуйи хаты!
Чи скочишь чрез Галыч на Горы,
Чи звэрньшь на Кийов у Подил,
Ны вучуйишь ты Бози ти хоры,
Ны найдьшь ты Бози твий стил.

В этом отрывке мы находим не только название Молдавской земли, но и точную географическую ориентацию в отношении Карпат («Горы»), Галича, Киева и Подолья. Можно понять, что речь идет о северной части Пруто-Днестровского междуречья или о территории, сопредельной с ним. Данное упоминание Молдавской земли не единственное в тексте сказания.

Древняя Молдавия является ареной подвигов богатыря-великана Святогора в русинском былинном цикле. Вот как тяжело богатырь ступает в родные Карпаты после очередного подвига в Молдавской земле:

Даниастри широки уздувайи,
Берэзи високи ломайи,
Молоду Зэмлю потрусайи,
Сватогори на Гори йидэ!⁹

В работе «Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии» я уже говорил, что русинские былины о Святогоре, по-видимому, древнее северорусских, обнаруженных П.Н. Рыбниковым в 1860 г., и окончательно оформились еще в X веке¹⁰.

Кстати, в русинских текстах можно обнаружить и другое древнее название Молдавии – Земля Трояна. Это же название засвидетельствовано в бессмертном «Слове о полку Игореве». Однако до сих пор исследователи не пришли к единому мнению о местоположении «земли Трояни» «Слова» и о происхождении самого Трояна: считать ли его обожествленным образом римского императора Траяна, или у культа Трояна чисто славянские истоки?

Академик Б.А. Рыбаков принимал за «землю Трояню» «Слова о полку Игореве» территорию от Трояновых валов на юге нынешней Молдавии до дельты Дуная¹¹. «Трояновы века», по мнению академи-

ка, окончились нашествием гуннов¹², а «Тропа Трояна» - памятник победы императора Траяна над даками в низовьях Дуная¹³. Академик Д.С. Лихачев предположил, что «Земля Трояна» - вся русская земля, а Троян – божество Древней Руси¹⁴. Профессор А.Т. Кузьмин полагает, что в «Слове о полку Игореве» легендарным родоначальником русских князей признается Троян, а главный герой – Игорь Святославович – назван его «внуком», то есть потомком¹⁵.

Уже приведенный отрывок из «Старэны за Палацку Зэмлю и Палацкиу Цариу» свидетельствует о Трояне как о языческом божестве, о котором говорится в древнерусском апокрифе XII в. «Хождение Богородицы по мукам»: «...Трояна, Хорса, Велеса, Перуна в богов превратили...»¹⁶.

Информация, собранная автором в разные годы среди потомков русинов и малороссов Молдавии, позволяет немало сказать о Трояне как о славянском боге, сродственном Триглаву поморян из «Жизнеописаний Оттона Бамбергского»¹⁷. В этом плане русинское предание, насыщенное различными ипостасями и образами Трояна, представляет, по моему мнению, исключительную ценность. Вот в каких ярких и сочных красках рисует древний русин огненное преобразование Трояна перед Русской и Молдавской землями на вершинах Карпат:

Скочи, скочи Тройани на Гори,
Подывуйса на Кощуриу стил,
Бо таки Зэмли Руси нам хоры,
Намист чащи до трабы – постил!
Устань Тройани на чиреку Гори!...
Вэщи хмаріу твоя голова!
Запалалы за Мэреком зори,
Стала золотом Схода трава!
Завэрнула на Хату Корова,
Побрыкало за нэйу Тэлиа!
Стала ничь ны стара и ны нова,
Та заумэрла пид Нэбом Зимлиа!
Ростына чолу-вогни на тройи,
Ростыка вочи-блэски на кут,
Бо вит крэуды слипойи ци Збройи,
Йара жэга на совисти блуд!
Свит на свити сима загорайе,
Палы Зэмльу вогони стоубэ!
Та Суда Миры людиам читайе,
Хоть вит тэперь колоды доубэ!

Троян сказания, в противоположность Перуну, – верховный владыка всей Руси и полноценный наследник Сварога-Отца, тогда как Перун – всего лишь одна из функций («пара») «Бози Старого»:

Нэбо, зэмли, та ходы вид Йамы, –
 Царства твоей, – голоув трьох Винэц!
 Ночи твоей – це Власти над дниамы,
 Ты йим – Начало и Добри Кинэц!
 Божэ! Стрыма ти Крэпки Стрыкусы:
 Нэбо, уси зэмли, та Татиу Йара!
 Най Перуни зологиат уси вусы,
 Вин лышь вит Бози Старого пара!¹⁸

Молдавская земля определяется как прекрасная часть, как красавица-дочь Русской земли, причем автор использует удивительно поэтические образы:

О, Зэмли Сэва Молда Тройана,
 Ты уси Руси Дочка закрасниана!
 Чем Душа твоя свитла стэмниана! –
 Дужэ Маты твоя засумниана!

Молдавская земля – это «Земля седых елей и сосен Трояна»!...

Русинское сказание позволяет более четко определиться и с дилеммой, обозначенной академиком, так как текст, вероятно, близок по времени создания «Слову о полку Игореве».

Говоря о «земле Трояни», автор «Слова...», конечно же, подразумевает всю Русскую землю, но к тому времени это уже лишь ностальгия, ибо к концу XII в. язычество как система верований, враждебных христианству, уже исчезло, и на Руси уже прочно утвердилось так называемое двоеверие¹⁹. А вот на территории нынешней Молдавии, как показывают археологические данные, язычество по-прежнему занимало сильные позиции практически до окончательной гибели городищенской славянской культуры Поднепровья (середина-конец XII в.)²⁰. Поэтому Трояновой землей на момент создания «Слова...» могла именоваться только часть Руси – Древняя Молдавия. Подтверждение этому мы находим и в русинском сказании, где автор часто сожалеет, что Трояна уже чтут только в Молдавской земле, но даже здесь он видит скорую гибель культа от христиан («скапанный блуд») и орд кочевников («Витэр-Стэпняк»):

У Молоди Зэмли лышь палайи,
 Твий Вогонь вит Шварози-Водтца,
 Та скапанный блуд залывайи,
 И Витэр-Стэпниак задувайи,
 З Даниастри сидимого конца!

Не только в текстах языческого характера мы можем найти название и идеологическую концепцию Молдавской земли. Очень интересны русинские сочинения раннего христианского периода на территории нынешней Молдавии, о котором мы обладаем крайне скудными сведениями.

В русинском апокрифе «Ходы Апостола Андрэя у Молоди Зэмлі» мы находим древнее название Молдавии уже в самом заглавии текста. В нем рассказывается о пребывании апостола Андрея Первозванного в Молдавской земле после посещения Киевских гор²¹. Апостол, к своему величайшему удивлению, находит в глухом лесу семейных великих старцев, хранящих подлинную православную веру со времен всемирного потопа. Старцы непрерывно молятся в великолепном нерукотворном храме, в котором день и ночь горят никогда не сгорающие свечи и негаснущие лампы. Апостол оставляет в храме чудесный крест, который раз в году, на Пасху, расцветает красными как кровь цветами. Когда на кресте наконец-то появятся белые цветы, подлинная православная вера восторжествует во всем мире...

Мы можем установить и время создания апокрифа: конец XI – начало XII в. В одном из мест неизвестный автор сожалеет, что уже «...пройшло сто год апосля йак Володимэр Царь Кийовский прыйшоу до Хрэста...», а истинная вера не утвердилась полностью даже на Руси.

Название Молдавской земли мы находим и в другом русинском апокрифе «Вэлэки Кирэл-Вучетиль та йиго брат Мэфодий и Вэлэки Чудо Прэсвати Богородэци». Вариант этого апокрифа был приведен в моей статье «Некоторые мифологические и религиозные представления русинов Молдавии о родном языке»²². В нем рассказывается о просветительской деятельности Кирилла и Мефодия в славянских землях, а также чудесах, встреченных ими и в «Молодови Зэмлі». Вполне возможно, что в своей основе текст был создан еще в конце X в., когда археологами обнаруживаются первые следы христианства в Пруто-Днестровском междуречии²³.

Не менее интересны апокрифические сказания о Георгии Победоносце, ждущем часа Страшного суда на вершине Карпат. Весь законанный в броню, сидящий на огромном скакуне, святой Георгий зрит весь мир, в том числе и «Молоду Зэмлю». Когда он видит, что беззакония, творимые людьми, достигают своего предела, гигантский конь святого ударяет своим копытом в горную твердь и сотрясает все окрестные земли, в том числе и Молдавскую... Вероятно, что сказания тоже возникли в период начальной христианизации Молдавии, ибо в апокрифическом образе Георгия Победоносца легко прослеживается более ранний образ былинного богатыря Святогора²⁴.

Автор привел далеко не все известные ему русинские тексты, в которых можно обнаружить древнее название, а самое главное, религиозно-идеологическую концепцию Молдавской земли раннего периода, до возникновения в XIV в. Молдавского феодального княжества. Конечно, в первую очередь, тексты нуждаются в публикации и глубоком научном анализе. Однако, уже после того небольшого сказанного в этой

работе становится ясной необходимость привлечения русинских источников для изучения и восстановления подлинной истории нашей страны. Очевидно, что живая память русинов Молдавии, сконцентрированная в словах и буквах, способна обнажить и тем самым укрепить неизвестные ранее глубины многовекового фундамента молдавской государственности.

К сожалению, надо отметить, что годы насильственной этнокультурной переориентации оказали довольно негативное влияние на культуру, язык и национальное самосознание русинов Молдавии. Агрессивная украинизация, начатая советскими властями после войны, привела к утрате большей частью русинского этноса древнего этнонима «русин». Теперь они в основном называют себя не украинцами, а «хохлами». Самоназвание «русин» или «руснак» помнят только наиболее пожилые представители этноса²⁵. Некоторые молдавские исследователи полагают, что самоназвание «хохол» происходит от легендарных казаков Запорожской Сечи, которые носили чубы²⁶. Но в данном регионе местное русинское население практически никогда не контактировало с запорожскими казаками. Самоназвание «хохол» появилось совсем недавно, как ответная реакция русинов на насильственную украинизацию, с целью противопоставления себя другим этносам, в том числе и украинцам. Об этом свидетельствуют многочисленные опросы, проведенные автором среди жителей Рышканского района. Последний опрос, проведенный автором в селе Нагоряны в мае 2007 г. показал, что только 7 (из 98 опрошенных) сказали, что «хохол» означает для них «украинец». Остальные нашли те или иные различия между «хохлами», с одной стороны, и украинцами, молдаванами, русскими, с другой стороны²⁷.

Приходится говорить, что наиболее значительному нивелированию подверглась материальная составляющая самобытной культуры русинского этноса. Наблюдения автора показывают, что современные потомки русинов уже не строят дома по старой технологии, описанной П.А. Нестеровским и Л.С. Бергом, сказывается влияние всемирной глобализации. Однако, дом русина по-прежнему состоит из трех больших частей: «синэй», «хатчены» (малая хата) и «вэлыкуйи хаты».28 Рядом с домом строят, как и раньше, «комору» – жилые помещения для хозяйственных нужд и запасов. В доме по-прежнему можно найти и «красный вугол», и «мысник» – шкаф для посуды, «ослинэ» – длинные деревянные скамьи, «стилчики» – низкие табуретки²⁹.

Произошли существенные изменения и во внешнем виде современных потомков русинов. «Чугайи» (род пальто), «кожухи» (тулупы без воротника), «гачи» (льняные штаны), «чоботы» (сапоги), описанные Л.С. Бергом в начале прошлого века, можно еще увидеть только на

очень пожилых русинах³⁰. «Постолы» (лапти) и «капелюхи» (соломенные или серые войлочные шляпы) исчезли, как минимум, полвека назад. И это понятно, влияние глобализации сказывается прежде всего именно в этой сфере, и не только у русинов, но и у других народов, населяющих нашу страну. Однако сами слова и понятия не исчезли из современного лексикона русинов, а своеобразно «адаптировались» к новым материальным носителям. Интересно, а иногда смешно наблюдать, как это происходит в молодежной среде. Когда идут, например, два подростка и хвастают друг перед другом подаренными родителями вещами. Первый, показывая на современную дубленку, привезенную отцом из Москвы, говорит: «Дэвэса (посмотри) який (какой) кожух прэвиз мини (мне) тато (отец)!...» Другой ему отвечает, показывая на новые заграничные сапоги: «Луччи (лучше) подывэса яки мини чоботы прэвиз мий тато!...» Или когда новейшую баскетболку фирмы «Адидас» называют «капелюхом».

Борьба с религией и, под этой маркой, с народными традициями в послевоенное советское время начала выхолащивать и духовную культуру русинов Молдавии. Однако, демократические процессы 90-х гг. и возвращение православия в народную среду неожиданно привели к реанимации многих древних поверий, примет и суеверий, народных обычаев у современных русинов, описанных П. Нестеровским и другими русскими этнографами. Проведенный в мае 2007 г. опрос показал, что подавляющее большинство потомков русинов, как и прежде, полагают:

- Что вой собак в селе указывает на появление волка или предвещает близкого покойника;

- Что в понедельник не следует женщинам печь хлеб, ибо появятся тараканы в доме;

- Что на появление покойника указывает и крик совы ночью на крыше дома;

- Что, когда умывается кошка или поет петух на крыльце дома, то надо ждать скорых гостей;

- Что женщинам в период беременности ни в коем случае нельзя смотреть на что-либо некрасивое или уродливое, ибо может родиться неполноценный ребенок;

- Что, если кто-то перейдет дорогу с пустыми ведрами, обязательно жди неудачи в делах;

- Что в ночь перед Рождеством рогатому скоту Бог единственный раз в году позволяет говорить на человеческом языке и даже пророчествовать. Например, о грядущей засухе, неурожае, дождях, наводнениях, болезнях и войне. Излюбленная тема «беседы» скотины - жизнь и смерть хозяев. Старики-русины до сих пор считают, что можно подслушать «розговорэ» своего скота.

Описанные автором примеры и суеверия, как показывают и исследования С.Г. Суляка, полностью совпадают с приведенными П.А. Нестеровским в его монографии «Бессарабские русины...»³¹.

Наиболее глубокую границу между своим и другими этносами современные русины Молдавии проводят по языку. Уже проведенные исследования показывают, что именно язык не позволил и не позволяет провести полную и окончательную денационализацию русинов³². Кем бы они себя не называли – «хохлами» или «украинцами», как установили опросы, почти все признают, что в той или иной мере их родной язык не соответствует украинскому языку³³. Свежий майский блиц-опрос, проведенный автором, опять подтвердил это положение. Вот наиболее типичные ответы: «Наш язэк май простэй», «наш язэк май яснэй», «наш язэк май блэщи до русского та белорусиу», «наш язэк нэ такой запутанэй як украинский», «наш язэк май понятливэй, чем украинский». Уникальность русинского языка отмечали уже первые исследователи русинов, такие как А.С. Афанасьев-Чужбинский, П.А. Нестеровский, Л.С. Берг и другие³⁴. Сохранение русинами-руснаками языковой специфики С. Суляк объясняет тем, что «руснаки в основном избежали процесса «украинизации», точнее, полонизации, которому был подвергнут в начале XX столетия язык малороссов и особенно галичан. Это позволило русинам сохранить больше древнерусских языковых форм, чем удалось украинцам»³⁵. Опустошения и перемещения населения на юге Руси после монголо-татарского нашествия, полагал советский историк В. Мавродин, привели к исчезновению древних местных диалектных форм языка, однако, они еще долгое время сохранялись на севере Руси, а также в Прикарпатье и Закарпатье³⁶. Этой же причиной молодой российский ученый В. Меркулов объяснял то, что древнерусские былины о Киевской Руси, князе Владимире, Всеславе Полоцком и чудо-богатырях были записаны на русском Севере (преимущественно в Архангельской и Олонецкой губерниях)³⁷. Этими же обстоятельствами автор данной статьи объясняет сохранность русинского былинного комплекса о Святогоре и наличие русинских текстов домонгольского периода истории Молдавии, выдержки из которых приведены выше.

Несмотря на то, что за последние полвека язык русинов Молдавии подвергся глобальному стороннему воздействию и претерпевает значительные изменения, в нем еще можно выделить древние языковые формы.

А между тем язык местных русинов специфичен и хранит в себе немало тайн и загадок, расшифровка которых могла бы обогатить наши знания о культуре Древней Руси и этногенезе восточнославянской общности. Это касается и загадочного этнонима «толковины», единствен-

ный раз упомянутого в «Повести временных лет» под 907 г. Этот термин длительное время вызывал споры в научной среде, ибо ни одно из предложенных прочтений, выдвинутых даже такими патриархами исторической науки, как Д.С. Лихачев, не приносило достаточно удовлетворительных ответов. В этом плане прорыв был совершен именно молдавскими исследователями, связавшими русинское слова «толока», что означает пастбище, со значительной ролью пастушества в хозяйственном укладе тиверцев – далеких предков современных русинов Молдавии. Вот как этот момент отражен в отзыве кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета о диссертации С.Г. Суляка «Русины Молдавии: основные этапы этнической истории», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук: «Вкладом диссертанта в решение вопросов древнерусского этногенеза является выяснение того, что термин, трактуемый ныне как племенное самоназвание либо внешний этноним – хорваты, на древнеиранском языке означает «пастух», «страж скота», и наименование насельников между Карпатами и Днестром – тиверцев, которые, согласно «Повести временных лет», были «суть толковины», представляет собой характеристику их хозяйственно-культурного типа, поскольку в русинском языке слово «толока» означает пастбище. Знание русинских языковых особенностей позволило диссертанту предложить логичное объяснение слова «толковины»: наряду с пахотным земледелием древнерусское население Пруто-Днестровского региона занималось скотоводством. Тиверцы, которых князь Олег в 907 году взял с собой в поход против греков, были пастухами. Логично также высказанное в этой связи мнение диссертанта о том, что наличие этой языковой параллели подтверждает преемственную этнокультурную связь тиверцев с русинами»³⁸.

Усиливает глубину данной связи между тиверцами и русинами наличие в современном русинском языке второго значения слова «толока» – место сходок, гулянок, посиделок, а самое главное – общее собрание селян, на котором решались самые важные вопросы жизни и быта общины. Есть и еще одно, более узкое значение «толоки», производное от только что сказанного, – совместная работа группы селян по кличу у одного хозяина на один день. Эту сторону семантики «толоки» мы находим и у В. Даля: «Толока и толока, юж. зап. нвг. твр. помочь, сборъ населения къ одному хозяину, по кличу, для дружной работы, на один день; хозяинъ угощаетъ помочанъ и этимъ способомъ за одинъ разъ сымаетъ хлебъ, выкашиваетъ лугъ, молотить и пр. Бываетъ толока и на вывозъ назъма, даже на рубку капусты, и это капустки. Барская толока, сгонъ»³⁹. Общая толока практически до середины XX в. была у русинов Молдавии исконной древней формой самоуправления, наподобие новгородского вече, но со своими особенностями.

Русское вече («вече» – от слова «вещать»⁴⁰) представляет собой уникальное явление и уже почти два века изучается историками, но историография этой проблемы сложна, противоречива и далека от завершения. По давней традиции, идущей от Аристотеля, считалось, что общественное устройство у древних греков, а по их образцу и у остальных народов, эволюционировало от аристократической формы правления к власти олигархов, а от нее – уже к самой демократии. Однако еще Спиноза высказал догадку, что прямое народоправство, или так называемая «чистая» демократия, должно быть признано древнейшим порядком политического устройства. Впоследствии эта догадка была подтверждена большим количеством этнографического материала и распространялась на латино-германский мир и все арийские племена⁴¹.

Свидетельства Прокопия Кесарийского, Маврикия Стратега и других авторитетных писателей раннего средневековья о наличии демократии у славян являются важнейшими историческими документами, подтверждающими гипотезу Спинозы и по отношению к древним племенам славянского мира и указывающими на их непосредственное участие в становлении общеевропейской гражданственности. Русские летописи полны различных сообщений о вечевых собраниях. Как говорят летописцы, в них принимали участие «весь Новгород», «весь Псков», «вси кияне», «все переяславцы», «вся Галицкая земля», «люди ростовские», «люди земли нашей» и т.д. Причем в вече принимали участие не только «лучшие», но и «меньшие» – смерды, ремесленники, торговцы, даже «худые мужики»⁴². Интересно отметить, что представительство не допускалось, так как каждый участвовал только сам за себя⁴³. В вечевом принципе согласия был заложен огромный практический смысл, ибо для его исполнения не требовалось создания никаких государственных институтов и органов насилия. Решение принималось народом и исполнялось народом, свободно и без всякого принуждения.

У предков современных русинов Молдавии решения веча-толоки опирались еще и на авторитет самых опытных и уважаемых членов общины – толковинов (по-русински – «толковэниу»). Они совмещали в себе функции родовых старейшин и вождей, жрецов и врачей, судей и законодателей, наставников и учителей, хранителей племенных традиций и древних преданий и еще ряд других... До недавнего времени русины вместо «учить» говорили «толковать». Например, отдавая ребенка в школу, просили учителей: «Толкуйтэ йим добрэ грамоту, шобэ вонэ сталэ людъмэ». Содержание и смысл русинского «толкуватэ» довольно неплохо отражает и словарь В. Даля: «Толковать, толковывать о чемъ, разсуждать, переговариваться, беседовать, разбирать, дѣло; советоваться, условливаться; // - что, обь(изъ)яснять, давать чему толкъ, смысл, значенье; выводить догадки и заключенья

свои; толмить, толмачить. //Брать въ толкъ, смекать или понимать. Толкованье, толкъ, толковня, толки, действ. по гл. // Толкованье, ис(рас)толкованье, статья, книга, объясняющая что либо.//Толкъ, толчина ж. пск. толковщина, противоложн. безтолковщина, смыслъ, сила, значенье, разумъ, сущность содержанья, безусловно, или по пониманью и объясненью иныхъ; признаваемый въ чемъ разумъ, смыслъ.//Толкъ, какое-либо особое ученье о вере или нравственное, и//самое общество, все последователи. //Толкъ и мн. Толки, молва, слухъ, пересуды, разсужденья о чемъ въ народе, общее настроенье умовъ; превратное пониманье и толкованье. //Толкъ, стар. толмачъ, переводчикъ, драгоманъ. Говорить толкомъ, разумно, разсудительно и понятно)⁴⁴.

У предков русинов, как и, по-видимому, у всех древних славян, понятие «толка» как особой силы, позволяющей проникать в смысл всех явлений, событий и вещей, являющейся началом, двигателем и конечной целью всего мирового творения, было сильно сакрализовано и мистифицировано. Народная молва, ищущая из глубины веков, всегда приписывала толковинам невероятные способности: толковины могли разгадывать будущее и человеческие судьбы, управлять стихиями и останавливать природные катаклизмы, подчинять своей воле людей, зверей и птиц. От их всепроникающего взгляда трепетали не только телесные существа, но и бесплотные духи. Даже всемогущие боги не могли ослушаться их вещего слова! В уже не раз упоминавшемся русинском сказании «Старэна за Палацку Зэмлю и Палацкиу Цариу» есть впечатляющий момент, где автор – сказитель силой тайного слова останавливает разбушевавшуюся огненную мощь Трояна:

Стань наместо, Вэлыки Тройани!
 Застыгай у Даниастри вода!
 Стэхнит витри у дубах розбуйани!
 Та ны чита Суда людиам года!
 Западайтэ за Мэреки Зори!
 Тыхо спэ Маты Трудна Зэмля!
 Закутайтэ туманойу Гори!
 Пэй до росиу молоча Тэля!
 Сэрцэ честы йа з розумом майу,
 Толка Сылу Вэлыки Крытия,
 Слово тайнэ вид Вэчи я знайу,
 Бо толковэна трымайу жытыя!

Собственно, само сказание относится к сокровенным текстам толковинов. О глубоких индоевропейских корнях толковинства у славян свидетельствует наличие в современном английском языке слова «talk», примерно в том же значении, что и у Дая: «разговор, беседа, пустая болтовня, сплетни, переговоры, слухи»⁴⁵ и т.д. (кстати, Л.Н. Рыжков тоже обра-

щает на это внимание⁴⁶). Собранная по толковинам разнообразная информация еще нуждается в публикации и серьезной научной обработке.

Наиболее глубокое и обоснованное понимание уникальности родного языка существует у представителей старшего поколения, у тех, кто еще помнит о своем русинском происхождении⁴⁷. Этнографические исследования среди пожилых русинов выявили удивительные факты в их базисных представлениях о родном языке. Основной идейный стержень этих представлений – это мысль о том, что их язык является сакральным носителем древней мировой мудрости, от которого произошли все остальные языки и наречия, и который лежит в основе написания всех священных текстов и книг. Автор длительное время занимался изучением этого феномена и поиском его истоков⁴⁸.

Результаты исследований показывают, что в основе такой мировоззренческой модели лежат остатки реликтовой памяти древних праиндоевропейцев, чьими прямыми потомками являются славянские народы, в том числе и русины Молдавии⁴⁹. Выводы автора вовсе не новы и даже уже запоздалы. Еще академик Б.А. Рыбаков, преодолевая жесткое сопротивление оппонентов, в довольно осторожной, но уже твердой форме показал, что истоки славянского мира надо искать, как минимум, в древнейшей, но удивительно гармоничной и богатой культуре Триполья⁵⁰. Разрушение советской идеологической системы и снятие табу на исследование глубин славянской истории позволили новому поколению исследователей значительно продвинуться в этом направлении. Вот что говорит по этому поводу известный российский исследователь, автор сенсационного труда «О древностях русского языка» Л.Н. Рыжков: «Ближе из существующих индоевропейских языков к праязыку стоят все славянские языки... особенно много элементов праязыка сохранилось в сербском, чешском, словацком, русинском, польском, болгарском»⁵¹. Ценность языка русинов Молдавии в разработке данной тематики усиливает наличие древнейшей части мифологического свода. В этом своде мы находим расшифровку имен и первичных функций таких загадочных персонажей индоевропейского мифологического пантеона, как великаны Яма и Пуруша, великая праматерь Адити, богиня Вач и некоторые другие⁵².

Уже давно лингвисты отметили некоторые особенности языка славяно-молдавских грамот, обусловленные влиянием разговорной речи местных русинов⁵³. Еще в начале XX в. это обстоятельство отметил русский филолог А.И. Яцимирский⁵⁴. За последние три-четыре года, с начала деятельности общественной организации «Русь», эта тематика, прорвав плотный заслон агрессивной румынизации, была поднята на новую научную высоту такими известными молдавскими исследователями, как С.Г. Суляк, П.М. Шорников, Н.Д. Руссев и др. Одна-

ко, тема влияния славянских языков на румынский и молдавский стала актуализироваться в последнее время и за пределами Молдавии. Исторические истины возвращаются на круги своя.

Вот что говорит представитель Украинского языково-информационного фонда НАН Украины доктор филологии А.И. Илиади: «Особо следует остановиться на румынском. Известный румынский ученый XX века, профессор Бухарестского университета Ал. Росетти считал, что «история славянского языка на территории Румынии – одна из существенных глав истории румынского языка». С его точки зрения, валахи и молдаване сформировались на основе различных этнических элементов, среди которых славянскому принадлежит одно из первых мест. Современные Валахия и Молдавия были территорией, изначально заселенной славянами, которые через стадию двуязычия постепенно перешли на романский (румынский) язык, привнеся в него многочисленные особенности своего родного языка. Ойконимия Румынии в значительной степени основывается на субстратной славянской топонимии, фонетически приспособленной к особенностям языка усвоившего ее романского населения... Славянский субстрат румынского языка представляет собой солидное количество славянских терминов пчеловодства, землеобработки, наименований злаков, потому что сами валахи, пастухи и охотники не имели собственных языковых средств для обозначения круга соответствующих понятий в силу специфики своего жизненного уклада. Славянские названия для частей пахотных орудий и отдельных элементов сельского труда, то есть «второстепенная терминология» (*padina* "нижняя часть копны", *grindei* "дышло плуга", *grinda* "балка", *pla (plaz)* "полоз у плуга", *razor* "крайняя межа" и другие) при романских (латинских) наименованиях целого орудия или названия производственного процесса (*a aralarare*), *a samana (seminare)*, *par (parus)*, *perene (peru)* и т.п., указывают на чрезвычайно глубокие корни славянства к северу от Дуная: наименование деталей всегда консервативнее и отражает больше старины, поскольку заимствовать у коренного населения важнейшую культурную терминологию для наименования главных орудий аграрной сферы всегда проще»⁵⁵.

А вот что пишет уже упоминавшийся выше Л.Н. Рыжков: «Молдавия. Основную ноту в национал-сепаратистской пропаганде «латинизации» и «пути в Европу» составляла идея языковой общности молдавского языка с «древнеевропейской лексикой» – латынью, основой культурного и экономического уровня «просвещенной Европы», общность «латинских» культурных слоев романской (румынской), испано-итальянской, французской, древнелатинской (римской) и молдавской (дакской). Пропаганда языковой нетерпимости к «варварским»: русскому и украинскому языкам «имперских угнетателей», сеяла нацио-

нальную рознь, вплоть до физического насилия и зверского фанатического убийства носителей «чуждой» культуры, навязанной якобы «насильно» великому молдавскому народу, ведущему свою культурную стезю непосредственно от Древнего Рима. Говорят, в Кишиневе даже Римскую волчицу вместо Ленина поставили. При этом национал-провокаторы сознательно замалчивали исторические факты, известные широкому кругу ученых: что до 1860 года письменность во всем этом румыно-молдавско-славянском районе была кириллической, пришедшей сюда еще с православием, причем румынская кириллическая азбука – одна из старинных. Что на самом деле насильственной была румынизация (латинизация) в те годы, и что за разговоры на русском языке местного славянского населения, еще гнездящегося в Подунавье и дальше Дуная, официально полагалась смертельная казнь. Что вследствие этих обстоятельств процесс кириллического выражения молдавского языка нужно рассматривать как естественное восстановление древнего культурного слоя, а отнюдь не как «насильственную имперскую русификацию», тем более что... оба алфавита появились почти вместе из праарийских слоговых письмен одинаковыми путями. А по звуковому соответствию кириллица даже лучше: попробуйте латынью выразить многочисленные молдавские шипящие, которых нет в латыни (Дурлешты, Мындрешты, Чимишлия, Бужары, Ульм, Сынжерея и другие). Куда, например, девать типично славянские «ы», «э», «я», которых нет в латыни?...»⁵⁶.

Несомненно, русинский этнос внес значительный вклад в становление и развитие молдавской государственности. Однако быт, культура и язык русинов Молдавии на данный момент лишены какой-либо поддержки со стороны этого самого государства. Тем более, что право на сохранение своей самобытной этничности закреплено в многочисленных международных актах и законодательстве Республики Молдова. Все, что еще осталось, охраняется пока усилиями небольшой группы энтузиастов, ядро которых составляет руководство Общественной ассоциации «Русь». Но хочется верить, что это только начало большого пути к истинному возрождению русинского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. например: *Полевой Л.Л.* «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев, 1990. С. 21.
2. Там же. С. 10-11.
3. *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979. С. 128-132.
4. Запись беседы в селе Нагоряны от 03.09.2005 г.

5. Запись беседы в городе Рышканы от 02.09.2005 г.
6. Запись беседы в городе Рышканы от 30.08.2005 г.
7. Dictionarul Explicativ al Limbii Romane. Educatia a II-a. Bucuresti, 1998. P. 647.
8. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI-начало XII века / Сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М., 1978. С. 90-91.
9. Русинский былинный комплекс о Святогоре записывался мной с конца 70-х г. среди жителей Рышканского района МССР.
10. *Иванов Ю.* Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 151.
11. *Рыбаков Б.А.* Петр Борисович: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 9.
12. Там же. С. 47.
13. Там же. С. 58.
14. *Стеллецкий В.И.* Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1965. С. 127.
15. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Кн.2 / Сост., предисл., введения к документам, коммент. А.Т. Кузьмина. М., 1986. С. 21.
16. Памятники литературы Древней Руси: XII век / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1980. С. 168-169.
17. Откуда есть пошла Русская земля. С. 600-601.
18. Знаки препинания и разделения в приводимых текстах - современные. Заглавные буквы в именах и сакральных понятиях проставлены автором рукописи.
19. *Лихачев Д.С.* Слово о полку Игореве» - героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 77-80.
20. Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974. С. 124-126.
21. Текст апокрифа «Ходы Апостола Андрэя у Молоди Земли» был записан мной в 1981 г. с рукописи жителя с. Нагоряны Рышканского района Ротаря В.Я. (1895-1983).
22. См.: Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2007. № 2 (8). С. 121-137.
23. Древняя культура Молдавии. С. 124-126.
24. *Иванов Ю.* Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и предания русинов севера Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 152.
25. *Иванов Ю.* Родной язык и этническое сознание русинов Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 2 (4). С. 157-167.
26. *Степанов В.П.* Диалог культур против политических монологов. Распространение общеевропейской идентичности среди восточных славян Пруто-Днестровского междуречья // Мысль. [Кишинев]. 2002. № 2 (16). С. 50.
27. Примерно те же данные по этому вопросу получил С.Г. Суляк в результате опросов, проведенных им в селах Булгак, Шумна, Чепария. См.: *Суляк С.* Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 144-145.

28. Об этом говорит и С. Суляк. Там же. С. 142.
29. Это же подтверждает и С. Суляк. Там же.
30. *Берг Л. С.* Бессарабия. Страна - Люди - Хозяйство. Кишинев, 1993 С. 96-97.
31. *Нестеровский П. А.* Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905. С. 96-99.
32. См.: *Иванов Ю.* Родной язык и этническое сознание русинов Молдавии; *Суляк С.* Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии. С. 145
33. *Иванов Ю.* Родной язык и этническое сознание русинов Молдавии. С. 160-161.
34. *Суляк С. Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 108-109.
35. Там же. С. 109.
36. Там же. С. 109.
37. *Меркулов В.* Тенденциозное освещение истории Руси в современной украинистике // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2005. № 2 (2). С. 130-135.
38. *Шорников П.* Счастье, когда нас понимают. Защищена первая диссертация по истории русинов. Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев], 2007 № 1 (7). С. 149-150.
39. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV. М., 1955. С. 413.
40. *Кузьмичев И. К.* Лада, или Повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть (эстетика Киевской Руси). М., 1990. С. 46.
41. Там же. С. 45.
42. Там же. С. 47.
43. Там же. С. 47.
44. *Даль В.* Указ. соч. С. 411-412.
45. *Аракин В. Д., Выгодская З. С., Ильина Н. Н.* Англо-русский словарь. М., 1992. С. 520.
46. *Рыжков Л. Н.* О древностях русского языка. М., 2002. С. 112-113.
47. См.: *Иванов Ю.* Родной язык и этническое сознание русинов Молдавии // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2005. № 2 (4). С. 161-162.
48. См.: *Иванов Ю.* Некоторые мифологические и религиозные представления русинов Молдавии о родном языке // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2007. № 2 (8). С. 121-137.
49. Там же. С. 129-135.
50. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1994. С. 217.
51. *Рыжков Л. Н.* Указ. соч. С. 57.
52. *Кузьмичев И. К.* Указ. соч. С. 135.
53. *Шорников П. М.* Славяно-молдавский этнокультурный синтез. XIV-XVII вв. // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2006. № 4 (6). С. 108-109.
54. Там же. С. 108.
55. *Илиади А. И.* Основы славянской этимологии. К., 2005. С. 193-194.
56. *Рыжков Л. Н.* Указ. соч. С. 8-9.

Владимир АНИКИН

ПОЛИЭТНИЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРА БЕССАРАБИИ: ГРАНИ ТОЛЕРАНТНОСТИ (конец XIX – начало XX в.)

Рассматривая взаимоотношения различных этносов, проживавших в северной части Бессарабской губернии, через призму толерантности, автор ставил своей целью расширить традиционные рамки трактовки понятия «толерантность», особое внимание обращая на практическое взаимодействие представителей многочисленных этносов в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Полиэтнический состав населения севера Бессарабии, как и всего края в период конца XIX – начала XX в. – факт бесспорный. Нелишним будет привести документальное подтверждение этому. Итак, что же представляло собой население тогдашнего Хотинского уезда, занимавшего большую часть севера Бессарабской губернии и непосредственно примыкающего к Карпато-Днестровскому региону? Из более чем трехсот семи тысяч человек населения уезда большинство (75%) составляли русины (по-местному «руснаки»), затем молдаване, малороссы (выходцы с Украины), евреи, великороссияне (русские)¹.

Следует подчеркнуть, что Хотинский уезд в обозреваемое нами время занимал первое место в крае как по абсолютной численности населения, так и по его плотности (87,8 человека на одну квадратную версту). К тому же заметим, что к концу XIX – началу XX в. миграционные процессы в целом потеряли свою актуальность, и состав населения, в частности, в северной части губернии, стабилизировался, и его колебания определялись за счет естественного прироста и убыли.

Для определения интенсивности межэтнических контактов полезно обратиться к составу населения населенных пунктов Хотинского уезда. Однако надо заметить, что по национальному составу сельское население было более однородным. Так, в местностях, примыкающих к припрутской зоне уезда, преобладало молдавское население, а в селениях прикарпатской зоны – русины. Гораздо более пестрым был состав населения в уездном центре и в местечках. Например, в городе Хотине наряду с русинами и малороссами проживали молдаване, поляки, армяне, чехи, греки, татары, турки, цыгане и представители других народностей. Значительное число (51%) всех жителей составляли здесь евреи. Кстати, еврейские общины преобладали в местеч-

ках Бричаны, Единцы, Липканы, Новоселицы и Секуряны. Немало евреев проживало в селениях Болбока, Волошково, Клишковцы, Непоротово и др.² В местечке Липканы помимо евреев и молдаван (500 человек) проживали армяне и 60 семейств цыган. В местечке Атаки преобладали еврейская и молдавская общины и т.д.

Вряд ли большинство из бессарабских «северян» могло бы объяснить такое понятие, как толерантность, трактуемое сегодняшними современниками как «выдержка, умение проявлять терпимость к чужим мнениям, убеждениям, привычкам и обычаям, отличающимся от собственных»³. По большому счету вся жизнь наших предков «подвигала» их к терпимости независимо от их этнической, религиозной и профессиональной принадлежности.

Одной из основных, жизненно необходимых граней толерантности являлось усвоение «государственного» (русского) языка, который изучался в начальных школах, а также в уездном училище. На протяжении многих лет русский язык и словесность оставался одним из главных предметов в стенах хотинских четырехклассных мужской и женской гимназий. Причем среди учащихся были представители практически всех этнических групп, проживавших на территории уезда. Несомненно, облегчению обучения местного населения русскому языку помогли книги, изданные протоиереем Михаилом Чакиром и Павлом Чудецким⁴.

Кроме того, усвоению русского и других языков способствовало постоянное и тесное общение населения в повседневной жизни. На этот счет уместно привести выдержку из труда известного русского и украинского писателя, публициста и этнографа Александра Степановича Афанасьева-Чужбинского «Очерки Днестра», исследовавшего во второй половине XIX в. частично север Бессарабии. «Проезжая через местечко Атаки и проживая в нем, - пишет путешественник, - я заметил одно, что тамошние молдаване, от непрерывных сношений с руснаками и евреями, отличаются немного от своих соплеменников, живущих в глухих деревнях, и более или менее говорят по-русски...»⁵. Конечно, трудно сказать, насколько владели языком коренного населения носители русского языка – военные, чиновники и те же старообрядцы-раскольники, осевшие здесь. Так или иначе, но повседневный «билингвизм» существовал и развивался. Взаимопроникновение разных языковых культур продолжалось. Наибольших успехов в овладении языками добивались торговцы, перекупщики, шинкари, как правило, евреи, армяне, греки. О себе же А. Афанасьев-Чужбинский писал, что при встрече «лицом к лицу с молдавским населением» он «не в первый раз испытал неудобство незнания языка»⁶.

Вряд ли можно кого-то удивить сегодня фактом, что представитель определенного этноса считает своим родным языком язык другого народа. И в рассматриваемом нами периоде такие факты имели место. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты Первой всеобщей переписи населения 1897 г. При сопоставлении результатов переписи по Хотинскому уезду «по вероисповеданию» и «по родному языку» видно, что из зафиксированных нескольких десятков представителей, например, армянской национальности григорианского и римско-католического вероисповедания, далеко не все назвали армянский язык родным. То же касается отдельных представителей белорусской, чешской, сербской, татарской, финской и других народностей⁷. Возможно, решающую роль здесь сыграло длительное проживание нескольких поколений на территории Бессарабии. Не трудно предположить, что родным языком значительная часть представителей разных национальностей назвала русский язык, который на территории огромной империи выполнял функцию языка межнационального общения.

Еще более интересные представления о владении русской грамотой, языком и другими языками можно извлечь из данных переписи по Хотинскому уезду о распределении населения по родному языку, грамотности и возрастным группам. Так, на первой позиции в абсолютных цифрах в возрастной группе от 20 до 39 лет, как по «грамотности по-русски» и знанию других языков, находятся представители еврейского населения, на второй позиции – молдавского и на третьей – польского обществ⁸. Такая же картина характеризует и старшие возрастные группы.

Хотинский уезд «старой» Бессарабии, как, впрочем, и другие уезды края, отличался большим многообразием вероисповеданий. И в этом состояла еще одна немаловажная грань толерантности, а именно – религиозной толерантности. В литературе обозреваемого периода практически не найти упоминаний о бытовавшей в то время конфессиональной вражде. Названная выше перепись 1897 г. свидетельствует, что в тогдашнем Хотинском уезде насчитывалось более 250 тыс. жителей православного, почти 48 тыс. иудейского, свыше 3,2 тыс. римско-католического, более 2,2 тыс. старообрядческого, шесть десятков армяно-григорианского и армяно-католического и столько же магометанского вероисповедания⁹. В городе Хотине действовали три православных церкви, одна католическая часовня, армяно-григорианская церковь, синагога и шестнадцать еврейских молитвенных домов. Две православные церкви и синагога функционировали в местечке Липканы, церковь, синагога и три еврейских молитвенных дома – в местечке Атаки. Подобные религиозные святыни существовали во многих других многонациональных населенных пунктах уезда.

Сближению местного полиэтничного населения способствовали проведение религиозных и иных праздников, свадеб при смешанных браках, усвоение навыков ведения домашнего хозяйства соседей, деловые контакты и многие другие формы общения. Официально не воспрещался переход верующих из одной религии в другую. Особенно важным для православной церкви был переход иноверца в ее лоно. Существует немало фактов крещения в православную веру местных купцов, фабрикантов и заводчиков¹⁰.

Разумеется, эффективным средством сближения представителей разных этносов являлась их совместная учеба в начальных и церковно-приходских школах, духовном (в частности, Единецком) училище, в Хотинских четырехклассных мужской и женской прогимназиях. Известно, что только в 1900-1901 г. в трех двухклассных народных училищах (в т. ч. в одном в г. Хотине), 56 одноклассных и ремесленной школах Хотинского уезда обучалось 3485 учащихся, из которых 2088 русских и малороссов (русинов), 1177 молдаван и 220 евреев¹¹.

Усвоению уроков толерантности, без сомнения, способствовали благотворительные акции (лотереи, концерты, «доброхотные» пожертвования имущих людей и т. д.). В конце 60-х г. XIX в. в местечке Единцы не без помощи крупной помещицы Софьи Козициной открылась начальная школа с отделением для девочек (в то время большая редкость). Многие годы помещица выделяла средства на содержание учителей, священника и школьной библиотеки. Она же позднее субсидировала возведение нового здания школы. Супруг помещицы Петр Козицин оказывал продолжительное время материальную помощь другим школам в местечке. Место для строительства церковно-приходской школы и большую сумму на ее возведение выделил близкий родственник Софьи Козициной Р. Козицин¹².

Пожалуй, известнейшим меценатом и благотворителем конца XIX – начала XX в. являлся крупный помещик Хотинского уезда Константин Федорович Казимир, потомок знатного польского рода. Активный общественник, прекрасный хозяйственник, помещик-филантроп, он на собственные средства основал в родовом имении Васкоуцы больницу, школу, детский сад, больницу и школу садоводства в поместье Чернолеука, сельскохозяйственную школу в Гринауцах, библиотеку в Единцах. Для приобщения к образованию способных детей из небогатых семей и сирот для К. Ф. Казимира, как говорится, не было «ни эллина, ни иудея». Он тратил огромные средства (до ста тысяч рублей ежегодно) на погашение платы за обучение своих стипендиатов, обучавшихся в различных учебных заведениях края, империи и за границей. После его скоропостижной смерти (1910 г.) высокое дело мецената и

филантропа достойно продолжали его брат и сестра – Владимир и Екатерина Казимир¹³.

Таким образом, можно заключить, что взаимоотношения различных этносов, проживавших в припрутско-карпатском регионе, складывались весьма позитивно, и их взаимодействие затрагивало практически все сферы человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 74. СПб. С. 589.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 6. СПб., 1891. С. 607; Т. 34. СПб., 1896. С. 722; Т. 74. СПб., 1903. С. 588-590; Еврейская энциклопедия. Т. 1. СПб. С. 17; Т. 7. С. 492; Т. 15. С. 662 и др.
3. См.: Политическая энциклопедия, в 2 тт. Т. 2. М., 2000. С. 504.
4. См.: Чакир М. Русско-молдавский словарь. Русеск ши молдовенеск кувентельник. Кишинев, Епархиальная типография, 1907; Он же. Помощник молдаван по первоначальному изучению русского языка. Ч. 2-3. Кишинев, 1914; Чудецкий П. Родной язык. Обучение механическому чтению и письму. Вып. 1. Кишинев, Типография архиерейского дома, 1880 и др.
5. Афанасьев-Чужбинский А. С. Днестр и Приднестровье. Очерки Днестра. СПб., 1863.
6. Там же.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ч. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 68, 69, 70-73.
8. Там же. С. 94-98, 114-115.
9. Там же. С. 68, 69.
10. Национальный архив РМ. Ф. 6. Оп. 10. Д. 321 и др.
11. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 74. СПб., 1903. С. 590.
12. Localitatile Republicii Moldova. Vol. Chisinau, 2006. P. 164, 165.
13. Подробнее см.: Аникин Владимир. Казимиры // Новое время. 19 января 2001 г.

Алексей РОМАНЧУК
Сергей КРОИТОР

СВЯТЫЕ ПОКРОВИТЕЛИ ЦЕРКВЕЙ БЕССАРАБИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРЕПИСИ 1820 ГОДА)

Реконструкция менталитета людей прошлого – одна из самых сложных и самых интересных исследовательских задач. Интересных еще и потому, что зачастую здесь можно обнаружить то, о чем не подозревали (и очень бы удивились, если б им кто сказал) сами носители реконструируемого менталитета. Историк здесь выступает в роли своего рода психоаналитика, Фрейда, для целых обществ и эпох прошлого.

Решая эту трудную задачу, исследователь использует самые неожиданные, подчас невзрачные вещи, из которых достает, как фокусник из шляпы, нечто удивительное и необычное. Разумеется, не следует забывать, что хороший исследователь отличается (или должен отличаться) даже от самого лучшего фокусника тем, что если из шляпы вылез живой заяц, то исследователь его туда не подкладывал.

Одну из интереснейших возможностей пролить чуть больше света на менталитет обитателей разных стран средневековой христианской Европы представляет то, что каждая из христианских стран выбирала себе определенного святого в качестве излюбленного святого, в качестве патрона страны. В самом деле, как известно, святой Патрик – покровитель Ирландии, святой Андрей – покровитель Шотландии, святой Иоанн – покровитель Франции, а святой Яков – покровитель Испании.

А был ли у Молдовы свой излюбленный святой, ее покровитель? И если да, то почему именно он?

Не пытаясь дать ответы на эти вопросы применительно к Молдове в целом (имея в виду средневековое Молдавское государство в соответствующих границах), заметим, что у нас есть благоприятная возможность ответа, по крайней мере, для большей части территории между Прутом и Днестром, т.е. для большей части территории современной Республики Молдова. Такую возможность представляют данные переписи, проведенной в начале XIX в. в Орхейском цинуте после присоединения Бессарабии к России. Данные по селам тогдашнего Орхейского цинута были опубликованы в тридцатые годы прошлого века Константином Томеску двумя частями (Tomescu 1930, 1932).

Одним из важных достоинств переписи является то, что в ней сообщаются данные о наличии церкви в селе (далеко не во всех селах она была), и какому святому она была посвящена. То есть на какой религиозный праздник приходится «храм» в данном селе.

На основе переписи нами была создана база данных церковей Орхейского цинута и святых покровителей этих церковей. В этой работе мы хотели бы пока дать только предварительный анализ этой базы данных и полученных нами результатов и высказать некоторые наметки по их интерпретации.

Итак, оказалось, что число церковей Орхейского цинута составляло на момент переписи 183. Число святых покровителей церковей, без учета того, что один и тот же покровитель в ряде случаев выступает под несколькими вариантами имени, 23. Как видим, намного меньше.

Проделав статистический анализ информации переписи, мы установили частоту использования того или иного святого в качестве покровителя церкви. Оказалось, что основная масса святых упоминается всего лишь по разу (диаграмма 1). На этом фоне резко выделяется группа из пяти имен святых, которые резко опережают всех остальных. Это *sf. Voivozi* (52 случая), *sf. Mai marilor Voivozi* (24 случая), *sf. Adormire* (18 случаев), *sf. Neculai* (17 случаев), *sf. Ierarh Nicolae* (17 случаев) (диаграммы 1, 2).

На самом деле группа лидеров может быть еще сужена, а их удельная доля в выборке еще увеличена, поскольку в выборке явно один и тот же святой (или религиозный праздник) выступает под разными именами. С учетом этого следует объединить прежде всего *sf. Voivozi*, *sf. Mai marilor Voivozi*, *sf. Arh. Voivozi Mihail si Gavriil*, *sf. Voivozi Mihail si Gavriil*. Это, очевидно, святые Михаил и Гавриил, день которых отмечается 21 ноября по новому стилю. Удельный вес св. Михаила и Гавриила с учетом всех вариантов имени составляет 87 единиц (диаграмма 3). То есть почти 50% выборки.

Далее, на втором месте оказывается св. Николай – формы *sf. Neculai* и *sf. Ierarh Nicolae* явно представляют именно этого святого. Правда, в данном случае, как мы постараемся показать, опираясь на разработки Б. А. Успенского (1982), различие имен тоже неслучайно, различие между этими «одинаковыми» святыми все же есть и может служить ценным источником информации.

Удельный вес св. Николая в выборке составляет 34 единицы (диаграмма 4). То есть около 15%.

На третьем месте оказывается религиозный праздник Успения Богородицы. Его удельный вес составляет 25 единиц (диаграмма 4), соответственно, 14% выборки.

Это частное распределение наиболее предпочитаемых святых по

данным для Орхейского цинута может быть на самом деле экстраполировано и на всю территорию Республики Молдова. Это подтверждает предварительный анализ свода церквей Бессарабии по состоянию на конец 90-х гг. прошлого века (*Locasuri sfinte din Basarabia 2001: 129-224*).

Таким образом, 80% выборки составляют всего три покровителя церквей Орхейского цинута. И, как мы постараемся показать ниже, внутренняя связь этих трех покровителей гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. Примечательно и то, что именно эти три покровителя выступают в нескольких вариантах имени, что нехарактерно для остальных покровителей.

Итак, Михаил и Гавриил обнаруживают безусловное лидерство. И это позволяет говорить о том, что именно Михаил и Гавриил были покровителями если не всей Молдовы, то Орхейского цинута – точно. Почему же именно Михаил и Гавриил?

Как кажется, информативно здесь прежде всего то, что во всех вариантах названия имеется элемент «Voivozi» То есть, именно в этом качестве они и воспринимались прежде всего населением Молдовы – как святые воины, воеводы и защитники воинов. Учитывая, что почти вся история Молдовы – это история войн, а Бессарабия занимала пограничное положение, это как будто вполне понятно.

Это вполне коррелирует и с семантикой образа Михаила в христианстве. Михаил – архистратиг, генерал небесного воинства.

Однако, как известно, небесных воинов среди христианских святых достаточно много. И, например, многие народы христианской Европы видели в этом качестве прежде всего св. Георгия. Почему из многих небесных воинов был выбран именно Михаил?

Определенный свет на этот вопрос проливают исследования Б.А. Успенского, посвященные культу св. Николая и его языческим соответствиям – прежде всего, Велесу.

И здесь в первую очередь заслуживает внимания факт, что для восточных и западных славян в определенный момент была характерна определенная контаминация и совпадение функций св. Михаила и св. Николая (Успенский 1982: 18-24). Она отразилась как в иконографии, так и в появлении таких форм имени, как Микула, Микулай и т. д. (а также обратные варианты – Некулай и т. д.).

Эта контаминация сложилась еще у западных славян, а от них проникла и к восточным славянам. По мнению Б. А. Успенского, это произошло еще в период до начала деятельности миссии Кирилла и Мефодия. И означает эта контаминация, что в начальный период принятия христианства славянами (прежде всего, западными) особое почи-

тание у них приобрел именно св. Михаил, а позже многие признаки и функции, связанные с ним, были перенесены на св. Николая.

Установленная связь св. Михаила и св. Николая в славянском мире позволяет нам по-иному взглянуть и на результаты статистического анализа распределения частоты использования того или иного святого в качестве покровителя церкви в Пруто-Днестровском междуречье. Получается, что мы должны рассматривать выбор в качестве патрона св. Михаила или св. Николая как выбор одного и того же функционального комплекса, одного и того же Смысла - просто под разными именами. Ниже мы это разберем подробнее.

Пока же заметим, что высокая роль св. Михаила на ранней стадии распространения христианства у славян, по мнению Б. А. Успенского, вероятно, связана с деятельностью кельтской миссии у славян – христианство первоначально проникало к славянам именно через ирландских миссионеров (Успенский 1982: 20). Подробнее роль ирландских миссионеров в становлении христианства на Руси была проанализирована А.Г. Кузьминым (1988). В самой Ирландии в это время культ св. Михаила не уступает по популярности культу Богородицы, а иногда даже опережает его (Успенский 1982: 23). Более того, в раннем средневековье именно св. Михаил мог даже отождествляться с Христом и именоваться Сыном Божиим (Успенский 1982: 24). И, что еще интересно, с особой силой эта тенденция к отождествлению св. Михаила с Христом проявилась в богомильстве (Успенский 1982: 24) – еретическом течении в христианстве, которое возникло в Болгарии и распространялось на соседних территориях. И, видимо, значительное влияние богомильство оказало и на территории Карпато-Днестровского региона.

Поэтому можно предполагать, что особое внимание и уважение к культу Михаила в Пруто-Днестровском междуречье объясняется именно богомильским влиянием или же со стороны западнославянского мира. Заслуживает здесь внимания, на наш взгляд, и то, что именно в католичестве день св. Михаила (который католики, кстати, отмечают 29 сентября) являлся (и является до сих пор, хотя начиная с XVIII в. значение этого святого начало падать) одним из очень важных праздников (<http://www.calend.ru/holidays/0/0/1260/>). В православии же день св. Михаила (21 ноября) официально именуется «Собор Архистратига Михаила и прочих сил небесных бесплотных» - то есть здесь св. Михаил всего лишь один, пусть и главный, из небесных ангелов. И праздник этот не относится к числу центральных праздников православия (<http://www.calend.ru/holidays/0/0/1645/>).

Однако, и это очень важно, в Пруто-Днестровском междуречье мы имеем культ не только святого Михаила, но - Михаила и Гавриила.

Это, во-первых, отличается как раз от католической традиции. К тому же в современном католичестве св. Михаил выступает не как небесный воин – ему молятся прежде всего о здоровье (<http://www.calend.ru/holidays/0/0/1260/>). Во-вторых, если говорить о восточнославянском ареале, то, судя по этнографическим данным относительно украинцев, для них тоже 21 ноября является днем именно св. Михаила – о Гаврииле речи не идет (http://duda.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=246&Itemid=56). При этом «очень многие украинские церкви посвящены святому Михаилу». И именно святой Михаил был и является патроном Киева – изображается с мечом.

Это соответствует и этнографическим данным для некоторых украинских сел современной Молдовы – например, Булаешт (данные, полученные в ходе антропологических исследований центра «Fun Anthropology», www.moldo.org), где о том, что 21 ноября еще и день св. Гавриила, даже не подозревают. Тогда как в соседних молдавских селах до сих пор говорят именно о дне двух святых – св. Михаила и св. Гавриила.

То есть в Пруто-Днестровском междуречье мы имеем дело с какой-то отличной от всех упомянутых выше традицией. Где же ее истоки, и какой смысл вкладывался жителями Пруто-Днестровского междуречья в почитание св. Гавриила вместе и наравне со св. Михаилом?

Здесь следует отметить, прежде всего, что св. Гавриил, видимо, большее значение имеет в мусульманстве. Поскольку, например, считается, что именно Гавриил (Джабраил) дал Мухаммеду Коран.

Однако в еще большей степени интерес здесь представляют данные о некоторых вариантах изображения такого типа икон, как «Деисус». «Деисус» – иконы, на которых в наиболее типичном варианте Христу предостоят Иоанн Предтеча и Богородица, обращаясь с просьбой о роде человеческом. Однако в восточнославянском мире есть варианты «Деисуса», где вместо Иоанна Предтечи и Богородицы изображаются как раз Михаил и Гавриил (Успенский 1982: 23). При этом Б. А. Успенский приходит к выводу, что «изображение Гавриила в «Деисусе» содержательно и иконографически соответствует Богоматери в традиционном «Деисусе»» (Успенский 1982: 24).

Это чрезвычайно важно в свете того, что именно применительно к Гавриилу теологи полагают, что это единственный ангел – женщина (<http://www.a-u-m.ru/religion/31.html>).

То есть с учетом этого оказывается, что Михаил и Гавриил – это божественная пара, «мужское божество» и «женское божество».

Тогда, если выше мы пришли к выводу, что св. Михаил и св. Николай как покровители церковей Орхейского цинута – это различные име-

на для обозначения одного и того же Смысла, то теперь мы должны сюда присоединить и св. Гавриила, и культ Богородицы. Оказывается, что лидирующая тройка святых покровителей церквей Орхейского цинута – это всего лишь два различных варианта имеывражения одного и того же символического комплекса, одного Смысла. Первый вариант – это единая божественная пара - св. Михаил и Гавриил. Второй же – св. Николай и Богородица, то есть тоже пара, но уже разделенная.

Кстати, в восточнославянском мире встречаются и варианты изображения «Деисуса», где в роли предстоятелей, заступников перед Богом за человеческий род изображаются как раз св. Николай и Богородица - вместе (Успенский 1982: 23).

Разумеется, оба варианта имеывражения Смысла не равнозначны, и за ними скрывается и какая-то семантическая разница. На наш взгляд, причиной этой семантической разницы служит прежде всего диахронический сдвиг. То есть изначальная и доминирующая форма имеывражения – св. Михаил и Гавриил. Позже же, видимо, в русле тех процессов, которые происходили и в восточнославянском мире, и вообще в Европе, на первый план выходят св. Николай и Богородица. Но когда именно могла начаться эта «смена лидеров», предстоит еще выяснить.

Также крайне интересен вопрос, почему из ряда христианских праздников, связанных с Богородицей, жителями Пруто-Днестровского междуречья было избрано именно Успение Богородицы. Однако поиск ответа на эти вопросы выходит за рамки задач этой работы.

ЛИТЕРАТУРА

Архангелы. Михаил, Гавриил, Рафаил // <http://www.a-u-m.ru/religion/31.html>
21 листопада – день архістратега Михайла // http://duda.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=246&Itemid=56

Католические праздники // <http://www.calend.ru/holidays/0/0/1260/>

Кузьмин А.Г. 1988. Падение Перуна: становление христианства на Руси. М.

Православные праздники. \\ <http://www.calend.ru/holidays/0/0/1645>.

Успенский Б. А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.

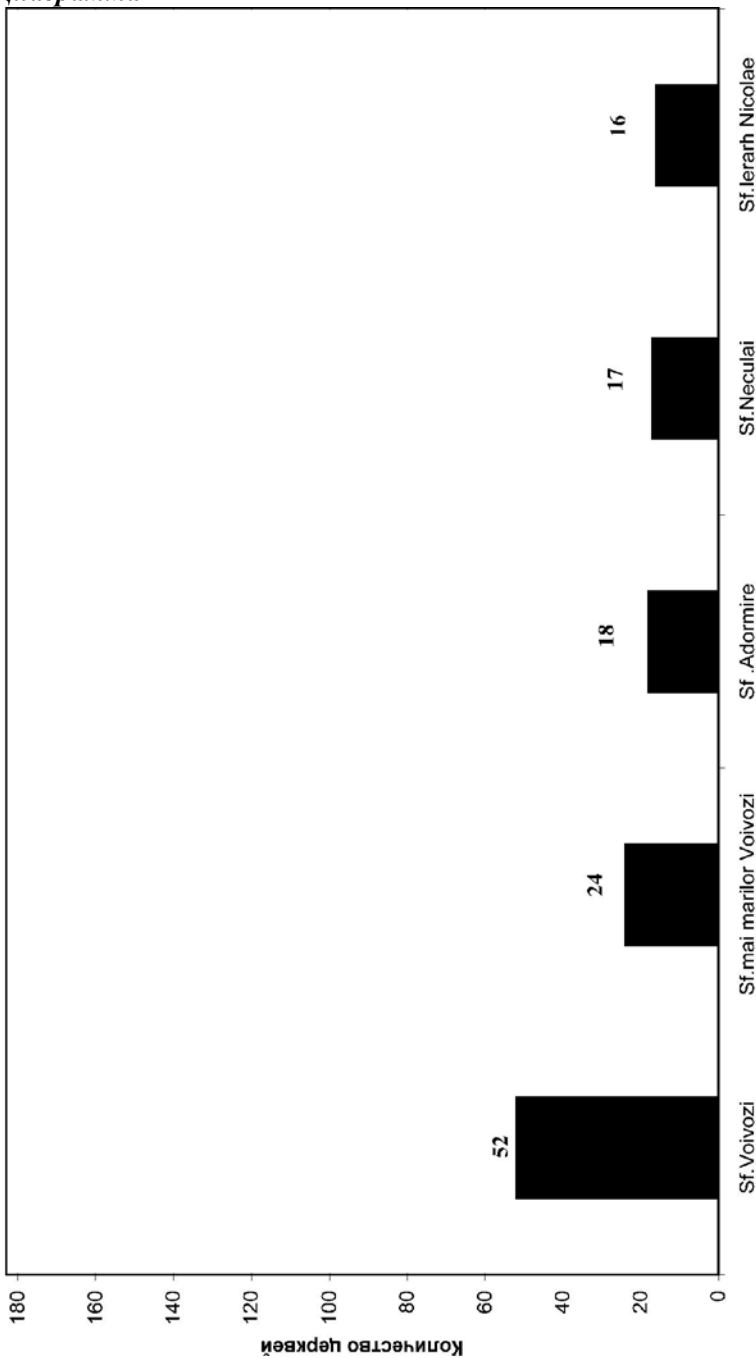
Locasuri sfinte din Basarabia. 2001 Chisinau

Tomescu C. 1930. Catagrafia Basarabiei la 1820. 132 sate din tinutul Orheiului. Chisinau.

Tomescu C. 1932. Catagrafia Basarabiei la 1820. 127 sate din tinutul Orheiului. Chisinau.

Диаграмма 2

Пять самых частых святых-покровителей церквей Бессарабии

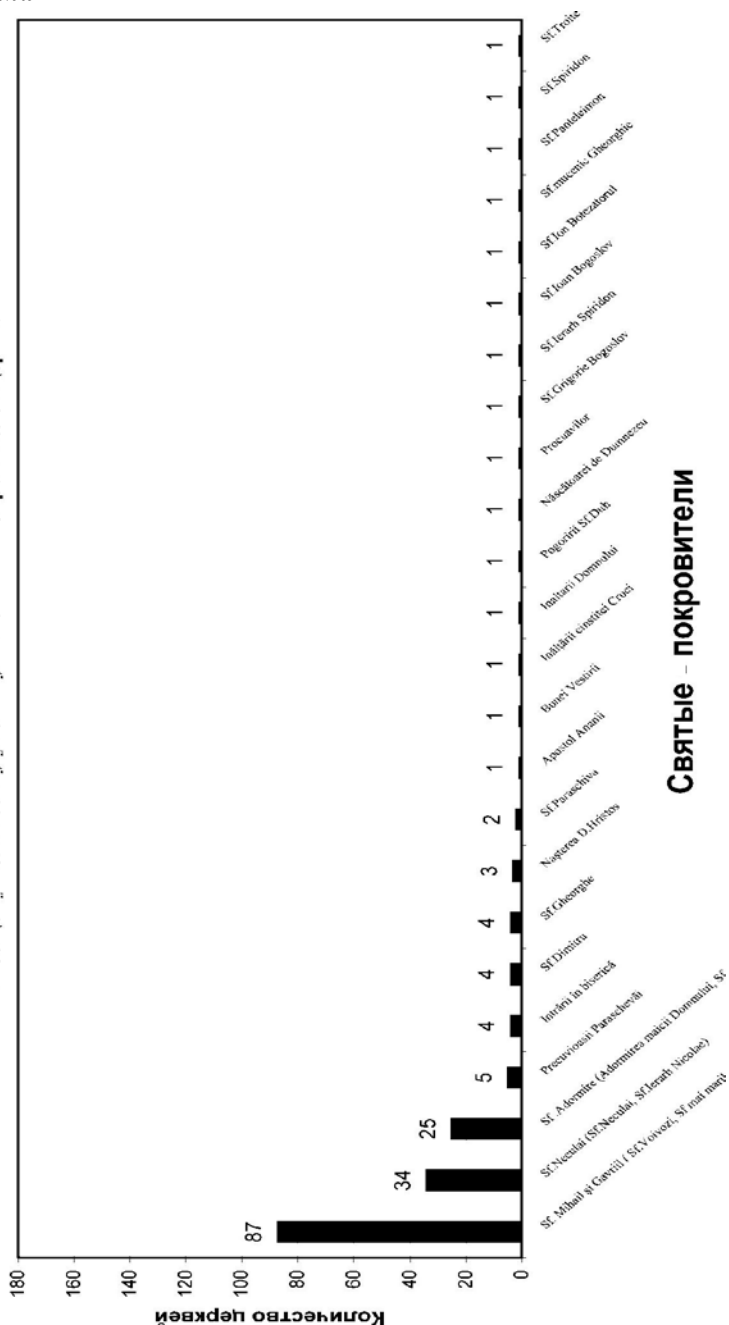
Святой · покровитель

Диаграмма 4

Отношение совокупной численности

Sf. Mihail și Gavriil (Sf.Voivozi, Sf.mai marilor Voivozi, Sf.Arh.Voivozi Mihail si Gavriil), Sf.Nicolai (Sf.Neulai, Sf.Teranh Nicolae) и Sf.-Adormire (Adormirea maicii Domnului, Sf.Adormirea a Maicii Domnului, Adormirii Maicii)

к общему количеству упомянутых святых покровителей церквей

Ольга ГАРУСОВА

БУХАРЕСТСКАЯ ГАЗЕТА «НАША РЕЧЬ» И КУЛЬТУРА БЕССАРАБИИ В 1920-30-е гг.

Одна из самых читаемых в Бессарабии ежедневная газета «Наша речь» учреждена была в 1923 г. проживавшими в Бухаресте российскими эмигрантами. Основал газету Анри Хельфант. Директором во второй половине 20-х гг. XX в. был главный директор бухарестского банка Генерального кредита Всеволод Демченко, бывший городской голова г.Киева. Должность главного редактора поочередно занимали одесский репортер Ной Бенони (Букштейн), бывший директор Петербургского телеграфного агентства Юрий Александровский, Дмитрий Ростовский, корреспондент английской газеты «*Dayli Mayli*», одесский журналист С. Газиев¹.

Наибольшее число подписчиков и читателей «Наша речь» имела в Бессарабии. В 1930 г. ее тираж составлял 9 тысяч экземпляров, однако реальная читательская аудитория намного превосходила эту цифру - по утверждению сигуранцы, один номер прочитывали 5-6 человек. Бухарестская газета адресовалась категориям населения с высоким образовательным цензом. Ее предпочитали помещики, русская и еврейская интеллигенция, бессарабское духовенство, служащие².

«Наша речь» давала читателям разнообразный материал: писала о событиях в Румынии и за рубежом, в том числе и в Советском Союзе. Особенно содержательно и интересно освещалась жизнь русского зарубежья и Бессарабии – эти главные направления редакционной деятельности отражают своеобразие исторического и культурного бытия межвоенных лет.

Изначально «Наша речь» позиционировалась как эмигрантское издание. В названии газеты ясно просматривается задача объединения «общества в изгнании» посредством печатного русского слова. Тема связи с Россией объединяла граждан «погибшей империи», где бы они не находились, в том числе и «эмигрантов поневоле», как называли население лимитрофных, т.е. приграничных бывших российских территорий. Общественно-культурное направление «Нашей речи» обозначено с первых номеров и во многих статьях, в частности, очевидно перепечатанных из берлинской газеты, «Литературных заметках» Б. Каменецкого (Ю. Айхенвальд). В мартовском номере 1923 г. известный литературовед писал: «Геперешняя Россия живет на духовный счет прежней. Жалкими и искаженными остатками недавних культур-

ных ценностей пользуется теперь народная масса, обездоленная как материально, так и духовно. (...) эмиграция продолжает на чужбине традицию Родины, поддерживает преемственность национальной культуры, прерванную вдруг историческим землетрясением»³. Разделяя общее убеждение эмиграции в своей духовной миссии, «Наша речь» содействовала по мере возможности сохранению традиций русской культуры. Эта позиция румынской администрацией расценивалась как «русофильская», что по тем временам означало и «антигосударственную пропаганду»⁴. В действительности редакционная концепция была сложнее, с течением времени уточнялась и имела разные оттенки.

В первый год «Наша речь» анонсировалась в качестве «внепартийной, общественно-политической и экономической газеты». Вскоре слово «политическая» заменили на «литературная». Это, по-видимости, вынужденное, изменение более соответствовало духу издания, которое, не будучи связанным ни с одной из политических партий, не занималось продвижением ни коммунистических, ни монархистских идей. Редакция старалась избегать идеологических крайностей и придерживалась демократических взглядов. В освещении политических и международных событий 20-х гг. доминировал нейтральный тон. Однако когда речь заходила о защите прав беженцев и национальных меньшинств, журналисты не оставались бесстрастными комментаторами. В 30-е гг. внутренней политике уделялось гораздо больше места: «Наша речь» внятно заявляла о своей антикузистской и антифашистской позиции.

Учитывая «привычку к печатному слову и строю русских газет» местного населения, «Наша речь» продолжала дореволюционные традиции и в этом походила на многие эмигрантские издания. Как и другие периодические органы русского рассеяния, бухарестская газета уделяла довольно много внимания общим вопросам культуры. Благодаря постоянной связи с внешними корреспондентами на ее страницах многоаспектно и интересно была представлена культурная жизнь эмигрантской России. Для «Нашей речи» писали: С. Яблоновский и С. Штерн (Париж), А. Федоров (Прага), С. Горский (Берлин), Л. Мунштейн (Ницца) и др. Особенно активно сотрудничал с ней П. Пильский, яркий литературный критик и публицист рижской газеты «Сегодня», одного из самых влиятельных русскоязычных изданий в зарубежье⁵. П. Пильский неоднократно бывал до революции в Кишиневе, в начале 20-х гг. некоторое время работал в местной периодической печати. Зарубежные журналисты и литераторы, опытные газетчики, яркие и талантливые критики размышляли и анализировали различные явления прошлой и современной русской литературы, кинематографа, театра. Эти статьи поддерживали высокий профессиональный уровень газетной художественной публицистики.

В качестве газеты литературной «Наша речь» ориентировалась почти исключительно на русских писателей-эмигрантов. Публикации новых художественных произведений (в основном перепечатанные из парижского литературного журнала «Современные записки») обладали особой ценностью, поскольку литературные журналы на русском языке в Румынии не издавались. Предпочтение отдавалось авторам с дореволюционной известностью: И. Бунину, И. Шмелеву, А. Куприну, Б. Зайцеву, И. Сургучеву, К. Бальмонту, И. Северянину... Большой частью печатались рассказы и стихотворения. Полностью был опубликован роман Вас. Ив. Немировича-Данченко «Сам себе владыка», отрывки из нового романа М. Алданова «Чертов мост». Из авторов—«младозэмигрантов» следует назвать уроженца Бессарабии Кнута Довида: опубликованные в середине 30-х гг. его «кишиневские рассказы» до сего времени являются неизвестными для исследователей творчества поэта. Наиболее часто на страницах «Нашей речи» 20-х гг. встречаются имена самых любимых широким читателем авторов русского зарубежья А. Аверченко и Н.Тэффи. С этими летописцами эмиграции по популярности в 30-е гг. соперничает Дон-Аминадо, чьи фельетоны в стихах и прозе мы находим чуть ли не в каждом номере.

Память об ушедшей России - главная тема мемуарных и исторических публикаций - на страницах газеты отражалась преимущественно в аспекте культуры. Были напечатаны воспоминания З. Гиппиус, Ал. Амфитеатрова, А.Г. Достоевской, Ф. Шалапина, кн. Барятинского, а также И. Савина об Александре Блоке, М. Первухина о Леониде Андрееве, Чехове, Горьком, Льве Толстом... Юбилеям русских писателей посвящались специальные страницы. Воспоминаниями о явлениях культурной жизни предреволюционного десятилетия пересыпаны статьи П. Пильского и С. Яблоновского.

Продолжалась дореволюционная традиция рождественских и пасхальных номеров. Многостраничные, красочно иллюстрированные, они заполнялись преимущественно рассказами и воспоминаниями о прошлом, о праздновании главных христианских праздников в дореволюционной России. Приведем содержание пасхального номера от 20 апреля 1930 г.: С. Яблоновский «И будет так...» (воспоминания о Пасхе в детстве); И. Сургучев «В моем синема»; С. Штерн «Это было» (О поездке в Кишинев в 1906 году); М.Эминеску «На той же улочке»; Н. Рошин «Оазис» (об улице Петра Великого в Париже); Д. Ростовский «1900 лет со дня Воскресения Христова».

Благодаря широко представленным именам авторов русского зарубежья «Наша речь», в сущности, выполняла функции газеты, журнала и книги, что немало способствовало популярности газеты у интеллигенции. В этом направлении редакция равно рассчитывала и на мало-

численную бухарестскую русскую колонию, и на русскоязычных бессарабцев, объединяя их в общее культурное пространство.

Вероятно, трудно переоценить значение «Нашей речи» для русских эмигрантов в Румынии. Исследовательская литература не относит Бухарест к культурным эмигрантским центрам, поясняя: «Центры русского зарубежья сформировались там, где значительные по численности группы творчески активных в науке или искусстве эмигрантов находили более или менее стабильные условия для своего существования. Большое число русских проживало в Балтийских государствах, Польше и Румынии, но они были лишены преимуществ, которые создают излучающие энергию большие города»⁶. Однако, несмотря на то, что властями просветительская деятельность русских не поддерживалась (в Румынии жесткое дискриминационное законодательство не предусматривало учреждение ни русских школ, ни общественных и культурных организаций), культурная жизнь русской диаспоры в Бухаресте осуществлялась в тех же формах, что и в «больших городах», но, разумеется, не столь интенсивно. Издавалась «своя» газета. Были русские библиотеки и книжный магазин, устраивались литературные и музыкальные вечера, гастролировали русские театральные труппы. В русских ресторанах «Кавура» и «Урс» выступали русские певцы и музыканты. В начале 30-х гг. в Бухаресте был открыт «Дом артиста». В конторе «Нашей речи» проводилась подписка на издававшийся в Париже журнал «Иллюстрированная Россия» с прекрасными литературными приложениями. Там же продавались дешевые издания Шмелева, Тэффи, Бунина, Гаршина, Куприна, Л. Толстого, Пушкина, Чехова, Лермонтова, Агнивцева, Зайцева, из советских авторов - Зощенко и Булгакова («Дни Турбиных»).

Русская культура являлась важной составляющей мироощущения человека, в ней воспитанного, и поддерживалась не только этническими русскими. Весьма показательны, что русские литературные и музыкальные вечера в Бухаресте проходили в помещении еврейского общества взаимопомощи. Выражая интересы тех, для кого общим являлся русский язык, «Наша речь» учитывала и полиэтничность своей читательской аудитории. Для «многотысячной» бухарестской еврейской колонии с первых номеров существовала рубрика «Еврейская жизнь», позднее значительно расширившаяся за счет бессарабской информации; в 30-е гг. появилась рубрика «Еврейская неделя», знакомившая с жизнью диаспоры в других странах. Публиковались произведения еврейских писателей, в частности популярный в начале 30-х гг. мелодраматический роман И. Немировской «Давид Гольдер», герой которого был уроженцем Кишинева. Постоянное и пристальное внимание уделялось Виленской еврейской труппе, обосновавшейся в

Бухаресте, и театру-студии Я. Штернберга, почти ежегодно приезжавшим на гастроли в Бессарабию. С перерывами существовала рубрика «Украинская жизнь».

В «Нашей речи» был хорошо поставлен театральный раздел. Обозреватели регулярно печатали отзывы на спектакли русских и еврейских трупп, местных и гастролеров, а также румынских национальных театров, особо отмечая постановки произведений русских авторов. Постоянной героиней музыкальной хроники была оперная примадонна Лидия Липковская. Вообще газета пристрастно следила за выступлениями бессарабцев в оперных театрах Старого Королевства и на мировых сценах. Всегда сочувственно рецензировались гастрольные спектакли кишиневских антреприз В. Вронского, И. Дубровина, А. Вернера. «Наша речь» своевременно оповещала бессарабских читателей о новостях театральной и музыкальной жизни Кишинева, о гастрольных маршрутах русских трупп, публиковала отзывы на премьеры. Серия материалов была посвящена закрытию Национального театра в Кишиневе и судьбе его актеров. Как бы мы сказали сегодня, газета оказывала постоянную информационную поддержку бессарабскому театру.

Для гастролеров из русского зарубежья эмигранты и коренные русскоязычные жители были благодарнейшей аудиторией. О предстоящих турне «Наша речь» давала более полную и разнообразную информацию, нежели кишиневские газеты. Материалы, посвященные именитым гостям, публиковались в нескольких номерах, их выступления предварялись не просто анонсами, но подробным рассказом о творческой деятельности, сопровождалась отзывами зарубежных корреспондентов. Приводились высказывания румынских театральных и музыкальных критиков о ходе гастролей. Особенно многосторонне и «многостранично» освещалось турне Пражской группы Московского Художественного театра в городах Старого Королевства и Бессарабии в 1928-29-м гг. Статьи о гастролях «одной из первых актрис русской сцены» Елены Полевицкой могли бы послужить «сюжетом для небольшого рассказа», в котором и трепетное предвкушение встречи с любимой артисткой, и горечь от известия, что не дано разрешение на выступления, и ностальгически-восторженные отклики на все же состоявшиеся четыре спектакля. «Русское искусство заполонило мир, но мы здесь в Бухаресте во многих отношениях находимся за пределами этого мира, в стороне от больших дорог, по которым совершается шествие искусства. И потому нам так дороги спектакли драматической труппы, с которыми в Бухарест пожаловала Е.А. Полевицкая»⁷.

Широко освещались выступления знаменитой исполнительницы русских народных песен Н.Плевицкой, оперных певцов К. Запорожца,

А. Мозжухина, П. Цесевича, казачьих хоров, с успехом гастролировавших по всему миру. В статье «О едущих к вам» С. Яблоновский писал с характерной для тех лет интонацией об известном всей музыкальной дореволюционной России квартете Н.Н. Кедрова: «Не знаю, остается ли сила для песни у теперешнего, замученного, истощенного русского народа там, в России. Перебросилась она, песня русская, из российского узилища в зарубежье и здесь радует и мучит нас как напоминание. Восторгая, говорит о великом потерянном счастье и в то же время обещает... Обещает не нам, которые уже не встретятся с родной землей, обещает, что наши дети или внуки будут жить среди народа, создавшего своей чудесной душой свою необыкновенную песню. И радуясь за моих читателей, что это знакомство состоится, мне хочется передать им то, что я много раз испытывал, слушая песни этих действительно колдунов»⁸.

Выступления русских артистов трактовались как события, вызывавшие не только ностальгию, но чувство признательности искусству, «которое углубляет дух и поднимает человека». Гастроли для сотрудников «Нашей речи» превращались в повод поразмышлять о том, «что всем нам так близко, так памятно \...\ в лоне которого мы культурно зачаты, на груди которого мы выросли и связью с которым мы не перестаем гордиться»⁹.

О русских газетах Бессарабии, в том числе и о «Нашей речи», шеф прессы сигуранцы отзывался как о «зеркале умонастроений и стремлений местного бессарабского населения»¹⁰. Выразителем общественного мнения русскоязычного населения Бессарабии «Наша речь» стала с течением времени. В октябре 1923 г. появляется крошечная рубрика «Кишиневская жизнь». Затем к ней присоединяются страницы «Бессарабская жизнь», «Провинциальная жизнь», где печатаются разного рода материалы, в том числе и корреспондентов на местах. В середине 20-х гг. эти «страницы» выходят с перерывами, порой длительными, однако жизнь Бессарабии так или иначе обозревается в новостной хронике. Обращают на себя внимание фельетоны Н. Бенони, в которых в сатирическом ключе описываются быт и нравы кишиневцев.

Хотя освобождение от специальной цензуры, которой подвергалась кишиневская пресса, и позволяло «Нашей речи» более откровенно говорить о проблемах края, специфически «бессарабская тема» утверждается с 1928 г., после отмены победившей на парламентских выборах партией национал-царанистов ряда цензурных запретов. В самый свободный для прессы период – конец 1920 - первая половина 1930-х гг. - защита экономических, социальных и культурных интересов Бессарабии превращается, можно сказать, в идеологию «Нашей речи». «Для Бесса-

рабии особенно важно, чтобы были учтены ее этнически-культурные особенности, и не менее важно, чтобы в нашей провинции осуществлялись все конституционные гарантии»¹¹, - звучало в тексте и в подтексте множества статей разных авторов, писавших о произволе властей, пренебрегающих нуждами населения, о праве на «свободу культурного самоопределения», о притеснении национальных меньшинств и православных - «старостильников», о возникшем из-за непродуманных действий «центра» взаимном недоверии между бессарабцами и старорегатцами, о «систематическом культурном обескровливании» Бессарбии... В свете общей объединяющей установки «Нашей речи» проблемы «бессарабцев» осмыслялись в контексте исторического и культурного своеобразия края как особого феномена, а не просто присоединенной румынской провинции. Эта принципиальная редакционная установка разделялась читателями, обеспечивавшими газете долговременную поддержку.

В разные годы различные авторы определяли облик бессарабских страниц «Нашей речи». Постепенно сложился круг сотрудников, печатавшихся весьма активно и в первую очередь влиявших на общественное направление газеты. Это были и журналисты с дореволюционным стажем, как Н. Бенони, Б. Алмазов, Ю. Калугин, и экономист Г. Льдов, и педагог Г. Блок, нашедший в журналистике, по словам Г. Безвиконного, «род занятий, соответствующий собственному духу и обстоятельствам новой жизни края»¹². Вместе с острыми экономическими, правовыми, церковными вопросами журналисты писали о проблемах образования и культуры. В круг постоянных тем входили: состояние «перворазрядной» кишиневской библиотеки, чьи богатейшие фонды расхищались «властителями дня», судьба школ национальных меньшинств, униженное положение местных учителей, вытесняемых кадрами из Старого Королевства...

С 1933 по 1936 г. велась очень интересная рубрика «Бессарабская старина. Старый Кишинев», в которой краевед Ф. Инкулец, напоминая об историческом прошлом края, рассказывая о разрушающихся архитектурных памятниках, о «невежественных румынизаторах», пытался привлечь внимание к злободневным проблемам «когда-то гордой столицы Бессарабии», сошедшей «на степень уездного города Лапушнянского уезда»¹³. Эти статьи и ныне представляют интерес, как и серия очерков Юрия Калугина «Кишиневские улицы» – остроумные и горькие зарисовки о произошедших переменах в облике города, архитектурном, бытовом, социальном; как и «Бессарабские наброски» Б. Алмазова, посвященные злободневным темам городского управления, школьного дела, здравоохранения.

Постоянное направление редакционной деятельности - информирование читателей, у многих из которых «на той стороне» остались род-

ные и близкие, о том, что происходит в Советской России. Живой интерес к происходящему в «недавней метрополии» соединялся с критикой советской власти. В 30-е гг. события в СССР обозревались в рубрике «Там, где была Россия»: новое название повторяло название книги парижского журналиста и литератора А. Седых. Антисоветский настрой прежде всего отражал неприятие советской власти, и не только эмигрантами. Читательская аудитория «Нашей речи» придерживалась демократических, а не коммунистических взглядов, что, между прочим, всегда отмечалось в отчетах сигуранцы. Бухарестская газета, подобно большей части русской прессы за рубежом, существовала в идеологическом противостоянии советской печати.

Наряду с материалами-разоблачениями советского официоза в трактовке коллективизации, строительства Беломорканала, голода на Украине и других трагических фактов публикуются статьи о культурной жизни в СССР. В середине 30-х гг. сугубый негативизм сменяется попыткой объективного анализа. В 1936 г. в «письмах из Москвы», подписанных псевдонимом Спектатор, сообщалось о советских достижениях – «легализации елки», создании национальных театров и т.п. Из готовившейся к изданию книги С. Газиева «Советская Россия» печатались отрывки о советском театре, кино, литературе, заслуживавшей, по мнению автора, внимания «широких общественных и международных кругов»¹⁴. Писались весьма похвальные рецензии на демонстрировавшиеся в кинотеатрах Бухареста советские фильмы. С 1925 г. регулярно печатались рассказы М. Зощенко, «Конармия» И. Бабеля, юморески из журнала «Крокодил».

С 1937 г. содержание «Нашей речи» обедняется. Газета вынуждена была отказаться от некоторых тем и оценок, должна была доказывать свою лояльность. Издание оборвалось в мае 1938 г., когда в результате политики масштабной «румынизации культурных и артистических учреждений» были запрещены все органы печати на русском языке.

Для понимания общественной и культурной ситуации в Бессарабии межвоенных лет «Наша речь» является одним из ценных источников. Многие материалы имеют не только историко-культурологический интерес, но и актуальны ныне: многие проблемы межвоенных лет в последние десятилетия были реанимированы.

К сожалению, утвердившаяся в советское время негативная оценка русскоязычной прессы Бессарабии межвоенного периода специалистами не переосмыслена. Современные исследователи повторяют суждения из книги К. Мыцу «Î necesitate desconsiderata: presa romaneasca în Aasarabia», вышедшей в 1930 г., о коммерческом характере и низком профессиональном уровне газет¹⁵. Меж тем несправедливость этой оценки подтверждает не только значительная по тем временам читательская аудитория «Нашей речи», но и прежде всего изу-

чение газетного материала 1920-30-х гг. Концепция газеты, темы и профессиональный уровень отвечали потребностям образованного читателя, которому она адресовалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРМ.Ф. 680. О. 1. Д. 3428. Л. 352.
2. Там же.
3. *Каменецкий Б.* Литературные заметки // *Наша речь.* 1923, 2 июня.
4. НАРМ. Ф. 680.О. 1. Д. 3428. Л. 352.
5. *Абызов Ю.* Русский газетный мир Латвии 20-х годов // *Русские Прибалтики.* Вильнюс, 1997.
6. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., 1994.
7. *Гастроли Е.А. Полевицкой* // *Наша речь.* 1933, 30 мая.
8. *Яблоновский С.* О едущих к вам // *Наша речь.* 1935, 2 окт.
9. *Блок Г. Е.А. Полевицкая в гостях у «Нашей речи»* // *Наша речь.* 1933, 28 апр.
10. НАРМ. Ф. 680. О. 1. Д. 3428. Л. 351.
11. *Вольский А.* Проверка в Бессарабии // *Наша речь.* 1934, 24 сент.
12. *Безвиконный Г.* Портретов длинный ряд // НАРМ. Ф. 2983. О. 1. Д.7. Л. 63.
13. *Инкулец Ф.* Старый Кишинев // *Наша речь.* 1936, 2 янв.
14. *Газиев С.* Советская литература // *Наша речь.* 1936, 28 окт.
15. Заметим, что профессиональный уровень бессарабских газет, как дореволюционных, так и межвоенных, был различным и зависел, в частности, от читательской ориентации того или иного издания. Долговременными, т.е. издававшимися более 15 лет, в межвоенный период были «Бессарабская почта», «Бессарабское слово» и «Наша речь». «Бессарабскую почту», обильно печатавшую информационные материалы бульварного и криминального содержания, читала широкая публика, или «обыватели». Наибольшие тиражи имели газеты, адресованные интеллигенции: по тиражу «Наша речь» занимала второе место после «Бессарабского слова», также пользовавшегося большой популярностью среди русскоязычной интеллигенции.

Татьяна ЗАЙКОВСКАЯ

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА И КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

*Большинство споров происходит оттого,
что люди не выражают должным образом
свои мысли и неверно толкуют мысли других.
Б. Спиноза*

Термин **картина мира**, впервые предложенный Л. Витгенштейном в аспекте философии и логики, в антропологию, семиотику, лингвистику был введен Л. Вайсгербером. В.П. Руднев определяет его как систему интуитивных представлений о реальности¹.

Результаты сознательной познавательной деятельности человека складываются в концептуальную картину мира, на каждом определенном этапе развития науки обобщенно отражающую наши знания о реальном мире – физическую картину мира, химическую и другие специально ориентированные картины мира. Особое место среди таких картин мира занимает языковая картина мира, более того, «языковая картина мира оказывается в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой, во многом (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе) стандартной, ибо воспроизводимы именно стандартные единицы языка, ставшие узуальными»².

В языке сохранена и своеобразно преломлена вся совокупность знаний и представлений человека об окружающем мире. При этом носителям разных языков присущи одни и те же законы мышления – свидетельство того, что картины реальной действительности, которые отображены в различных языках, в основном совпадают. На основе общих закономерностей каждый язык, тем не менее, по-своему производит членение реальности на фрагменты и присваивает им наименования. Однако ученые давно предостерегали от переоценивания этой стороны вопроса, хотя и полностью признавая ее значимость: «Понятийный образ мира сочетается с вербальным образом мира. В этом сочетании словесный образ предмета и отношений выступает как форма бытия логического отображения, как дополнительный вербальный фон, над которым возвышается логический образ. В итоге язык по-своему преобразует результаты мыслительной деятельности, выдвигает свое осмысление реальности... Словесный образ относителен... В целом, вербальная модель мира – лишь часть, и далеко не решаю-

щая, человеческой практики – реализуется под контролем мыслительного опыта»³.

Фактор культурной (языковой, семиотической) границы является фундаментальным для межкультурной коммуникации. «Своя и чужая речь воспринимается не просто как *turntaking* (смена ролей) в диалоге, она маркируется как речь (язык, культура и т. п.) представителя, находящегося «за стеной», «за границей» собственного языка и культуры. При этом не важно, ведется ли речь на одном из двух языков, на третьем языке-посреднике, либо с помощью посредника-переводчика. Во всех случаях коммуниканты учитывают и маркируют свою принадлежность к разным культурам. Подобная маркированность не означает непременно противостояния, агрессивной коммуникации – достаточно часто коммуниканты ищут общее поле взаимного понимания, сближая детерминированные лингвокультурой мировосприятия для достижения успешности коммуникации. Коммуникативный баланс поддерживается двумя конкурирующими принципами: симпатии и антипатии, взаимодействия и воздействия»⁴. Исследователи признают, что, вне зависимости от предпочтения того или иного принципа в конкретном коммуникативном акте, взаимное признание наличия семиотической границы является константным для межкультурной коммуникации.

С одной стороны, язык – явление общественное, и в коллективном плане он выступает хранителем информации о мире, совместно добытой всеми членами определенной этнолингвистической, культурно-языковой общности. Язык, рассматриваемый как достояние всех говорящих на нем, в силу кумулятивной функции является подлинным зеркалом национальной культуры.

С другой стороны, усвоенный каждой отдельной личностью язык индивидуален. Индивидуальное языковое сознание – это действительно сознание, совместное знание (каждого члена культурно-языкового сообщества и их совокупности), являясь результатом, продуктом усвоения личностью сохраняемого в языке общественного опыта. Эти знания, значения и смыслы, которые хранятся в языке, направляют чувства и дифференцируют человека, его волю, внимание и другие психические акты, объединяя их в единое сознание, определяя в конечном итоге его поведение в целом.

Подчеркивая ведущую роль языка как носителя общественного опыта, исследователи тем не менее отмечают возможность фиксации значений не только в форме понятий, но и в форме умения как обобщенного образа действия, нормы поведения и т. д. Носителями значения могут выступать такие социально нормированные формы поведения, как ритуалы, выразительные движения, искусственные языки, танцы, устойчивые визуальные символы, жесты и др. Однако, повто-

рим, роль языка при этом остается доминирующей. Этничность – идентификационная категория, занимающая важное место при формировании так называемого «я»-образа, на уровне самовосприятия личности служит особой формой «я»-концепции, хотя, как утверждает в своем исследовании «Социология и психология национальных отношений» З.В. Сикевич, – и с ней нельзя не согласиться – «степень выраженности этнического «я» зависит от того, как человек определяет самого себя, а в структуре личностной определенности, социальной идентификации этнический статус занимает существенное, но непостоянное место (эффект ситуативной этничности)»⁵. Однако надо отметить, что даже если личность в своей структуре по каким-либо причинам эксплицитно не выделяет и не подчеркивает в тот или иной момент своей практической деятельности собственную этничность, на вербальном уровне она присутствует и, конечно же, проявляется, потому что, как уже говорилось, не существует человека вообще, а есть личность, принадлежащая определенной культуре, неразрывно связанной с определенным языком.

Язык и культура тесно взаимосвязаны с проблемой понимания Другого – носителя другого языка (а следовательно, носителя другого языкового сознания и речевого поведения), другой культуры. Различия при этом бывают так существенны, что кажется, будто речь идет о разных мирах. Однако в случае языков и культур русских, молдаван и болгар Молдовы различия, конечно, не столь глубоки (и на это есть свои причины, которые общеизвестны), чтобы порождать непреодолимое непонимание. Однако они есть, их необходимо изучать, и их выявление имеет актуальное значение для укрепления взаимопонимания и воспитания толерантности друг к другу. Большую роль при этом играют такие моменты, как предрасположенность к общению, уровень осознанности при постановке целей и предвидении последствий, продуманности стратегии и тактики общения и т. д. – они находятся уже вне собственно системы языка. Но именно от них в решающей степени зависит успешность межкультурной коммуникации.

Даже сами этнонимы в рамках наивной картины мира позволяют выявить те аспекты «трения слова о внесловесную среду» (выражение М.М. Бахтина), которые остаются скрытыми, когда мы рассматриваем язык как систему отношений слов. «Человек никогда не использует слова ради слов: он живет и действует, используя слова для организации своего и совместного общественного опыта: центр всякого высказывания лежит вовне, в социальной среде. Слово неразрывно связано с социальным действием, поэтому дискурсивный анализ функционирования этнонима как вербальной мифологемы выявляет аспекты языкового существования в условиях межкультурного контраста.

Подобных примеров много: Типичный немец, такой педантичный, Эмоционально жестикулирует, как истинный итальянец, Типичный английский юмор или: Он русский, это многое объясняет – выражение, которое стало рекламным девизом российского блок-бастера, режиссер-постановщик которого сам постоянно претендует на роль общенациональной мифологемы. За словами русский, англичанин, француз, немец, итальянец и др. всегда стоит нечто большее, чем некоторая группа людей. Употребление этнонима вызывает в сознании пользователя языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих этнических групп, эмоциональное отношение к ним и т. п. То есть этноним в межкультурном дискурсе скрывает за собой миф как свернутое руководство к действию»⁶.

В разное время исследователями различных специальностей – этнологами, психолингвистами, социологами и др., в том числе и автором данной статьи – в Молдове проводились опросы, целью которых являлось выяснение отношения друг к другу различных этносов и этнических групп, проживающих в республике. Причем были выявлены как положительные, так и отрицательные черты, существующие в виде стереотипов, закрепленных в сознании носителей различных культур. Следовательно, так или иначе, они не могут не оказывать своего влияния на коммуникативный процесс в целом.

Аксиологические характеристики, будучи самым тесным образом связанными со сферой практической деятельности человека, являются предметом пристального внимания не только в философской традиции, откуда позаимствован сам термин, но и в лингвистической. Потребность в оценке органически присуща как личностному, так и коллективному обыденному сознанию.

Ментальные стереотипы, вырабатываемые в ходе процессов идентификации и самоидентификации, носят ярко выраженный аксиологический характер. Часто эта оценка является полуосознаваемой или бессознательной, однако в полной мере способствует поддержанию устойчивых ассоциаций. Оценки и самооценки предопределяют готовность или неготовность к вербальному и невербальному общению либо же к отказу от него, влияют на характер самого процесса общения (конфликтующий или гармонизирующий).

Сопоставление оценок и стереотипов, в том числе самооценок, изучение их специфики у различных этносов позволяет увеличить поле толерантности, так как рефлексия по поводу своих/чужих, в том числе и на чужое мировосприятие, влияет на построение отношений между представителями различных национальностей, носителями различных языков в ходе их практического общения. Все это должно учитывать-

ся в исторически сложившихся условиях в полиэтничной Молдове, где представители разных культур, говорящие на разных языках, зачастую владеют двумя и более языками, бытующими на ее территории.

В последние несколько десятилетий представления о данной сфере – сфере взаимоотношений когнитивной и вербальной картин мира, их роли в общении между людьми, принадлежащими к различным лингвокультурным общностям, коммуникативном пространстве и т. п. – претерпели существенные изменения, причем действительно серьезного, осмысленного понимания стремительно меняющейся ситуации пока не наблюдается. Однако существует настоятельная необходимость осознания этих перемен, которые в условиях глобализации и на фоне использования новейших технологий перешагивают через рамки этничности и затрагивают сознание любого человека, вне зависимости от его культурно-языковой принадлежности, оказывая воздействие на его включенность в коммуникативное пространство, неудержимо расширяющее свои границы. Об этом пишет, например, ученый-психолог А.А. Калмыков: «Современная картина мира все в большей степени презентуется в коммуникативной ипостаси. Например, наблюдаемый и широко обсуждаемый феномен так называемого клипового мышления, очевидно, порожден информационно-коммуникативной перегрузкой. Брендированное визуальное пространство города, мерцающее телевидение и путешествия по окнам операционной системы Windows – это все то, из чего и складывается картина мира у современного человека»⁷. Сеть Internet предоставляет все возможности для преобразования коммуникативного пространства в гиперпространство, где оперировать приходится уже не понятием текста и текстуальности в широком смысле, а гипертекста и гипертекстуальности. Меняются и принципы оценивания реальности, оценочные установки: «Вырабатывается культурная логика оценки действительного по возможности, в которой сама возможность реальности санкционируется гиперреальностью»⁸. Если не учитывать эти перемены, привносящие в последние десятилетия в формирование сознания современного человека очень многое, что остается за кадром традиционных исследовательских подходов, можно уйти в сторону от изучения реального положения дел в рассматриваемой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1998. С. 128.
2. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки, 2000, № 1. С. 41.

3. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 283-284.

4. *Кашкин В.Б.* Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. II. Воронеж, 2004. С. 52.

5. *Сикевич З.В.* Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 114.

6. *Кашкин В.Б.* Указ. соч. С. 57.

7. *Калмыков А.А.* Гипертекст мышления и коммуникативное пространство // Человек. 2007, № 5. С. 122.

8. Там же. С. 127.

НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ * НОВОСТИ

15 октября 2007 г. в московской Библиотеке украинской литературы состоялась презентация нового издания монографии «Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв.» (М.: «Имперская традиция», 2007). В рамках мероприятия автор книги доктор исторических наук, ведущий сотрудник Государственной публичной исторической библиотеки России Нина Михайловна Пашаева познакомила собравшуюся читательскую общественность с историей написания и первого издания «Очерков». Кроме этого она поделилась собственным видением ближайшего будущего Галичины и Украины. Неподдельный интерес у участников встречи вызвали размышления Нины Михайловны о специфике российско-украинских взаимоотношений.

Главным организатором и ведущим презентации выступил заместитель директора Библиотеки украинской литературы, известный московский украинист Богдан Безпалько. В зале также присутствовали сотрудники Института славяноведения РАН, Центра украинистики и белорусистики МГУ и члены действующего при библиотеке Славянского молодежного клуба .

Михаил ДРОНОВ

Ирина ИОНОВА

ПРИЧУДЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

У слова «дойна» необычная судьба. Не только в русском, но и в родном, молдавском языке у него, можно сказать, незавидная доля. Л.С. Берг, представляя в книге «Бессарабия. Страна – Люди – Хозяйство» обычаи молдаван, заметил с естественной для научного изложения сухостью: «Заунывная мелодия пастушьей песни носит название дойна». Слово это - из тех, что не переводятся на другие языки, ибо называют специфические явления национальной культуры, раскрывают душу народа. Как нам кажется, чувства и ассоциации, которые у молдаван связаны с этим словом, хорошо переданы стихотворением в прозе «Дойна» К. Шишкана.

«Достал крестьянин из-за пазухи флуер, и полилась заунывная, полная тоски дойна, просторная, как молдавская равнина, сгоняющая отары своих холмов к Черному морю, как степь с ее белым, словно из фольги, солнцем, свистом сусликов и перекличкою перепелов, звоном жаворонков, висящих в синем небе, в которое медленно струятся свежие родники ароматов степных цветов и трав – васильков, ковыля, полыни, шалфея...

А дойна набирает высоту и силу! Вот она развернула крылья и свободно парит над равниной. О чем одна, эта дойна? О нетушиной горе чабана. Он потерял овец, теперь ищет их в безбрежной степи среди холмов и трав, и облаков. Он спрашивает о них степь, небо, солнце, он обращается с мольбой к рекам и морю.

Но прячет мысли свои в высокие травы степь, на небо набегают тревожные тучи, меркнет солнце, что-то невнятное бормочут реки, а море – далеко-далеко – совсем не слышит чабана.

Долго искал чабан своих овец, и не осталось в его душе ничего, кроме горьких слез. И когда утратил он последнюю надежду, из высоких трав навстречу ему вышли овцы. Сорвал чабан с головы кушму, хлопнул ею оземь и пустился в неистовую пляску...»

Концептуальный характер слова «дойна» для молдавского языка очевиден. Более того, данное понятие следует квалифицировать как один из ключевых концептов национальной культуры. Отсюда – достаточно широкая распространенность женского имени Дойна, сам факт появления такого антропонима. Понятно, почему государственная ака-

демическая хоровая капелла (создана в 1930 году в Тирасполе) получила название «Дойна»: этот коллектив открыл миру молдавский музыкальный фольклор. Неудивительно и то, что Дойной назвали одну из окраинных улиц Кишинева на Старой Почте; в молдавской столице вообще немало лирических урбанонимов: улица Роз, Долина роз, Флорилор (Цветочная)...

«Неприятности» в судьбе слова начались с того момента, когда в 1966 году на улице с красивым песенным названием было основано городское кладбище. Закономерно, что имя улицы кишиневцами было тотчас же перенесено на новое место вечного упокоения. Метонимические переносы такого рода вообще характерны для разговорной речи, ведь и Армянское кладбище называют так только потому, что оно находится на улице Армянской. Здесь важно отметить, что ставшее главным городское кладбище официально никогда Дойной не называлось. Однако в обиходе используется только это обозначение – без фольклорного ореола, без национально-культурных коннотаций. Сегодня в речи горожан, по крайней мере русскоязычных, «Дойна» – это уже практически нарицательное существительное, синоним слова «кладбище». О человеке, который пренебрегает лечением, кишиневец скажет «на Дойну захотел», о смертельно больном – «на Дойну собрался» и т.д.

Как и каждый погост, «Дойна» напоминает о бренности всего живого, наводит человека на размышления о сущности бытия. Естественно, что философские мысли по этому поводу нередко встречаются в художественной литературе. Приведем для примера несколько фрагментов из произведений русских поэтов Молдовы.

Стихотворение А. Тиранина так и называется – «Дойна».

Мне отрадно бродить по «Дойне»

И рассматривать там кресты...

Как же тихо... и как спокойно!

Сколько жизней на полверсты!

Но пронзает меня до боли

Мысли скупость и высота:

Весь наш путь, будь он меньше, доле... -

Между датами лишь черта.

В. Костишар вспоминает ушедших в иной мир друзей и называет городские кладбища как истинная кишиневка – их неофициальными именами.

... оба тили, серчали на быт -

были участи лучшей достойны,

Анатолий на Польском лежит,

Константин потерялся на Дойне...

*Две свечи над иконой зажгу –
Анатолию и Константину.
Что еще для них сделать смогу ...
на земле, что от зла и рутины
их сберечь не смогла? Но стихи
сохранит, хоть пустячна причина:
искупление за грехи
Анатолия и Константина...*

Чувства, выраженные А. Миляхом в стихотворении «Прощенное воскресенье», тоже навеяны «Дойной»:

*Прощение воскресным днем
В родительских могилах ищем,
Пропахнет кладбище вином,
А краской божие жилище.
Построен храм... Он молодой,
Но служит доброте достойно,
Душевный укрепит устой
Небесным песнопеньем «Дойна». <...>
Просить прощенья – не прощать!
Смерть не подвластна излеченью,
Здесь мой отец, здесь брат и мать,
Прощенье здесь... Но нет прощенья! <...>*

Следовательно, обиходное название городского кладбища является результатом трехступенчатого метонимического сближения: «фольклорный музыкальный жанр, являющийся концептом национальной культуры, - название городской улицы по этому концепту – кладбище, прилегающее к этой улице». Такое сближение могло бы породить исключительно положительные коннотации, если бы «Дойна» не стала... торговым брендом. Трудно сказать, почему в свое время работники табачной промышленности называли так сорт сигарет, а виноделы – марку коньяка. Может быть, представили себе чабана, который нашел, наконец, своих овец и, сидя на пригорке, умиротворенно покуривает (на манер ковбоя в американской рекламе сигарет). А рюмочка коньяка помогает расслабиться после тяжелой работы и переживаний: кому не приходилось оказаться в ситуации чабана, не уследившего за своими подопечными?

Все это, конечно, домыслы. Производственникам необходимо было подчеркнуть, что данное табачное изделие и данный алкогольный напиток – именно молдавского производства. Подходящее для названия слово было взято из концептов национальной культуры: наверное, во всех странах мира престиж национальной культуры и ее различные известные миру приметы, в том числе имена исторических личнос-

тей, эксплуатируются промышленниками и бизнесменами именно таким образом.

В результате всего вышесказанного изначальный концептуальный смысл молдавского слова «дойна» в сознании людей размывается, затемняется производными, но более актуальными для русскоязычных, «русскодумающих» жителей Кишинева значениями. Об этом свидетельствуют ответы горожан на вопрос «Что значит для вас слово дойна?», включенный в анкету по сбору материала для словаря «Русский язык кишиневцев». Многие анкетированные написали, что «дойна» - это «национальная молдавская песня», «молдавская народная песня», «песня – плач», «невеселая песня». Ответы расплывчатые, но, так сказать, близкие к истине. И все единодушно отметили, что «Дойна» - это название сигарет, коньяка и, конечно же, кладбища.

Сейчас уже невозможно установить, какой местный остроумец объединил последние три понятия в фаталистическую поговорку «"Дойну" курим, "Дойну" пьем, все на "Дойну" попадем», - на то и фольклор. Есть вариант нравоучительный – с глаголом в форме второго лица единственного числа. Здесь важно подчеркнуть, что это – не калька, поговорка родилась на русском языке. Впрочем, молдаване вполне оценили житейскую глубину высказывания и используют его в своей речи, разумеется, на русском языке. Потому что, как справедливо заметил А. Милых в процитированном выше стихотворении,

*Завянут пышные цветы,
На лентах – траурное слово.
Вдали от громкой суеты
Едины жители Молдовы...*

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания искусственной "мовы" и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Иван СИМЕОНОВ

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНО И ТО ЖЕ АУТОДАФЕ

В XIX в. в Болгарии ходили слухи, что Илларион Критский – греческий епископ в городе Тырново (1821–1838) подверг сожжению на костре древнее тырновское книгохранилище, где сохранялись болгарские рукописные книги. Современники утверждали также, что он был одним из предателей восстания (так называемая «Велчова завера» – 1835). Упомянутому трагичному аутодафе посвятили свои произведения два наших соотечественника – Христо Даскалов (около 1820 – после 1861) и Васил Попович (1832–1897). Первый из них опубликовал в московском журнале «Русская беседа» (т. III, 1858, № 10) статью «Возрождение болгар, или Реакция в европейской Турции. Статья первая», а второй в календарном сборнике «Месецослов на българската книжнина за 1859 година» – «Монолог, или Мисли на владиката Илариона напред да изгори българските книги от книгохранилницата на Тырновската митрополия». «Месецослов...» выходил в Царьграде. Его издателем являлась Община болгарской литературы, а редакторами – Димитр Мутев и Драган Цанков. Этот сборник вышел в свет в двух номерах – в 1857 г. (первая часть) и в 1859 г. (часть вторая и третья).

Христо Даскалов – возрожденческий писатель из города Трявна. Учился в Бухаресте и Одессе. Закончил медицинский факультет в Санкт-Петербурге (1858). Жил в Царьграде и Тырново, некоторое время работал в Русском консульстве в Белграде (около 1860). Сотрудничал в газете «Цариградски вестник» и русской прессе. Он обнаружил в Тырновской церкви «Св. 40 мченици» и обнаружил надпись и другие старинные каменные надписи. Велики его заслуги и в информировании русского общества о положении болгар в Османской империи, а также в установлении правильного понимания движения за церковную независимость как борьбы за признание болгарской нации.

Васил Попович – учитель и писатель периода болгарского Возрождения. Он родился в городе Браила (Румыния) в семье болгарских переселенцев из города Ямбол. Учился в Киеве. Закончил историко-филологический факультет Московского университета (1861). Работал учителем в Болграде (1862–1865), Браиле (1865–1872), Велесе (1872–1874), Пловдиве (1874–1879). Публиковал стихи в журнале «Братски труд» (Москва). Сотрудничал в болгарской прессе. Он является

автором первой болгарской поэтической книги для детей – «Детска гусла» (1880), был одним из первых аналитиков художника-графика Николая Павловича. Проявил себя и как неплохой карикатурист. Принимал участие в качестве добровольца в Крымской (1853–1856) и в Освободительной войне (1877–1878).

Само сожжение книг пока не доказано в болгарской исторической литературе. В многотомной «Истории Болгарии» отмечено: *«Тырновский митрополит имел титул "Экзарх всей Болгарии", который отражал воспоминание о Тырновской патриархии, а его диоцез охватывал приблизительно территорию Тырновского царства в последние годы его существования...»*¹. Это отмечает в своей статье и сам Христо Даскалов: *«Обо всем этом (речь идет о столкновении болгар с фанариотами в то же время – И.С.) очень хорошо знал экзарх всея Болгарии, фанариот Илларион (с острова Кандии)»*. Несмотря на особенное старшинское значение этой должности в структуре Царьградской патриархии 20-х гг. XIX в., в Тырновской епархии не было острых столкновений, как в других городах – во Враце (1824), Скопие (1825), Самокове (1829) и т. д. Это мы объясняем умеренностью церковной политики, которую проводил экзарх Илларион Критский. В ряде случаев он даже содействовал некоторым устремлениям болгар: в 1826 г. предпринял попытку составить болгарскую грамматику и лично помочь в переводе Библии на болгарский язык, но, к сожалению, оба эти его начинания не были осуществлены; 21 марта 1833 г. в его присутствии был заложен фундамент новой школы в городе Габрово, которая до конца года была построена. Это первая болгарская школа, в которой преподавание велось по ланкастерскому методу. Однако жители города отвергли его намерение вести обучение на греческом языке. Тем не менее и в этой епархии назревал конфликт с мирянами, который вспыхнул в 1827 г. Он стал причиной того, что Илларион Критский добровольно покинул свой пост. Тогда временно на его место был назначен Констандий (1830), который впоследствии был выбран вселенском патриархом в Царьграде².

Началом церковной борьбы в Болгарии считается 1838 г., когда вспыхнул острый конфликт между преемником Иллариона Критского греческим митрополитом Панаретом Тырновским (1838–1840) и местными жителями. Они организовали энергичную кампанию, направленную на его устранение с церковного поста. Новый митрополит был малообразованным, невоспитанным и ненавидел все болгарское. Акцию местных болгарских патриотов возглавили Илларион Макариопольски и Неофит Бозвели, а позже и Петко Р. Славейков. В своей автобиографии наш поэт записал: *«Тогда я был шестнадцатилет-*

ним юношей. Это было возрождение борьбы между греческими владыками и болгарскими патриотами». Он отмечает, что в 1843 г. сочинил одну сатирическую песню, направленную против бывшего митрополита Панарета и его наследника Неофита.

Возможно, пожар в Тырновской патриархии был неумышленным. Несмотря на это, его литературная интерпретация в обоих произведениях наших писателей Возрождения говорит об усилении борьбы за церковную независимость. На первом этапе она была связана с двумя основными требованиями: установлением богослужения на болгарском языке и назначением авторитетных болгар митрополитами, на втором – с восстановлением Болгарской православной церкви отдельно от Греческой патриархии. Таким образом, во второй половине XIX в. болгарское национальное самосознание проходило очередную стадию своего развития, и болгары уже открыто демонстрировали свою народную принадлежность.

Оба автора были болгарскими и русскими воспитанниками. В жанровом отношении их сочинения являлись новаторскими в болгарской литературе XIX в. Пространная статья Христо Даскалова (58 страниц) является синкретичной по своему характеру – она сочетает черты научного трактата, публицистической статьи, политического памфлета и живого беллетристического рассказа. Она подписана: «Хр. Даскалов, уроженец Болгарии». У нее есть «Приложение» – «Болгарская народная песня» (песня про Стояна-воеводу). В конце статьи отмечено: «Продолжение впредь», но оно так и не появилось. «Монолог...» Василя Поповича – первое драматическое произведение в нашей литературе (по мнению Бояна Пенева). Последующие оригинальные драматические произведения появятся позже: «Ловчанский владыка, или Бела на ловчанский сахатчия. Комедия в три извършвания» Теодосия Икономова (1863), «Малаков», одноактная комедия Петко Р. Славейкова (1864) и др. Относительно произведений Василя Поповича Юлия Николова пишет: «*В монологе владыки Иллариона чувствуется драматическое напряжение, делается попытка вникнуть в переживания героя, в ремарках подсказываются его жесты и поведение*»³.

Эти произведения не входят в противоречие друг с другом – они воссоздают разные моменты акции греческого владыки: «Монолог...» Василя Поповича – открытие тайного хранилища и отбор книг для сжигания, а статья Христо Даскалова – само их сжигание в церкви «Св. Апостола» в присутствии представителей дубильщиков. Высокая образованность Христо Даскалова видна в глубоком анализе важнейших событий церковной борьбы болгар, в удачных параллелях с аналогичными случаями мировой истории (например, сожжение Алек-

сандрийской библиотеки завоевателем Омаром), в цитатах классических литературных произведений тогдашней нашей и иностранной публицистики. Беллетристическое повествование, содержащееся в статье, предварено яркой характеристикой Иллариона Критского, которая показывает его как умного, эрудированного церковника, ловкого политика и тонкого психолога, желающего в первую очередь войти в доверие к тырновцам.

Впечатляющим является описание здания Тырновской митрополии, полного таинственности и угрозы: *«В нем много потаенных мест, куда нога болгарина давно уже не ступала. Входящего туда обдает холодом, невольным страхом, трепетом; так и кажется, что привидения обступят вас со всех сторон и утопленники выйдут из колодцев и бросятся, чтобы свернуть вам шею»*. Мистическая струя формирует мысль об оскверненном святом месте, где бродят духи предков. Даже в сноске упомянуто, что в одном из таких же колодцев утопился в прошлом экзарх всей Болгарии. Эта дескриптивная часть статьи имеет глубокий подтекст – показать отчуждение Царьградской патриархии и ее духовников от болгарского народа.

Илларион в описании Христо Даскалова – лицемерный человек: на первый взгляд, он производит впечатление благовоспитанного и смиренного духовника, со своими мирянами говорит на турецком, то есть на государственном языке. В какой-то момент, однако, почувствовав их молчаливое сопротивление, он начинает злиться, срываясь на крик. Автор дал ему блестящую психологическую характеристику: *«Последнее выражение вывело экзарха из себя; он и без того чуть сдерживал свою ярость. Его впалые, сверкающие глаза, его бледное, могильное лицо, его черная, лоснящаяся ряса и массивный поднятый жезл испугали бы в эту минуту и не таких людей, каковы были бедные, простые, богобоязненные болгары»*. Кажется, что в его поведении есть что-то нероновское – он ведет себя, как сатрап, опираясь на их набожность и суеверие, а также и на дикую силу (возле двери церкви стоял монах-фанариот с ключами и дубиной в руках). Называет болгарские церковные книги «дрянью» и «черно-книжием», а своих мирян – «еретиками». Как истинный лицемер, он стремится осуществить свой мракобеснический план с их помощью, старается вовлечь их в святотатство и прегрешение, чтобы в дальнейшем обвинить этих скромных людей в инициировании аутодафе.

Повествователь хочет подчеркнуть сатанинское начало в фигуре греческого владыки, которое задумано еще в его портретном описании и подтверждено видом его трупа, дважды эксгумированного – через три и через шесть лет: *«...но знаю вот что: вместо костей выры-*

ли – страшно и подумать, ей-Богу, – вырыли черный, как смола, труп, волосатый, с впалыми орбитами, с длинными закрученными ногтями». «Прошли еще 3 года. На этот раз – спросите тырновцев, кто из них не был при вторичном вырывании давнопочившего – все молчали и сдерживали дыхание. О! Какой панический страх выразался на лице присутствующих, хотя противоположные побуждения привели их сюда! Но опять вырыли тот же труп ужаснее прежнего». Современники воспринимали внезапную кончину мерзкого владыки, а также ужасное изменение его внешности и нетленность его трупа (земля не хочет принять его тело) как Божье возмездие.

В «Монологе...» Васи́ла Поповича его герой показан яростным противником болгар. Он всячески стремится навредить им, уничтожая духовное наследие, созданное их предками. Епископ действует тайно, боится, что они когда-нибудь узнают о его поступке. Испытывает одновременно удовлетворение и суеверный страх в связи со своим проникновением в хранилище, которое, очевидно, воспринимает как святая святых. Ему не чуждо и сребролюбие, которое проявляется в надежде найти между книгами предметы, представляющие материальную ценность: *«Кой знай? Може да има / по-добро нещо, по-драго / моята алчност да види! / Някой одежда стара – отдавна / за спомен народна тука скрита! / Царска корона, митра с алмази... / Това ми треба, това ми доста!»*. Архиерей откровенно обосновывает свои действия как акт отмщения: *«Ето ви, варвари, вашата бѣдност! / Гръцко не щете... Владици пѣдите»*. Если у Христо Даскалова мотивировка действия образа Иллариона проникнута фанатичным ослеплением, то у героя Васи́ла Поповича она является следствием вспыхнувшей антифанариотской борьбы и носит в себе актуальный смысл. В беллетристическом повествовании из статьи Христо Даскалова показано одно из проявлений длительной антиболгарской политики Царьградского Фанара; оно связано с уничтожением духовных святынь нашего народа, спрятанных предками в тайных местах: *«Ние видяхме и сега пак ще видим, че в числото на заветните задължения на фанариотите влиза и изстреблението на всичко славянско»*. Илларион мстит болгарам за их непокорность, хорошо зная, что так лишает их будущего («бѣдна слава») и способствует тому, чтобы они были во веки веков рабами греков.

В эмоциональном отношении у героя Христо Даскалова доминирует аффект. В отличие от него Илларион Васи́ла Поповича проникнут сладостной эйфорией. В «Монологе...» суеверно-мистическое начало представлено прежде всего в интимно-личностном ракурсе, а не как демагогия – владыка искренне боится дотронуться до книг, берет крест

и произносит молитву. В рассказе, содержащемся в статье Христо Даскалова, оно является прикрытием ассимиляторской политики Греческой патриархии, а ее исполнитель не чувствует никакого страха, он даже слишком самоуверен. В то же время он стремится насаждать суеверный страх в душах своих мирян, сознавая, что так держит их в подчинении. Факт сжигания болгарских книг представлен в статье Христо Даскалова на фоне более широкого общественного плана, где ясно выражена коллизия: митрополит-фанариот – прогрессивные болгары. В «Монологе...» Васила Поповича эта оппозиция представлена как внутреннее отношение высшего духовника и его тайное отмщение.

Христо Даскалов с большим мастерством передал переживания испуганных ремесленников: *«Болгары грянулись оземь. Трепеща всем телом и проливая слезы, они, однако ж, поднялись, но от страха язык не шевелился». «Они опять переглянулись и машинально посмотрели на ворота; но там стоял монах-фанариот с ключами и дубиною. Им хотелось бежать, но куда? Знали они очень хорошо, что из этого здания редко люди выходят, как из других; знали они, что оно пропитано славянскою кровью...»*. В этот критический момент повествователь завершает свой рассказ, чтобы далее перевоплотиться в роль публициста, который выражает слухи среди людей о конце события. Чуть дальше следуют фрагменты об обеих эксгумациях, выполняющие функцию эпилога. Без сомнения, произведение Васила Поповича было создано под влиянием статьи Христо Даскалова. Обратное невозможно, потому что Васил Попович впервые ступил на болгарскую землю в 1872 г. Христо Даскалов, со своей стороны, располагал непосредственной информацией об упомянутых событиях как современник, выросший в городе Трявна и многократно посещавший Търново.

Если «Монолог...» Васила Поповича является первым драматическим произведением в нашей литературе, то рассказ из статьи Христо Даскалова – это первое беллетристическое произведение, обладающее бесспорными художественными качествами. Оно предшествует по времени таким считавшимся до сих пор первыми беллетристическим проявлениям у нас, как «Отрывок из рассказов моей матери. Поездка в виноградник» Васила Поповича, также опубликованный в журнале «Русская беседа» 1859 г., «Войвода» («Атаман болгарских разбойников») Любена Каравелова (1860) и «Нешастна фамилия» Васила Друмева (1860). В информативном и смысловом плане рассказ Христо Даскалова богаче, чем «Монолог...» Васила Поповича, так как раскрывает значимость общественного противостояния в конце 30-х гг. XIX в. в Болгарии, которое шло в русле церковной борьбы, а также показывает реакцию болгарского народа. Самое главное достоинство

драматического сочинения Василя Поповича – это удачное представление психологии фанариота-обскуранта, который ненавидит болгар и активно работает в пользу их огречивания. Сам Христо Даскалов свидетельствует в своей статье об этом процессе, который тогда зашел слишком далеко: *«В Тернове, где большую часть народонаселения составляли огреченные болгары, где существовали два эллинских училища, где только что был открыт заговор, борьба приняла ожесточенный характер. Многие друзья поссорились; молодежь дралась кулаками на улицах; в церквях происходили беспорядки в богослужении, ибо некоторые отчаянные патриоты скрывали или уничтожали греческие книги, - и я помню, как однажды по этому случаю Апостол не был прочитан».*

О Христо Даскалове Цвета Унджиева пишет следующее: *«Мы могли бы определить Хр. Даскалова, хотя и условно, несомненно как одного из первых болгарских народопсихологов, первых историков-эссеистов, первых авторов "беллетризованного" исторического очерка. В его живом рассказе естественным образом переплетаются воспоминания, личные впечатления и переживания, документальные источники и рассказы современников. Беллетристические и эссеистические отклонения не только оживляют изложение, но и придают ему новое, искреннее и сильное эмоциональное звучание»⁴.*

Оба произведения показывают драматизм той бурной эпохи, когда наш народ, вставший на путь возрождения, начал еще тверже и последовательнее отстаивать свои права – политические, духовные и культурные.

ЛИТЕРАТУРА

1. История на България. Т. 5. Българско възраждане. XVIII – средата на XIX век. София, Издателство на БАН, 1985. С. 311.
2. История и култура на България в дати. Възраждане. Велико Търново, “Слово”, 1997. С. 75-77.
3. Николова Ю. Възрожденски уроци. Пловдив, “Макрос 2001”, 1996. С. 162.
4. Български автори в руския периодичен печат 1854–1864. Статии, дописки, очерци, бележки. Том I (издирила и подготвила за печат Цвета Унджиева). София, Издателство на БАН, 1982. С. 10.

Мария ПАСЛАРЬ

ПОЛИЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МОЛДАВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Определенные районы Республики Молдова компактно населены болгарскими группами, которые считаются билингвами. Двухязычие болгар – болгаро-русское. Молодое поколение болгар чаще используют русский язык при официальном общении. Вполне ясно, что данный переход обусловлен общими стереотипами коммуникации на русском языке в полиэтническом социуме, причина, может быть, и в недостаточной компетенции родного языка.

Знание двух языков – болгарского и русского – свойственно большому контингенту населения этих районов. Билингвальная личность свободно переходит от одного языка к другому в зависимости от речевой ситуации.

Главным условием для сохранения и развития национальной культуры является усвоение литературной формы родного языка.

Очень важными составляющими в обучении родному языку учащихся являются знания и использование методики обучения, талант преподавателя, а также системность в изучении языка. Но ещё важнее учитывать условия, в которых осуществляется овладение языком, и извлекать преимущества, которые они дают.

Обычно при одновременном изучении нескольких языков человек усваивает каждый из них в различной степени. Один из этих языков является доминирующим. Соотношение изучаемых языков может изменяться в пользу определенного языка в том случае, если создаются соответствующие условия для его изучения и функционирования. Изменение этих условий может привести к смене доминирующего языка.

Естественно, требования касаются систематического использования всех трех языков: необходимо много читать и писать, говорить и знать культуру, представленную данным языком.

Даже при создании оптимальных условий для усвоения различных языков ими не всегда можно овладеть одинаково хорошо и на высоком уровне. Но это зависит от языковых способностей учащихся, от возможностей контактировать с носителями этого языка, а также от количества часов по учебному плану. Успех в обучении зависит от поддержки при изучении родного языка, которую оказывает семья, от организации процесса обучения, от использования различных видов рече-

вой деятельности, включенных в учебный процесс, а также от количества и объема доступности к овладению этим языком.

Благодаря введению изучения родного языка в учебный процесс большинство болгар используют две формы языка – диалектную и литературную. А это значит, что язык этнических болгар в Молдове будет сохранен.

При существующей языковой ситуации билингвизма в Молдове прослеживается и диглоссия. В семье используется диалектный язык, а литературный язык – в учебном процессе и при официальном общении.

С точки зрения языкового обучения в условиях двуязычия, очень интересно отношение учащихся к языку, с которым вырастает ученик (в семье – диалектный язык), и к языку, изучаемому в учебном заведении (литературный болгарский язык), к языку межнационального общения – русскому, который и является языком общения. При контакте этих трех языков происходит наслоение элементов различных языковых уровней. При этом наблюдается межязыковая интерференция. Из-за этой сложной языковой ситуации учащиеся испытывают коммуникативные и собственно языковые затруднения. Учащиеся не имеют достаточного речевого запаса и умений в построении синтаксических конструкций для того, чтобы использовать их в соответствующих речевых ситуациях.

Поэтому необходимо создавать условия для формирования умений в подборе слов в соответствии с их лексическим значением и конкретной речевой ситуацией.

Учащиеся употребляют диалектную лексику на уроках болгарского языка (родного). Акцент необходимо сделать на существующих различиях между лексической системой литературного языка и диалектами при обозначении понятий, различиях, связанных со стилистической характеристикой, различиях в звуковом облике слов, в морфологической системе. Поэтому учебный процесс подчинен принципу сопоставления диалектов с литературными языковыми средствами.

Нельзя не отметить и интерференцию как результат болгаро-русского двуязычия, когда в голове обучаемого звучит модель предложения на одном языке, а он должен его произнести на другом. Наблюдается проникновение фонетических, лексических и грамматических элементов из русского языка в болгарский.

Нельзя и говорить об образованной, культурной, духовно возвышенной личности, которая имеет пробелы в обучении. Перед студентами ставится задача не допускать этих пробелов. Сама личность должна оценивать себя, собственное отношение к конкретной языковой среде. Наличие языковой интерференции – один из психологически тормозящих фактов в процессе обучения. Очень важно, какие методы и средства будут использоваться для того, чтобы учащиеся могли почув-

ствовать и осознать богатство литературного болгарского языка и овладеть этим языком.

От глубины и правильности речевых впечатлений, которые получает ученик, зависит и уровень использования языка в будущем. От умения высказать свои мысли зависят судьба и место личности в обществе.

Билингвизм положительно влияет на развитие памяти, формирует умения понимать и анализировать языковые явления. Полноценно развивающиеся билингвы целеустремленны и настойчивы, лучше усваивают абстрактные науки, литературу и другие иностранные языки. Становится нормой именно многоязычие в некоторых семьях, в которых говорят на разных языках, не отдавая предпочтения какому-либо из них.

Знание нескольких языков необходимо подрастающему поколению, потому что ему предстоит жить в открытом информационном и культурном пространстве.

Ценность полилингвизма хорошо осознаётся этническими меньшинствами. Для немногочисленных народов овладение языками становится основой адаптации в поликультурном обществе. Так было и с русским языком, когда болгарское население должно было им овладеть. Овладение русским языком позволило народу приобрести всеобщую грамотность и посредством его приобщиться к мировой культуре.

Сейчас двуязычие – это норма для культурной личности. Учащиеся Республики Молдова стремятся овладеть четырьмя языками согласно учебному плану. Это им необходимо, чтобы быть конкурентоспособными и свободными в выборе стиля жизни.

Мы стремимся к многоязычию как к способу для выживания, сохранения и продвижения личности. Расширяется мультикультурное образование. Пришло время поставить задачи, направленные на свободное овладение как минимум четырьмя языками.

Через многообразие языков для всех открывается богатство человеческого общества. Особенно сейчас, в наше время, когда мы переживаем новый глобальный культурный феномен – компьютерную революцию. Языковая компетенция требует знания английского языка как языка Интернета и межкультурной информационной коммуникации.

Родной язык как учебный предмет может выполнить свою образовательную функцию, если обучение будет качественным, учащиеся будут усваивать родной язык углубленно и всесторонне, если у них сформируется серьезное и ответственное отношение к нему. Родной язык должен иметь определенное место среди других изучаемых языков. Излишне говорить о том, что нельзя стесняться родного языка. Воспитывать любовь к родному языку не означает воспитывать националиста. Напротив, люди, которые хорошо знают другие языки, в боль-

шинстве случаев более патриоты, нежели те, которые пренебрегают этими знаниями.

В университет поступают студенты с различным уровнем владения болгарским языком (гагаузы, украинцы, молдаване, русские). С этими студентами и проводится большая индивидуальная работа.

В процессе обучения студенты должны научиться понимать устную болгарскую речь, выражать свои мысли в устной и письменной форме правильно и свободно, развивать свою языковую культуру и компетентность. Это требует от преподавателя уделять больше времени постоянному проведению лексической работы. В основе словарной работы лежат систематическое обогащение речевого запаса, использование незнакомых слов и понятий в устной и письменной речи, а также стилистическое употребление слов.

Для более эффективного овладения родным языком в условиях полилингвизма необходимо искать и использовать различные формы деятельности с целью недопущения учащимися ошибок в произношении, правописании и технике чтения; не допускать лексических и грамматических ошибок. Полезно использование языковых игр, которые формируют речевые навыки составления и редактирования текста, упражнений, формирующих интерес к семантической стороне слова, употребление одного и того же понятия на нескольких языках (болгарском, русском, молдавском, английском), что способствует развитию переводческих навыков.

Сегодня широко практикуется полилингвизм. Но как он отражается на эмоциональном и психическом состоянии учащихся? В педагогическом колледже было проведено исследование, цель которого - установить, каково состояние учащихся при изучении цикла языковых предметов.

Было установлено, что ученики испытывают отрицательные эмоции к учебной дисциплине «румынский язык». Это значит, что у них возникают трудности в усвоении этого языка. Каковы причины? Как достичь успеха? Но это уже отдельная тема.

Результаты исследования подтверждают, что большинство учащихся без затруднений усваивают нескольких языков, что дает возможность современной высокообразованной личности реализовать себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев Б.В.* Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965.
2. *Блягоз З.У.* Контактное обучение русскому и родному языкам в условиях двуязычия. Ростов-на-Дону, 1976.
3. *Воронин Б.Ф.* Ошибки в устной речи иностранца как психолингвистическая проблема // Психология грамматики. М., 1968

Славка ПЕТКОВА–МАРЧЕВСКА

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Прежде всего нам надо ответить на вопрос: нужна ли мультикультурность в музыкальном воспитании? Конечно, нужна, и эту необходимость легко доказать, если представить себе альтернативу – монокультурное воспитание в полиэтническом обществе. Она может быть реализована в двух вариантах: монокультурное музыкальное воспитание на основе родного фольклора или монокультурное музыкальное воспитание на основе культуры доминирующего (правлящего государством) этноса. И первый, и второй вариант приведут к капсулированию в границах одной культуры и индифферентности к другим. На этой основе могут вырастать пренебрежение и враждебность к проявлениям других культур. Чтобы уважать друг друга, надо уважать и понимать чужую культуру (включая и музыкальную), а понимание возможно только на основе знания.

Кроме языка матери существуют и материнские песни. С материнской песни ребенок учится ритмично двигаться, учится говорить и эмоционально общаться с матерью. С песнями он входит в жизнь. И конечно они становятся алфавитом, основой его будущего переживания и понимания музыки, а также и его музыкального развития. В каких бы экзотических культурах ребенок ни путешествовал в будущем, какие бы ультрасовременные музыкальные произведения он ни слушал или исполнял, всегда для него базой будет эта полученная в детстве родная музыкальная культура.

Материнские песни специфичны для данной культуры не только потому, что поются на родном языке, но и потому, что сама мелодия их содержит «характерные интонации – интонемы данного языка». Они составляют «интонационный словарь» соответствующий музыкальной культуре. Этот «интонационный словарь» (Асафиев, 1971г.) взаимосвязан с темпоритмами и с системой артикуляции самого языка. Поэтому необходимо, чтобы дети в достаточном объеме занимались музыкой родной культуры.

Музыкальное воспитание благоприятствует развитию мультикультурного мышления, потому что музыка всегда легче пересекает гра-

ницы, чем язык. Самая глубокая, самая древняя часть музыкального содержания по своей сути универсальна, понятна всем людям, несмотря на эпоху и культуру. А еще и потому, что почти невозможно осуществлять музыкальное воспитание на основе только одной музыкальной культуры, игнорируя все те духовные ценности других культур, которые уже стали достоянием мировой культуры.

Основой осуществления мультикультурного обучения может быть только взаимное уважение и равноправие культур. Потому что, на самом деле, нет такого критерия, такой меры, с помощью которой мы могли бы сравнить и оценить: эта культура великая, эта малая, а эта, так сказать, средняя. Ценность музыкальных культур заключается не в количестве людей, которые ими пользуются, не в количестве музыкальных произведений, которые созданы в пределах этих культур, а в том, какое значение они имеют для людей, пользующихся культурой. Если людям понятна знаковая система музыкально-выразительных средств, если они волнуются и глубоко переживают музыку – значит искусство выполнило свою основную цель. Такое искусство является истинным. Чем больше участвует музыка в жизни людей, чем больше она становится неотъемлемой частью каждого их дня, тем больше возрастает значение этой музыкальной культуры.

Но если мы говорим о мультикультурном музыкальном воспитании, это, бесспорно, означает присутствие в программе обучения музыкального материала, принадлежащего разным музыкальным культурам, и соответствующей им информации. Какими методами оно будет реализовано, как будет организовано и какими целями и задачами будет руководствоваться – это определяет и конечные результаты. Можно осуществлять мультикультурное музыкальное воспитание и сохранять в большей степени культурные различия, а возможно и стирать их, и тогда получится эклектическая смесь вроде глобальной культуры.

Стирание различий происходит, когда обучаемые изучают все культуры данного региона, но не могут понять, запомнить и исполнить произведения этих культур. В этом случае дети получают очень большой объем разнообразной музыкальной и вербальной информации, а уровень владения информацией очень низок, и они реально не могут ею пользоваться. Во избежание этого вначале надо усваивать хотя бы одну культуру, но результативно. Конечно, начинать музыкальное воспитание надо с родной культуры. Потом учащиеся получают знания о других музыкальных культурах.

Когда начинаем думать о реализации мультикультурного воспитания, мы видим несколько проблем, которые можно решить альтернативно:

- Первая из них – это язык преподавания. Лучше преподавание вести на родном языке.

- Вторая проблема состоит в том, каким будет процентное соотношение музыкального репертуара из разных культур. Естественно, что большая часть репертуара будет принадлежать родной культуре учащихся. А что же другие культуры? Хорошо, если в каждом регионе решат вопрос по-разному, в соответствии с местными условиями.

- На каком языке дети будут петь песни из других музыкальных культур? Самым лучшим было бы, если дети пели каждую песню на ее оригинальном языке.

- Как структурировать программу и репертуар? Из фольклора (всех культур этого региона), из духовной музыки (национальной и европейской), композиторского творчества (национального и европейского), популярной музыки и т.д. При всем этом разнообразии музыкального материала, на котором ведется обучение и воспитание, осуществлять одинаковые стандарты по сложности и степени владения музыкальными знаниями и умениями.

Как будет решаться вопрос с учебниками по музыке? Возможные варианты:

1. Национальный конкурс разных учебников;
2. Каждое национальное меньшинство само заботится об учебниках;
3. Каждый регион, каждый город, каждая школа могли бы сделать свою модель учебника и с согласия министерства применять его.

Вышесказанное относится к преподаванию музыки именно на уроках, где регламентация строже.

Легче и быстрее можно применять новое содержание и новые формы во внеклассной работе. Организационные формы здесь могут быть многообразными, мобильными и, таким образом, гибко отвечать на запросы детей, соответствовать их национальным традициям и индивидуальным способностям. Они позволяют сочетать коллективную и индивидуальную форму обучения, а также возможность включать в музицирование старших братьев, сестер, родителей. Все календарные народные праздники можно подготовить таким образом. Так их проведение исполнится особым энтузиазмом и волнением, внесет атмосферу настоящего фольклорного праздника.

Можно сказать, что внеклассная работа - самая подходящая форма для реализации мультикультурного музыкального воспитания. Только надо отметить, что, в сравнении с уроками, она не обязательна и не может охватить всех детей. Музыкальное воспитание, таким образом, можно превратить в действенный пример многоязычного и многокультурного школьного образования.

Надо принять во внимание и то, что в обществе вместе с процессом урбанизации протекает и другой процесс - уменьшение способностей традиционной бытовой культуры воспроизводиться (по обычным для нее путям и механизмам).

Этот процесс нарушения воспроизводства в конечном счете приведет к исчезновению этой культуры, если она не будет подкреплена и начнет воспроизводство другими механизмами и путями. Это можно сделать вместе с изучением родной культуры. Музыкальная бытовая культура является неотъемлемой частью родной культуры каждой национальной общности и вместе с другими компонентами бытовой культуры является носителем традиционных художественных, религиозных и моральных ценностей.

Если учесть и протекающий во всем мире процесс глобализации, становится ясно, насколько трудна и сложна сейчас ситуация в отношении культуры, в том числе и музыкальной. Везде электронные масс-медиа, звукозаписывающие компании и мировая сеть транслируют музыку, которая преследует прежде всего коммерческие цели.

В стремлении быть понятной многим людям коммерческая музыка очень часто становится до крайности примитивной и бедной художественным содержанием. Но ее слушают в основном дети и молодежь, и это сказывается на их музыкальных интересах, вкусах и ценностях.

Если нет стабильной системы своих художественных ценностей, нет критериев, человек слушает что попало, то есть музыку, у которой больше рекламы или атрактивных видеоклипов. Когда мы видим все это, нам надо с большим вниманием относиться к музыкальному воспитанию детей. Мы должны познакомить их с сокровищами родной и европейской культуры, помочь им определить свои критерии красивого, свой вкус, прежде чем они начнут путешествовать в мировом океане музыки. Без этого компаса им будет тяжело ориентироваться в бескрайнем многообразии стилей, жанров и музыкально-выразительных средств.

Мультикультурное воспитание будет возможно, только если будут существовать разные культуры, если мы их сохраним. И нам не надо об этом забывать. Нашим девизом должны стать слова: «Сохраняй различия!». И это относится к музыкальным диалектам в границах одной музыкальной культуры, к разным культурам в пределах одного государства, к культурам разных государств, находящихся в одном географическом регионе, и т.д. Многообразие является условием нормального функционирования искусства, его развития и процветания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л., 1971.
2. Кирнарская Д.К. и др. Психология музыкальной деятельности. М., 2003.
3. Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства на личность. М., 1999.

Лариса БОРТЭ

ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ ЕДИНЕНИЯ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» - самый значительный памятник древнерусской литературы той эпохи, когда Киевское государство населяла единая восточнославянская народность. Следует подчеркнуть – единая. Ведь, собственно, до XIV века восточные славяне составляли один народ, не разделенный еще на три – русский, украинский, белорусский. Об этом нередко забывают современные исследователи, когда рассматривают древние памятники XI-XIII веков, в первую очередь «Слово о полку Игореве» (XII век), как памятники только одной литературы, одного языка, одного народа. Подобный подход противоречит и исторической объективности, и основной идее «Слова о полку Игореве» - единению.

В древнерусских памятниках (в частности, летописях) общее Киевское государство восточных славян именовалось Русью, Русской землей, а народ, его населяющий, - русским, русичами. Древнерусская литература оставила богатое рукописное наследие книжно-церковного, делового, светско-литературного характера. Среди всех древних памятников «силой художественности» [1, с. 33], необыкновенным мастерством отличается «Золотое слово» литературы [2, с.3], рассказывающее о неудачном военном походе, - «Слово о полку Игореве», «неизменно современное» [Л. Дмитриев - 3, с.113]. «Неизменно современным» оно остается потому, что причина его написания, основная идея оказалась актуальной на все последующие времена.

Все крупные исследователи славянских языков занимались анализом этого памятника (свыше 1000 работ посвящено «Слову»), русские писатели и поэты – Н. Карамзин, В. Жуковский, А. Радищев, К. Рылеev, А. Пушкин, Н. Гоголь, А. Майков, А. Блок, И. Бунин, В. Брюсов, Н. Заболоцкий, А. Югов, А. Чернов, И. Шкляревский - изучали и переводили «Слово о полку Игореве». Памятник переведен не только на современные славянские языки, но на и все европейские, восточные (например, японский). Глубокий интерес к этому произведению вызван ставшей вечной его основной идеей и художественной стороной ее воплощения.

Несмотря на большую исследовательскую литературу о «Слове», целый ряд вопросов остается не раскрытым. К ним относятся проблемы: подлинность памятника, имя автора, «темные места» (разночте-

ния в написании и истолковании), жанр. Так как эти проблемы связаны с идейным и образным содержанием памятника, разъясним нашу позицию.

Памятник был обнаружен А. Мусиным-Пушкиным, историком, археографом, в 90-е годы XVIII века среди рукописей XVI века в Спасо-Ярославском монастыре, а издан в 1800 году с привлечением специалистов – Н. Карамзина, А. Малиновского, Н. Бантыш-Каменского. Его опубликование вызвало сенсацию. Некоторые филологи не могли поверить, что такой силы памятник был написан в XII веке (1185 г.). Почти два века велась полемика по этому вопросу. Но несомненные доказательства – цитаты из «Слова» в памятниках последующих веков – XIII, XIV, XV и детальные исследования его языковых особенностей, стилистической специфики в работах филологов-историков последнего времени (труды А. Зализняка) - не оставляют сомнений в его принадлежности XII веку.

Что касается автора «Слова», то, так как большое число древнерусских рукописей анонимно, можно принять утверждение А. Пушкина о том, что в XVIII веке не было такого мощного таланта в литературе, и рассуждения историка Древней Руси Б. Рыбакова, историков литературы А. Орлова, Л. Дмитриева, И. Творогова: неизвестный автор «Слова» принадлежал к окружению киевского князя Святослава и, очевидно, сам был участником похода на половцев. Сверхъоригинальные же мысли о том, что автором памятника был половец, а не славянин (наличие тюркизмов в языке), были доказательно опровергнуты Д. Лихачевым – «Догадки и фантазии в истолковании текста «Слова» о полку Игореве» (заблуждения О. Сулейменова) [4].

Памятник написан «сплошным текстом», без разделения на слова, поэтому до сих пор по-разному идентифицируются его языковые единицы: уже в самом начале – «Боянь... растъкашется мы-сь-ю по древу» - мыслью (белкой, мышью) или мыслию. Но, так как далее образный ряд продолжается – сьрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы»* [3], склоняемся к варианту: не абстрактное существительное «мысль», а наименование зверька не нарушает эстетического предпочтения автора.

Разнообразны позиции исследователей и в отношении жанра. Это поэма, стихотворный текст (упоминание автором древнего певца Бояна), воинская повесть (рассуждения автора: может, лучше выбрать манеру повествования «по былинамъ сего времени»), светское ораторское произведение (как «Слова») - религиозные памятники древнерусской гимнографии). Считаем обоснованной точку зрения Д. Лихачева: как и всякое талантливое произведение, «Слово» - неопределенного, не традиционного жанра (ср. роман в стихах «Евгений Онегин»,

роман-эпопея «Война и мир»), это книжное произведение, возникшее на основе устного народного творчества [2,4].

Сложности в исследовании «Слова о полку Игореве» вызваны глубоким своеобразием памятника, возвышающегося, как утверждал А.С. Пушкин, над всеми произведениями словесности, памятника, с которого началась восточнославянская художественная литература. На десяти страницах «Слова» изображена вся Русская земля XII века, ее бедствия, раздоры, история, природа. Исторические события представлены с лирической пронзительностью: текуть плъкы, отворяеши Киеву врата; вльци грозу въсрожать; древо с тугою къ земли преклонилось; тресну земля; на тоць животь кладуть, вбють душу от тьла.

В памятнике из 857 полнозначных слов 380 существительных, 145 прилагательных, 298 глаголов [1, с.82]. Это означает, что практически при каждом существительном свой глагол. Необыкновенная динамичность в изображении событий отличает «Слово», в нем все движется – полки, тучи, мысли. Редчайшее чувство языка присуще автору, точен и разнообразен подбор глаголов: струны славу рокотаху, крычать тьльбги полунощы; стязи глаголють; синии мльнии трепещуть.

Книжно-поэтические языковые средства сливаются с народно-поэтическими.

Риторические фигуры (О Русская земль! уже за шеломянемь еси!), метафоры – аллегории (копие приломити; испити шеломомь Дону) перемешаются с фольклорными постоянными эпитетами (сбрьи вьлкь, шизьи орел, зелена трава, сине море, чисто поле, быстра река, острый меч, студена роса, чьрный ворон), метафорами-олицетворениями (вьстала обида; ношь стонуци; земля тугою взыдоша; тьма свьтъ покрыла; прысну море). Природа сочувствует ратникам. Для каждой птицы, каждого зверя (их наличие – народно-поэтическая черта) автор подбирает особое наименование характерного для них действия и при этом ни разу не повторяется: лебедь кычить, соловеи ушекоталь, орлы клеткомь зовуть, дотлы тектомь путь кажуть, вороны граяхуть, галици говоряхуть, сороки трекотоша, лисицы брешуть, туры рыкають. Во всех случаях сильно выраженные аллитерации – яркая примета образного повествования.

Можно утверждать: со «Слова о полку Игореве» началась восточнославянская литература. Антитезы – особая изобразительная черта художественных текстов – пронизывают памятник. Здесь поражают те факты, что мысли автора о том, как побеждать, основываются на изображении неудачного похода, как достичь победы – на рассказе о поражении, как добиться свободы – на повествовании о плене, как сохранить веру в будущее – на описании плача Ярославны.

Необыкновенную художественную силу приобретает в памятнике

отмеченная всеми исследователями как основная идея единения. Призывы автора к князьям объединиться, а не враждовать требовали немалого мужества. Более того, автор стыдит князей за междоусобицы, за то, что они изменяют общему делу, предают Русь. Самое главное, он не ограничивается общими призывами к единению, как это представлено в большинстве древнерусских памятников, посвященных описанию военных походов и жизни князей. Автор «Слова» ищет, находит и необыкновенно эмоционально изображает причины бесчисленных княжеских раздоров, междоусобиц, укоряя каждого князя, раскрывая психологические черты характера каждого из них. Игорь и Всеволод ищут «чти и славы»; Олег Гориславич «мечемь крамому коваше»; Бориса Вячеславича «слава на судь приведе»; Рюрик и Давыд, их воины «по крови плаваша, рыкають, акы тури»; Осмомысл, князь галицкий, «отворяеши Киеву врата»; внуки Ярослава «понизили стязи свои»; Всеслав «въ ночь влькомь рыскаше», от него «часто бѣды страдаше». Итак, собственные, частные, а не общие, государственные интересы владеют князьями, каждый из них желает прославиться в одиночку, поэтому «про малое» «се великое» «мльвити» не последнюю роль играет их жадность, стремление как можно больше приобрести чужих земель, дани: «рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». Они «сами на себѣ крамолу коваши. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую».

Меткие характеристики каждого из князей облакаются в точные, не повторяющиеся слова - изобразительные средства: метафоры, эпитеты, сравнения, иронические, избочливающие приемы, антитезы, оксюмороны.

Все эти языковые и стилистические средства спустя века составят одну из сильнейших эстетических черт творчества великих славянских художников слова.

* *Вместо буквы «ять» в тексте используется «Ъ»*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обнорский С.П.* Слово о полку Игореве // Избранные работы по русскому языку М., 1960.
2. *Лихачев Д.* «Слово о полку Игореве» - героический пролог литературы. - Л., 1967.
3. «Слово о полку Игореве». Л., 1985.
4. *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1975.

Вячеслав ДОЛГОВ

ЮРОДСТВО ВЕРЫ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Раскол русской церкви XVII века стал одним из переломных событий в истории России. Постепенная утрата церковью былого авторитета во всех сферах жизни страны и ее граждан, падение нравственности среди служителей культа вызывали серьезную обеспокоенность в среде церковных иерархов и заставляли думать о необходимости проведения церковной реформы. Однако, патриарх Никон, собственно и осуществивший ее в марте 1653 года, разослав по церквям «память» с перечнем нововведений, руководствовался иными мотивами. Реформой он стремился укрепить позиции церкви – единственного института, нарушавшего в XVII веке принцип централизации, – и выдвинул доктрину («священство выше царства»), за которую через семь лет после восшествия на патриарший престол был осужден и выслан в Феррапонтов монастырь.

Не пожелавших принять нововведений, даже тех, что, по сути, касались внешней обрядовой стороны, презрительно называли «раскольниками». Оставшиеся верными древним церковным преданиям и обрядам, они называли себя православными старообрядцами, староверами или древлеправославными христианами.

Правительство жестоко преследовало людей старой веры: повсюду горели костры, сжигали сотнями и тысячами людей, резали языки, рубили головы, ломали клещами ребра, четвертовали; тюрьмы, монастыри и подземелья были переполнены. По настоянию московского патриарха Иоакима царевна Софья в 1685 году издала 12 статей, в которых старообрядцы называются «ворами», «раскольниками», «противниками церкви» и караются страшными казнями. Предписывалось бить кнутом и ссылать в отдаленные места тех, кто тайно будет «содержать» старую веру. Приказано было бить кнутом и батогами даже тех, кто окажет хоть какую-нибудь милость старообрядцам: даст поесть, испить воды. Установлено было ссылать и бить кнутом и таких людей, у которых старообрядцы приютились. Все имущество старообрядцев было приказано отбирать и отписывать великим государям. Укоренившийся с XVI века в русской культуре постулат о том, что «Москва – Третий Рим», приобрел в контексте этих событий своеоб-

разное наполнение. Положение, в котором оказались старообрядцы, напоминало положение христиан в Римской империи.

Однако никакие угрозы и опасности не заставили староверов ни замолчать, ни, смирившись, принять нововведения*. Сохраняя веру в действенность «живого» слова, в проповедях и обращениях к церковным иерархам и царям, письмах и публицистических сочинениях старообрядцы выражали свой протест и стремление к сохранению истинной веры. Непримиримость в борьбе за высшее (истинное, Абсолют), которая в связи с угрожающей опасностью казалась настоящим безумием, обличение пороков, мученичество, проповедничество, асоциальный статус и другие черты указывают на близость образа старовера с символической для русской духовной культуры фигурой юродивого. Известный культуролог А. М. Панченко отмечает: «В средневековой Руси юродство было институтом протеста. Кризис этого института начался тогда, когда протест достиг наибольшей силы и остроты, – в третьей четверти XVII в., в эпоху церковного раскола. Появилась оппозиционная старообрядческая партия, которая взяла на себя функцию обличения и тем самым в известном смысле ассимилировала юродивых... Как и в юродивых, так и в староверах власти не без оснований усматривали нечто общее» [1, с.150].

Стремление к сохранению истинного православия в контексте известных исторических событий заставило староверов скрываться, бежать в леса, пустынные и отдаленные местности, на окраины и за пределы Московского государства. Так общины староверов появились во многих странах, в том числе и в Молдавии. Одним из наиболее крупных поселений на севере республики является село Старая Добруджа. Исторически достоверным и полным описанием его образования на севере республики мы не располагаем. Но чаще всего сельяне, опрашиваемые студентами в ходе организуемых фольклорных экспедиций (в рамках учебной практики), которыми автор статьи руководит на протяжении пяти лет, рассказывают о том, что их предки переселились в село Старая Добруджа из Покровки. Затем по каким-то нам неизвестным причинам люди вынуждены были уехать в Сибирь (об этом также говорят информанты), а затем из Сибири снова вернуться в Старую Добруджу.

** Показателен в этом отношении пример известного идеолога «ревнителей древлего благочестия» протопопа Аввакума, которого никакие пытки и истязания, гонения, уговоры царя и бояр, обещания земных благ за отказ от своих убеждений так и не заставили прекратить борьбу против «блудни еретической». В своем житии он признается: «Держу до смерти, яко же приях».*

Накопленный фактический материал позволяет судить о своеобразии культуры староверов Старой Добруджи. Ее определяющими чертами являются глубокая связь религии с мировоззренческим и морально-нравственным аспектами жизни старообрядцев, со сферой их быта, обрядов и традиций. А.В. Карташов, осмысляя суть раскола, замечает, что в старообрядчестве «разрядилось то напряжение русского духа, которое сделалось осью его самосознания и сводилось... к мировой миссии охранения чистоты истины Православия» [2, с.52]. Эта «охранная» миссия, с одной стороны, проявляется в верности «истинному», т.е. дореформенному православию. Увидев в реформе Никона посягательство на изменение церковных установлений, обычаев и даже апостольских преданий Русской православной церкви, «ревнители древлего благочестия», повторимся, не приняли нововведений. И староверы Старой Добруджи, сохраняя верность заветам предков, до сих пор осеняют себя двоеперстным крестным знаменем, которое было принято на Руси от греческой православной церкви вместе с христианством и которое является частью святоапостольского предания; во время крещения, венчания и освящения храма делают обхождение по солнцу (а не против, как было указано в новых церковных книгах) в знак того, что идут за Солнцем-Христом; творят установленную с древних времен двойную аллилуйю и т.д.

«Охранная» миссия привела к дополнительной сакрализации объектов религиозного культа. Поэтому из поколения в поколение в Старой Добрудже передаются церковные книги (например, «Шестоднев», «Псалтыри» и др.), кресты, иконы. Так, один из респондентов, показав восьмиконечный серебряный крест, признался, что должен подарить его внучке на свадьбу как символ спасения.

Для староверов Старой Добруджи не характерно формальное, показное благочестие. Аскеза, проявляющаяся в требовании держать не только «великие» посты, но и соблюдать постные дни (среда и пятница), обязательное посещение церкви, неоднократная ежедневная молитва, подчиненность жизни во всем многообразии ее проявлений заповедям Бога и многое другое являются нормой бытования старообрядцев.

«Охранная» миссия и память о гонениях, ставших фактом истории церковного раскола, не позволили староверам «раствориться» в местах поселения, что привело к своеобразной культурной самоконсервации. Одним из ее условий стали характерная для психологии староверов вера в свою исключительность и восприятие окружающей среды, новой «родины» как враждебной. Все это проявлялось, в том числе, и в появлении целого ряда запретов и ограничений. Так, например, у староверов Старой Добруджи не было принято выбирать «суженого» за

пределами общины, а появившегося в семье ребенка с раннего детства приобщали к религии. Браки были возможны только в рамках общины, причем обычно соблюдался имущественный паритет.

Исторически обусловленная ситуация культурной самоконсервации позволяет понять, почему в ряду ценностных установок и норм поведения старообрядцев превалируют те, что были характерны для дореформенной России*.

К числу наиболее характерных следует отнести требование обязательного и беспрекословного подчинения воле старших. Возможно, именно поэтому до недавних пор самой распространенной формой брака был брак по воле старших (широко распространенный в России вплоть до XIX века), по сути лишавший молодых свободы выбора. Как призналась одна из респондентов, родители приехали за ней в поле, где она убирала хлеб, посадили в телегу и повезли домой. Ничего не объясняя, ее помыли, причесали, нарядили и повели в церковь, где она и узнала, что выходит замуж (было это в послевоенное время).

Проявлением этого принципа следует, видимо, считать и уважительное отношение к «домовладыке». Особый статус мужа подчеркивается даже в разнообразной церемониальной свадебной обрядности. Так, встречая жениха, невеста дарит ему платок (его следует расценивать как символическую эманацию ее самой; в России символом «девьей красоты» могла выступать, например, коса девушки, которую, обрезав на девичнике, мать дарит / «продавала» жениху), которым он отирал лицо и клал его в карман. При этом невеста отвешивала ему земной поклон.

Также характерна для староверов Старой Добруджи сакрализация женских волос (характерное явление древней и средневековой Руси). На определенном этапе обряда венчания волосы девушки староверы убирают под традиционный женский головной убор – кичку, без которой она больше никогда не сможет появиться в общественном месте.

Культурные «знаки» старой, допетровской России, этот сложный сплав христианского и языческого, отличают не только свадебную, но и родильную и похоронную обрядность старообрядцев. Так, например,

* На основе «Домостроя», ставившего перед собой цель регламентировать до мелочей поведение человека в сферах религиозной, общественной и семейной, можно получить достаточно полное об этом представление. Речь в этом крупном обобщающем предприятии XVI века, в самых общих чертах, шла о том, чтобы жизнь в ее общем строе и повседневном быту поднять до определенной идеальной нормы, которая предписывалась однажды закрепленной богоспасаемой традицией.

на свадебном «пиру» старообрядцев обязательно подается курица и лапша (древние символы плодородия и богатства, благополучия). В обрядах, связанных с рождением ребенка, заметны элементы апотропейной магии, призванной уберечь как роженицу, так и новорожденно-го от влияния нечистой силы. Обряд погребения, напротив, практически полностью пропитан религиозными воззрениями православия. Основная направленность обрядовых действий заключается в обеспечении воскресения из мертвых. Поэтому усопшего укладывают в гроб головой к иконам, на восток. И могилу роют таким образом, чтобы уложить его «лицом» на восток (символ грядущего воскресения).

Думается, даже такого краткого описания вполне достаточно для доказательства уникальности духовной культуры староверов Старой Добруджи. Поясним, что, говоря о культурной самоконсервации, мы не утверждали абсолютную невозможность ассимиляции. В ходе фольклорной практики в качестве респондентов намеренно избираются исключительно люди старшего и преклонного возраста. С их уходом из жизни эта уникальная культура, наверняка, будет в значительной мере забыта и утрачена, поскольку цивилизационные процессы, к сожалению, необратимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панченко А. М.* Юродство как общественный протест. // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.

2. Цитируется по изданию: *Зеньковский В. В.* История русской философии. – М., 2001 г.

Сайт

Андрея Николаевича

САВЕЛЬЕВА:

<http://www.savelev.ru>

Дина СТИЧ

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ГОВОРА СЕЛА ДОБРУДЖА

Русская диалектология является одной из значимых лингвистических дисциплин, играющих существенную роль в системе филологического образования. Базируясь на фундаментальной дисциплине «Введение в языкознание», диалектология способствует усвоению других лингвистических курсов специальности («Историческая грамматика», «Современный русский язык»).

В содержание данной дисциплины, помимо лекций, практических занятий, входит **диалектологическая практика** (совместно с фольклорной).

Задача проводимой практики сводится не столько к обработке фактического диалектного материала, сколько к закреплению и усвоению полученных знаний по данному курсу на лекциях и практических занятиях.

Такая установка обуславливает сам ход проведения диалектологической практики:

1-й этап – беседы с информантами с целью фиксации языкового материала;

2-й этап - обработка и анализ собранного языкового материала на базе записанных песен, сказы историй со слов информантов в соответствии с разработанной программой.

Идея введения в учебный план филологического факультета (специальности: «Русский язык и литература и румынский язык и литература»; «Русский язык и литература и английский язык») диалектологической и фольклорной практик была бы абсурдной и необъяснимой, если бы на территории Молдовы не находились села, где много столетий живут русские люди, поселившиеся здесь по разным причинам и сохранившие свои корни, обычаи, традиции и родной язык.

Одним из таких сел является село Старая Добруджа, расположенное в нескольких километрах от города Бельцы.

Село Старая Добруджа является как бы лабораторией кафедры русского языка и литературы по изучению особенностей этого русского говора. Студенты с преподавателями кафедры уже в течение шести лет изучают историю этого села, его обычаи, обряды, а главное – русский говор, который жители этого села сохранили, несмотря на цивилизационные процессы (школа, вузы, радио, телевидение, Интернет).

На базе этого диалекта студенты, обучающиеся по специальности «Русский язык и литература» с румынским и английским языками, пишут лицензионные работы, проводят научные конференции, участвуют в различных обрядах.

Язык села Старая Добруджа нами изучается на всех языковых уровнях:

1. На фонетическом – обработка и анализ особенностей говора позволили сделать вывод, что в области безударного вокализма после твердых согласных диалект характеризуется недиссимилятивным аканьем, то есть независимо от того, какой гласный звук находится под ударением (гласный нижнего подъема [а] или какой-либо другой), в первом предударном слоге носители этого говора произносят только звук [а]; после мягких согласных безударный вокализм характеризуется иканьем; в области диалектных особенностей согласных частотны такие фонетические особенности: г – фрикативный; заменяются согласные звуки [л, в] > [у]; вместо звука [ф] произносят сочетания [кв, хв]; четко различаются звуки [ч, ц].

2. На морфологическом уровне – формы Р., Д., Т. падежей в единственном числе у существительных женского рода, оканчивающихся на [-а], имеют одно и то же окончание [-и, -ы], которое соответствует окончанию Р.п. в современном русском литературном языке; окончание 3 лица у глаголов настоящего времени мягкое [-ит', -ет', -ат', -ут'].

3. На синтаксическом уровне также присутствуют диалектные особенности, хотя в меньшей степени, чем на фонетическом и морфологическом уровнях.

Наибольший интерес для нас представляют диалектные особенности и их своеобразие на лексическом уровне. Словарный состав современного русского языка на синхронном уровне представляет собой сплав лексических единиц, появившихся в русском языке в разное время и возникших в результате различных процессов, явлений, взаимодействий как языковых, так и экстралингвистических факторов. Это относится как к литературному языку, так и к его диалектам. Однако русский литературный язык и русские говоры, являющиеся составными частями русского национального языка, в значительной степени разнятся между собой: с одной стороны, соотношением слоев лексики, отражающих старинные формы быта, и всей остальной лексики, с другой – путями и сферами появления в лексике совершенно нового, причем в разные периоды, то есть в этих двух сложнейших аспектах единого национального языка причудливо переплетаются два уровня развития – диахронный и синхронный.

В русских говорах до сих пор сохраняется та лексика, которая в

далеком историческом прошлом отражала актуальные явления действительности, а поэтому входила в лексику общения носителей языка. Но на современном этапе эта лексика вышла из сферы активного употребления и связана лишь с прошлыми явлениями, обычаями, обрядами старины, в силу чего она обслуживает лишь очень узкую общность носителей языка.

Речь жителей села Старая Добруджа отличается особым колоритом, достигаемым с помощью местных слов, диалектизмов, которые отличаются разнообразием и четко отображают ту ситуацию, в которой находится человек. Диалектизмы говора живы и интересны: калитка – **фортка**, фартук – **запын**, кружка – **кварта**, коврик – **налавник**, нож – **резак**, простынь – **простилка**, комната – **хата**, покрывало – **рядно**, занавес – **кисия**, коридор – **сенцы**, кофта – **сачок**, стул – **лавка**, сундук – **скрыня**, платок – **шалейка**, мусор – **сметья**, ужин – **вечера**, пахать – **орать**, готовить – **стрипать**, крыша – **навес**.

Собранный нами языковой материал, его обработка и анализ позволили сделать вывод, что лексические диалектизмы исследуемого говора можно расположить в трех группах:

1 – лексемы, употребляемые в речи только людьми преклонного возраста: кофта – **сачок**, мусор – **сметья**, пахать – **орать**;

2 – лексемы, употребляемые в речи людьми не только пожилого возраста, но и носителями языка средних лет: нож – **резак**, простынь – **простилка**, фартук – **запын**, занавеска – **кисия**;

3 – лексемы, употребляемые носителями языка всех возрастов: старший – средний – молодежь – дети.

Наши наблюдения показывают, что третья группа диалектизмов представляет значительный пласт диалектной лексики, который замечен в речи людей разных поколений. Прежде всего, это касается той лексики, которая обозначает жизненно важные объекты или сферы деятельности людей этого села. В обиходной речи диалектизмы этой группы как бы выполняют функцию общепринятой нейтральной лексики, лексики, которая не вышла из речевого употребления людей и является основной речевой единицей, совершенно игнорируя при этом одну из важнейших функций диалектизмов – стилистическую маркированность: для создания комического эффекта, для воссоздания какого-либо обычая, обряда, для прагматологических целей (для воспроизводства соответствующей языковой среды, эпохи).

Проиллюстрируем это: для любого человека в жизни важным является его дом и все, что прилегает к нему. Наши наблюдения показывают, что, какого бы возраста не был человек, какое бы он не получил образование, откуда бы он не приехал, попадая в свой родной дом, он, естественно, переходит на диалектную речь и дом, его комнаты, пред-

меты обихода называет не словами русского литературного языка, а словами, которые он знает с детства, которым его научили мать, бабушка, дед: родная стихия домашнего очага заставляет его вспомнить речь детства.

Люди веками создавали свое жилище и приспособляли его к своему образу жизни. В «Повести временных лет» есть много слов, имеющих отношение к русскому народному жилищу XII века: **изба, печь, клеть, сени, палаты, фортка** - слова, которые через столетия по-прежнему живы и играют важную роль в жизни русского человека; важны они и для жителя села Старая Добруджа.

Мы принимаем во внимание, что лексику нужно рассматривать с точки зрения активного и пассивного словаря языка, что диалекты входят в пассивный словарь, однако наши наблюдения позволяют нам утверждать, что диалектизмы, обозначающие все, что касается жилья человека, его жизни в нем, в исследуемом говоре являются не пассивной, а активной лексикой.

Проанализируем. В этом селе все открывают не калитку, а **фортку**; входят не в дом, а в **избу**; со двора заходят не в коридор, а в **сенцы**; открывают дверь не в комнаты, а в **хаты** (одна хата, другая хата, большая хата, маленькая хата...); хранят утварь не в кладовке, а в **клетях**; сядут не на стул, а на **лавку**; откроют не сундук, а **скрыню**; подадут пить не из кружки, а из **кварти**; пригласят не на ужин, а на **вечеру**.

Проанализируем некоторые из приведенных диалектизмов с точки зрения их содержания и истории, используя «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля. Цель анализа диалектных лексем - показать, что слова русского говора русского села Старая Добруджа, расположенного в другом государстве, в Молдове, описанные в XIX веке русским исследователем В. Далем, своими корнями уходят в глубокую древность русской народности и за тысячу верст от России жители маленького села хранят русскую речь и русскую самобытность.

Изба. Главной частью любого крестьянского дома была комната с печью. Лексема **печь** и дала название всей постройке - **изба**. «Догадлив крестьянин, на печи избу поставил», - гласит русская пословица. Действительно, печь - душа любого дома: без печи нет избы. Слово изба произошло от древнерусского [и с т ь б а] (истоп/ка).

В. Даль в «Толковом словаре» слово изба сопоставляет с лексемой **истопка** и дает следующее объяснение: крестьянский дом, хата; жилой деревянный дом; жилая комната и т.д. (с.11, т. 1) Необходимо отметить, что лексема изба характерна для русских говоров и северного, и южного наречий, и среднерусских переходных говоров: различия

в типах жилой постройки, представляющие существенные этнографические признаки населения различных территорий, не отразились на названии данного референта.

Кварта – мера жидкостей, штоф, кружка (т. I, с. 103).

Лавка (лава) – скамья, доска для сиденья вдоль стены; ... скамья, переносная доска на ножках (т. II, с.131).

Скрыня (скрыть) - укладка, сундук, коробья; ларец; ларь (т. IV, с. 209).

Хата – юж. зап. 1) Хатка, хаточка, хатина, хатинка, хатица; изба, домишка, халупа; хата бывает плетневая, камышовая, лампачная, бревенчатая; 2) Вятск. горница, комната; 3) Тверск. изба, зимовка.

Интересна история лексемы **хата**. В. Даль отмечает в «Словаре», что это слово в южнозападных русских говорах выступает в своем основном значении – дом, а в северных говорах (Вятка) эта лексема имеет значение горница, комната, то есть то значение, которое имеется в говоре Старой Добруджи.

Известно, что и в говорах Сибири лексема хата выступает в том же значении, что и в северных говорах – **горница, комната**.

Анализ диалектных особенностей языка Старой Добруджи на всех языковых уровнях позволяет сделать вывод, что говор этого села относится к южновеликорусскому наречию. Однако некоторые (очень редко - хата, например) факты свидетельствуют, что в речи носителей языка этого говора присутствуют лексемы северного или сибирского происхождения. Факты такого рода позволили нам уточнить гипотезу, которая расширяет представление об истории жизни населения села: известно, что в XIX веке из южных губерний России от религиозных преследований предки жителей Старой Добруджи вынуждены были переселиться в другие места, в частности, в с. Покеровку (Молдова); в начале XX века часть людей переселилась из Покеровки в Старую Добруджу. Однако, можно предположить, что затем по каким-то причинам люди вынуждены были уехать в Сибирь (об этом говорят информанты), а затем из Сибири – снова в Старую Добруджу. Таким образом, языковой материал позволяет уточнить путь создания села.

Исследуя особенности языка Старой Добруджи в соответствии с современным русским языком, мы пришли к выводу, что, безусловно, диалектные особенности говора, как и повсюду, стираются, что словарный состав носителей языка меняется, но тем не менее язык этого села по-прежнему уникален и хранит еще много языковых тайн.

Елена СИРОТА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА СЕЛА ДОБРУДЖА В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОПРАВДАНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ МИРА ЕГО НОСИТЕЛЯМИ

«Языковая картина мира представляет собой огромную многослойную "мозаичную субстанцию", в которой каждая из частей требует к себе пристального внимания и детального, скрупулезного описания»[1, с.89].

Особое место в общей языковой картине мира занимают говоры, черты которых отражают характер носителей языка, их восприятие действительности, понимание жизненных явлений. Даже далекая от содержательной стороны жизни фонетика способна передать условия формирования народа в определенном регионе.

При описании фонетических особенностей того или иного диалекта на территории Молдовы возникает множество проблем, которые трудно разрешить из-за малого количества записанных текстов. Здесь приходится считаться с фактом неполной фиксации тех или иных черт, малым числом речевых образцов, некоторой стереотипностью, скрывающей горящего, «маскирующей» его наличием определенных форм, принятых у более старшего поколения.

Можно отметить также довольно узкий спектр тем устной речи, обусловленной некоторой ограниченностью общения, неполноту и случайность многих словесных и звуковых фиксаций. Важно учитывать органическую связь говора с историей и культурой народа, обусловленность эволюции речи своеобразием социальной, экономической, культурной жизни его носителей. Нельзя не согласиться с мнением В.К. Журавлева, считающего, что под влиянием культурно-исторических факторов могут происходить языковые и – шире – ареальные мега-социальные изменения [2, с.82].

При изучении фонетических особенностей говора с. Добруджа основным источником явились непосредственные записи живой устно-разговорной речи носителей говора, сельских жителей этой местности. Говор представляет собой единицу диалектного членения языка. Он реализуется в речи жителей одного населенного пункта (реже не-

скольких). Описывая говор, мы фиксируем его синхронное состояние. Это не означает, что то или иное синхронное состояние фонетической системы внеисторично. «Не только "диахрония", но и "синхрония" - ... всегда "хрония" - писал А.А. Реформатский. – Любая синхрония... исторична, исторически реальна и идиоматична индивидуальному языку для данного места и времени»[3, с. 38].

Обратим внимание на особенности безударного вокализма исследуемого говора. Согласно нашим наблюдениям, к особенностям безударного вокализма после твердых согласных можно отнести аканье. Аканьем в узком смысле слова называют неразличение гласных фонем [o] и [a] в безударных слогах. Акающие говоры подразделяются с точки зрения того, всегда ли в первом предударном слоге на месте "o" и "a" появляется звук, близкий к "a", или же могут быть и другие звуки. В значительной части, если не в большинстве акающих русских говоров, постоянно в этом положении наблюдается "a" или звук, близкий к "a". В некоторых же говорах характер гласного первого предударного слога зависит от того, какой гласный находится под ударением. В этих говорах "a" в первом предударном слоге появляется лишь в тех случаях, если в ударном слоге любой другой гласный, кроме "a". Если же под ударением "a", в первом предударном слоге - "ы" или редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема - "ь". Наблюдается диссимиляция, расподобление по качеству между ударным и предударным гласными: под ударением "a" - в первом ударном слоге не "а", под ударением не "a" – в первом ударном слоге "a". Аканье, при котором отмечены подобные отношения, называется диссимилятивным аканьем. Аканье же, при котором в первом предударном слоге на месте "o" и "a" постоянно появляется "a" или гласный, близкий к нему, называется недиссимилятивным аканьем. Проследим с этой точки зрения специфику данного говора: [у а в а р и л] – [a] [и]; [н а ч а л а с'а] – [a] [a]; [у а л а д о ф к у] - [a] [o]; [у а р' и ш' е] - [a] [и]; [ч' а т ы р' е] - [a] [ы]; [н а – р а м ы н с к а м] - [a] [ы]. Анализ фактического материала показал, что из тридцати восьми фактов в двадцати пяти случаях в первом предударном слоге после твердых согласных прослеживается звук [a], а в тринадцати случаях - [o]. Следовательно, сделаем вывод, что этот говор является акающим. В двадцати пяти случаях в первом предударном слоге после твердых согласных прослеживается гласный [a]. Гласный [a] наблюдается в первом предударном слоге, в то время как под ударением находятся другие звуки. Такая соотнесенность звуков в первом предударном слоге и под ударением позволяет заключить, что говору с Добруджа свойственен такой тип безударного вокализма после твердых согласных, как недиссимилятивное аканье, или сильное аканье.

Говоры с сильным аканьем распространены в восточной части южновеликорусского наречия, их граница, теперь проходящая по восточным районам Калужской, Орловской, Курской областей, постепенно отодвигается к западу. Исследователь Н.А. Мещерский отмечает, что распространение сильного аканья за счет диссимильятивного объясняют морфологическим выравниванием форм [4, с. 101]. Недиссимильятивное аканье характерно и для московского говора и является нормой современного русского литературного языка. Это позволяет предположить, что жители этого региона исторически были тесно связаны с южнорусским наречием, граничащим со среднерусским диалектом.

С исторической точки зрения аканье представляет собой явление более позднее, чем оканье. До возникновения аканья все древнерусские говоры были по существу окающими.

В исследуемом говоре сохраняется, хотя и редко, "о" в первом предударном слоге в положении перед слогом с "о", например, [д о р о у о і], [п о с о д и т], [р о б о т а]. Говоры с таким произношением представляют позднейший этап перехода от оканья к аканью.

Значительно большим изменениям подвергаются безударные гласные после мягких согласных. Для всех акающих говоров существенно, что гласные "е, о, а" отчетливо различаются под ударением, в первом же предударном слоге на их месте проявляется один и тот же гласный, или же, если и могут наблюдаться разные гласные, то одни и те же гласные на месте любого из указанных гласных, различающихся под ударением. В акающих говорах может встречаться иканье, яканье (сильное, умеренное, диссимильятивное), реже еканье.

Проанализируем следующие факты: [т'и п'е р'а ч'а] [и] [е]; [м'и н'е] [и] [е]; [р'и б'а т а] [и] [а]; [н'и м а] [и] [а]; [д'и ф ч'а т] [и] [а]; [в' и д а т'] [и] [а]; [т'и п'е р'] [и] [е]; [в'и ч'о р] [и] [о]; [б р'и х л'и в а] [и] [и]. Наблюдаем произношение в первом предударном слоге [‘и] на месте гласных неверхнего подъема независимо от качества следующего гласного или согласного. Такое произношение называется иканьем. Оно распространено в большинстве средневеликорусских говоров и свойственно современному русскому литературному языку, почему и встречается главным образом в говорах вокруг крупных культурных центров. Это своеобразная обратная сторона сильного яканья – с последовательным совпадением всякого предударного неверхнего гласного после мягкого согласного в одном звуке, но только не в [‘а], а в [‘и]. Здесь имеет место совпадение с реализацией безударных гласных в безударных слогах, кроме первого предударного.

После отвердевших шипящих и "ц" наблюдается та же реализация гласных, что и после мягких согласных. Основное направление изменения вокализма после отвердевших согласных заключается в выравни-

нивании по типу аканья, свойственного данному говору, другими словами, происходит перегруппировка предупредного вокализма после шипящих и "ц" по типу твердых согласных. Одновременно происходит артикуляторный сдвиг гласного назад [e >a] [ж е н а] >[ж а н а]. Все это усложняет картину реализации безударных гласных после отвердевших шипящих, увеличивая количество разновидностей звуков в предупредном слоге, именно после шипящих и "ц".

Текст № 1 (информант 1924 г.р.; запись 1997)

[у о д а] [т а у д а]

Текст № 2 (информант 1925 г. р; запись 1997)

[п о з а б ы л'и] [а т у а н'а й е т]

Текст № 3 (информант 1924 г. р.; запись 1998)

[м а х р а м'и] [н а у а т о в'и л а]

Текст № 4 (информант 1930 г. р.; запись 2001)

[а н ы] [ж а н а]

Текст № 5 (информант 1928 г. р.; запись 2005)

[т'и п'е р'а ч'а] [м'и н'е]

Текст № 6 (информант 1930 г. р.; запись 2006)

[д'и ф ч'а т] [с'и л а]. [т'и п'е р']

Исследуя тот или иной говор, лингвист решает частные, но важные задачи путем анализа фактов конкретных звуковых изменений, сбора, систематизации и осмысления новых фактов, необходимых для выявления интегративных связей как в плане синхронии, так и в плане диахронии. Так можно проследить взаимосвязь и взаимообусловленность фонетических явлений, реконструировать эволюцию фонетической системы говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятина М.Н.* К проблеме описания функционально-семантического поля в синхронии и диахронии // Филологические науки, 2001, № 4.
2. *Журавлев В.К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
3. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1960.
4. *Мещерский Н.А.* Русская диалектология. М., 1972.

Владимир БРАЖУК

СЛАВЯНСКАЯ СИМВОЛИКА «ДОМА» В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

В одном из лучших романов XIX века – «Обломов» А.И. Гончарова, который принято считать художественным воплощением ментальности русского человека, особое место занимает славянская символика. Богатство образа определяется его многозначностью, множеством предметно-смысловых связей как внутри, так и за пределами текста: «Структуру образа определяет читатель, расширяя или, напротив, сужая текстуальную базу интерпретации» [1, с.8]. Для того чтобы более полно раскрыть художественный образ Обломова, необходимо учитывать и символику романа Гончарова. Категория символа в искусстве близка категории образа. Категория символа соотносится с категориями художественного образа, с одной стороны, и "знака" – с другой: «В широком смысле можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» [2, с.378]. Символ есть образ, в котором всегда присутствует определенный смысл, слитый с образом, но несводимый к нему. «Переходя в символ, образ становится "прозрачным"; смысл "просвечивает" сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого вникания» [2, с.378]. Иными словами, смысловая структура символа многослойна, символ наделен огромным множеством значений (по сути дела – неисчислимым).

В символическом образе открываются многие планы, которые воспринимаются читателем в зависимости от его жизненного опыта. Интерпретация символа рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего, потому что основная особенность символов в том, что они возникают не только в тех текстах, где мы их находим, но и восходят к древним представлениям о мире, к мифам, обрядам, литературно-историческим текстам. Для интерпретации символа необходимо учитывать как контекстуальные, так и интертекстуальные (межтекстовые) связи произведения.

Символ "дома" является одним из определяющих в художественной литературе. И нередко то или иное литературное произведение с композиционной точки зрения полностью построено на данном символе. Интертекстуальная символика "дома" помогает раскрыть художественные образы и идею произведения.

С образом дома связано понимание всего родного и близкого для человека: семья, род. По этой причине еще в самые древние времена изба, дом имели огромное значение для человека. Изба, по наблюдению А.Н. Афанасьева, "была первым... храмом". Поэтому слово "хоромы" (дом, жилище, изба) довольно близко по своим семантическим признакам лексеме "храм" (священное место). Образ дома в полном объеме раскрывает свою символическую нагрузку благодаря единству сопряженных ему мотивов единения, тепла, уюта, родства. Дом в народной культуре - средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков). Дом, сооруженный руками хозяина или его родителей, воплощает идею семьи и рода, связи предков и потомков.

Важнейшая символическая функция дома – защитная. В былинах и сказках человек укрывается в доме от преследующих его врагов, которые не в силах переступить порог. Ворота, порог, окно – символическая граница между домом и внешним миром, между своим, освоенным пространством и чужим.

Части дома символизируют его сакральный центр. Наиболее почитаемыми местами являются красный угол, печь, стол. Красный угол – это часть дома, где висят иконы и стоит стол; это наиболее парадное и значимое место в жилище. «Красный угол обращен, как правило, на юг или восток, что вводит его в круг пространственных и религиозно-этических представлений, связанных с дневным путем солнца. ...Место за столом в красном углу считалось наиболее почетным» [3, с.233].

Самым священным местом в доме у славян всегда был очаг. «Изба, в древнем языке Нестора, – истопка, происходит от глагола "топить"» [4, с.67]. Поэтому нетрудно объяснить связь "дома" и "огня", символизирующего всякое тепло, жизнь и воскрешение. Не случайно, по преданиям, когда кто-нибудь из членов семьи отправлялся в дорогу, то теплое влияние очага следовало за странником и оберегало его в чужой стороне на протяжении всего пути.

Печь является одним из сакральных центров дома, это наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода. Печь противопоставлена красному углу, в котором хранятся иконы, и человек предстает перед лицом Бога. В печи готовят пищу, на ней спят, а в некоторых регионах используют также и в качестве бани, с ней по преимуществу связана народная медицина. «Символика печи отнесена главным образом не к сфере ритуального или этикетного поведения человека, а к его интимной, "утробной" жизни в таких ее проявлениях, как соитие, дефлорация, развитие плода, рождение и, с другой стороны, агония, смерть и посмертное существование. Печь играет особую

символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместительница пищи или домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом отношении соотносена со столом» [3, с.310].

Стол – предмет особого почитания. Стол, стоящий в красном углу, составлял неотъемлемую принадлежность дома; например, при продаже дома стол обязательно передавали новому владельцу. Такие свойства стола, как его неподвижность и неотделимость от жилища, используются в ряде обрядов. «Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определялось его уподоблением церковному престолу. Формулы "стол – это престол" и "стол – это престол Божий" известны у всех восточных славян. ... У славян на столе постоянно находился хлеб, что как бы превращало его в престол. Постоянное пребывание хлеба на столе должно было обеспечить достаток и благополучие дома» [3, с.367].

Повседневный или праздничный прием пищи – еда, трапеза – играют важную символическую роль у многих народов. Трапеза обставляется как своеобразный ритуал, призванный выявить внутреннюю структуру коллектива, утвердить единство и солидарность собравшихся за одним столом и пищей людей перед лицом высших сил. Наиболее почетным считалось место во главе стола, в красном углу под иконами. Следили, чтобы хозяин сидел не в самом углу под иконами, а немного отодвинувшись, оставляя место для Бога.

Наиболее сакральной пищей у восточных славян считается хлеб: символ достатка, изобилия, счастья и благополучия дома. Хлеб – это дар Божий и одновременно самостоятельное живое существо или даже образ самого божества. Требуется к себе особого почтительного и почти религиозного отношения. «Что касается специально испеченного сакрального хлеба-пирога, то он является неизменным атрибутом очень многих календарных и семейных праздников (рождественский пирог "чесница" у сербов, пасхальный "кулич", или "пасха", у восточных славян, свадебный "каравай" у восточных славян). К этому же кругу явлений относятся и русские блины, обязательные на масленицу и на поминках» [3, с.25].

Вторым по сакральности продуктом после хлеба у восточных славян была соль. Выражение "хлеб-соль" было обобщенным названием угощения. Приглашение на "хлеб-соль" являлось формулой приглашения на пир. Пришедшего в дом за каким-нибудь делом старались непременно попотчевать хлебом-солью, причем отказать считалось чрезвычайно неприличным. По пословице, "от хлеба-соли и царь не отказывается".

Дом, очаг – это то начало, которое объединяет людей в семью, в сообщество, связанное родственными узами. Именно эта символика

определяет истоки главного образа в романе «Обломов». Воспитанный у родного очага в Обломовке, «среди кротких и теплых нравов и обычаев родины, переходя в течение двадцати лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых» [5, с.56], Обломов был глубоко «проникнут семейным началом» [5, с.56] и всегда тосковал по нему. «В его мечтах живет образ очага, вокруг которого строилась бы вся его жизнь, жизнь его друзей, родных. Поклонение огню домашнего очага в доме Обломовых Гончаров сравнивает с поклонением огню Весты. Другого огня обломовцы не знали и не хотели знать» [6, с.23].

В доме на Гороховой обломовская идиллия не достижима. «Управляющий говорит, что чрез две недели рабочие придут: ломать все будут... Мне что за дело? Ты не беспокой меня, а там как хочешь, так и распорядись, только чтоб не переезжать. Не может постараться для барина! – Да как же, батюшка, Илья Ильич, я распоряджусь? – начал мягким сипеньем Захар. – Дом-то не мой: как же из чужого дома не переезжать, коли гонят? Кабы мой дом был, так я бы с великим моим удовольствием» [5, с.14].

Вообще в Петербурге не возможен дом героя. Это видно из бесед Обломова с Волковым, который описывает прелесть питерских домов, где все веселятся и суетятся бесконечно. «Что это вы оставили князя? Какой веселый дом! На какую ногу поставлен! А дача! Утонула в цветах! Галерею пристроили, gothique. Летом, говорят, будут танцы, живые картины. Вы будете бывать? – Нет, я думаю, не буду. – Ах, какой дом! Нынешнюю зиму по средам меньше пятидесяти человек не бывало, а иногда набиралось до ста... – Боже ты мой! Вот скука–то должна быть адская! – Как это можно? Скука! Да чем больше, тем веселей» [5, с.17]. Волков описывает Обломову светские дома, роскошные салоны, известные в аристократическом и чиновничьем Петербурге: дом Тюменева, дом Муссинских, дома Савиновых, Вязниковых, Маклашиных, а за ними – балы и торжественные обеды, но герой абсолютно спокоен, потому что в этих домах нет идеи счастливого семейного гнезда, где царит тепло, уют, интимность, идиллия, покой. «Одна из животрепещущих проблем, решаемых в романе через судьбу главного героя, это как раз проблема своего дома, своего пристанища, своего угла, собственного гнезда. ...Обломовка породила, выпустила в жизнь своего питомца, который, оперившись, ежечасно тоскует и мечтает о ней, но не знает туда обратной дороги» [7].

Об обломовской, райской, идиллической жизни и мечтает Обломов. У него одно желание: вырваться из городской суеты и вернуться в мир детства, тепла, заботы, семьи. Построить свой дом, где он будет жить с любимой женой и детьми и где будет встречаться с друзьями и вести с ними долгие приятные беседы. «Измученное волнениями или вовсе незнакомое с ними сердце так и просится спрятаться в этот

забытый всеми уголок и жить никому неизвестным счастьем. Все сулит там покойную, долговременную жизнь до желтизны волос и незаметную, сну подобную смерть» [5, с.103].

На вопрос Штольца, каков же, по его мнению, идеал и норма жизни, Обломов подробно описывает свою давнюю мечту. И начинает с главного: «Уехал бы в деревню... с женой... в новый, покойно устроенный дом... В окрестности жили бы хорошие соседи» [5, с.183]. Деревня, жена, дом, друзья – основа идиллической мечты Обломова. Далее в разговоре со Штольцем он детально описывает свой день в этом райском уголке. «Ну вот, встал бы утром, – начал Обломов, подкладывая руки под затылок, и по лицу разлилось выражение покоя: он мысленно был уже в деревне. – Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, – говорил он, – одна сторона дома в плане обращена у меня балконом на восток, к саду, к полям, другая – к деревне. В ожидании, пока проснется жена, я надел бы шлафрок и походил по саду подышать утренними испарениями; там уж нашел бы я садовника, поливали бы вместе цветы, подстригали кусты, деревья. Я составляю букет для жены. Потом иду в ванну или в реку купаться, возвращаюсь – балкон уж отворен; жена в блузе, в легком чепчике, который чуть-чуть держится, того и гляди слетит с головы... Она ждет меня. "Чай готов", – говорит она. – Какой поцелуй! Какой чай! Какое покойное кресло! Сажусь около стола; на нем сухари, сливки, свежее масло... Потом, надев просторный сюртук или куртку какую-нибудь, обняв жену за талью, углубиться с ней в бесконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать, считать минуты счастья, как биение пульса; слушать, как сердце бьется и замирает; искать в природе сочувствия... и незаметно выйти к речке, к полю... Река чуть плещет; колосья волнуются от ветерка, жара... сесть в лодку, жена правит, едва поднимает весло...» [5, с.184]. Жена, природа, еда, простор, свобода. Нет забот, страстей, волнений. Природа и человек едины. Гармония и счастье во всем. В мечте Обломова нет места дождю, ненастью, холоду, голоду, сжигающим страстям, нет места тесному фраку и городской суете, нет мыслей о труде и работе. В его мире царят покой, сытость, солнце, тихая и нежная любовь. Природа, дом, семья, друзья, еда – идиллические константы обломовского счастья, нельзя исключить, отказаться хотя бы от чего-то одного. Все составляющие мечты тесно переплетены и связаны друг с другом. Без идиллического пейзажа нет семейного счастья, а семейное счастье, в свою очередь, по Обломову, возможно только в таком пейзаже, в единстве с природой. Без дома нет семьи, а без семьи невозможно существование дома, без семьи нет радости от еды и от друзей. «А на кухне в это время так и кипит; повар в белом, как снег, фартуке и

колпаке суетится; поставит одну кастрюлю, снимет другую, там помешает, тут начнет валять тесто, там выплеснет воду... ножи так и стучат... крошат зелень... там вертят мороженое... До обеда приятно заглянуть в кухню, открыть кастрюлю, понюхать, посмотреть, как свертывают пирожки, сбивают сливки. Потом лечь на кушетку; жена вслух читает что-нибудь новое; мы останавливаемся, спорим... Но гости едут, например ты (Штольц) с женой... Еще два, три приятеля, все одни и те же лица. Начнем вчерашний, неконченный разговор; пойдут шутки или наступит красноречивое молчание, задумчивость – не от потери места, не от сенатского дела, а от полноты удовлетворенных желаний, раздумье наслаждения... Не услышишь филиппики с пеной на губах отсутствующему, не подметишь брошенного на тебя взгляда с обещанием и тебе того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорош, с тем не обмакнешь хлеба в солонку. В глазах собеседников увидишь симпатию, в шутке искренний, незлобный смех... Все по душе! Что в глазах, в словах, то и на сердце!» [5, с.185]. Обломовский мир – искренний, честный мир, здесь не надо лгать, врать, лицемерить, приспосабливаться. Еда объединяет всех за одним столом, и семью, и друзей. Все собираются за одним столом не ради выгоды, как это делается в Петербурге, когда поездка в Екатерингоф на общее гуляние – необходимый ритуал вежливости, а потому что любят друг друга искренно и хотят за одним столом разделить радость семейного счастья, удовлетворить свои желания и насладиться разговорами, шутками, молчанием. (Вспомним разговоры, шутки, смех, молчание в один из вечеров в Обломовке, когда говорят обо всем и в то же время ни о чем, когда подолгу молчат, когда смеются долго, "как олимпийские боги", по поводу катания три года назад на салазках. «Такой "сопряженный с открыто-доверительным общением людей" смех свидетельствовал об "идиллическом потенциале жизни". Смех в этой жизни – радостное ощущение своего "равновесия" в этом мире или радостное переживание победы над страхами» [8, с.7]). Единение человека, природы, еды достигает своего апогея к вечеру. «Потом, как свалит жара, отправили бы телегу с самоваром, с десертом в березовую рощу, а не то так в поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры и так блаженствовали бы вплоть до крошки и бифштекса» [5, с.186].

Всю свою сознательную жизнь Обломов живет в чужих домах. Новый дом для героя обозначает не просто постройку здания. Мечта о доме – это мечта о покое, о семье, о райской жизни. Но невозможно остановить время, вернуться в детство, построить семейный рай на земле, а следовательно, невозможно и обретение счастья и воплощение мечты Обломова. В реальности для дома и семьи надо трудить-

ся, зарабатывать деньги, а это значит, по Обломову, всю жизнь суе- титься, бегать, искать, приспособливаться. Следовательно, нет и не может быть дома у Обломова здесь и при таких условиях. И только в мечтах возникают видения о потерянном рае, и только в мечтах Об- ломов бывает по-настоящему счастлив, потому что там находит то, чего не хватает в жизни: тепло, добро, любовь, понимание, дом, жену, детей. «Лицо Обломова вдруг облилось румянцем счастья: мечта была так ярка, жива, поэтична... Он вдруг почувствовал смутное желание любви, тихого счастья, вдруг зажаждал полей и холмов своей родины, своего дома, жены и детей... Лицо его сияло кротким, трогательным чувством: он был счастлив... Он думал о маленькой колонии друзей, которые поселятся в деревеньках и фермах, в пятнадцати или двадца- ти верстах вокруг его деревни, как попеременно будут каждый день съезжаться друг к другу в гости, обедать, ужинать, танцевать; ему видятся все ясные дни, ясные лица, без забот и морщин, смеющиеся, круглые, с ярким румянцем, с двойным подбородком, с неувядающим аппетитом; будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да слад- кая лень... – Боже, боже! – произнес он от полноты счастья и очнулся. А тут раздался со двора в пять голосов: "Картофеля! Песку, песку не надо ли? Уголья! Уголья!.. Пожертвуйте, милосердные господа, на построение храма господня!" А из соседнего, вновь строящегося дома раздавался стук топоров, крик рабочих. – Ах! – горестно вслух вздох- нул Илья Ильич. – Что за жизнь! Какое безобразие этот столичный шум! Когда же настанет райское, желанное житье? Когда в поля, в родные рощи?...» [5, с.78]. Мысли, чувства героя, его внутренний мо- нолог сливаются с авторским повествованием, вначале полностью по тональности совпадающим с монологом героя, а затем неожиданно перерастающим в иронию: действительность вновь воспринимается героем как зло, препятствие его идеалу. В приведенном отрывке осо- бенно ярко видна противопоставленность внутреннего пространства мечты Обломова внешнему пространству окружающей его повсед- невной жизни. За окном кипит жизнь, строятся дома, но это не есть рай, это "безобразие", нарушающее счастье сна и мечты, в которой, как в сказке, дома уже построены, нет криков, бега, суеты. Не случай- но возникает антитеза раю – ад, в моменты прихода к Обломову гост- ей, когда они описывают питерскую жизнь. На рассказы Волкова о веселье в знатных питерских домах с большим количеством пригла- шенных, Обломов говорит: «Вот скука-то должна быть адская!» [5, с.17]. Один из персонажей, Судьбинский, о своей деятельности гово- рит: "дьявольская служба", "адская работа" [5, с.20].

Но чем больше желание вырваться на простор родных полей, тем более и более сужается пространство вокруг Обломова. Так, из боль-

шого имени в Обломовке он попадает в дом на Гороховой, затем летняя дача, после - домик Пшеницыной и, в конце концов, гроб – последний дом, где нет простора, но есть покой.

В доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной горит огонь очага, она - хранительница его. Служение дому и служение Обломову для нее сливаются в одно. А в ветхозаветных преданиях Илья – пророк; в народной традиции восточных славян – повелитель грома и дождя, персонаж, от которого зависит плодородие и урожай. «...В народных песнях под именем Ильи фигурировал святой – покровитель урожая и плодородия, сеятель, жнец и подаватель благ. Одним из наиболее заметных событий Ильина дня была "братчина", или "мольба" - коллективная трапеза, объединявшая жителей нескольких соседних сел. ...В Ильин день подавали на стол хлеб из муки нового урожая: "Петр с колоском, Илья с пирогом"» [3, с.206]. Важным в контексте произведения оказывается тот факт, что Пшеницына носит "хлебную фамилию", герой смотрит на нее как на "горячую ватрушку", а хлеб и пироги она печет не хуже обломовских.

Апофеозом и символом обломовской сытости и всеобщего довольства становится исполинский пирог, который пекли в воскресенье и праздничные дни. На этот пирог требовалось двойное, против обычного, количество муки и яиц. Отсюда, как следствие, "на птичьем дворе было более стонов и кровопролития" [5, с.115]. Пироги в Обломовке пекли с цыплятами и свежими грибами. Этот пирог "сами господа ели еще на другой день; на третий и четвертый день остатки поступали в девичью; пирог доживал до пятницы, так что один совсем черствый конец, без всякой начинки, доставался в виде особой милости Антипу, который, перекрестясь, с треском неустрашимо разрушал эту любопытную окаменелость" [5, с.115]. Пиршество продолжалось до тех пор, пока не наставала пора печь новый пирог.

В Обломовке, как отмечает Ю.М. Лоциц [9, с.173], царит настоящий культ пирога. Пирог в народном мировоззрении - один из наиболее наглядных символов счастливой, изобильной, благодатной жизни. Пирог - это «пир горой», рог изобилия, вершина всеобщего веселья и довольства. Вокруг пирога собирается пирующий, праздничный народ. От пирога исходят тепло и благоухание. Таким образом, в романе возникает своеобразная мифологема «пирога», содержащего в себе бытийный смысл.

День в Обломовке имеет строгий, раз и навсегда установленный порядок: завтрак, обед и ужин, отменить который никому не под силу. Совместная еда в этом мире - не бытовая подробность, а символ единения. Еда и в своей семье, и на миру – испокон веков была у русских людей священнодействием, обрядом. Она начиналась и заканчивалась

благодарственной молитвой. Веселое и непринужденное общение, дружеская семейная беседа, обсуждение предстоящих дел – все происходило за столом. Стол был сплочением семейного братства, символом единения. Илья Ильич в своей петербургской жизни ищет той же теплоты и надежности семейных отношений, которые согревали и поддерживали его в детстве, в Обломовке. В Петербурге, на Гороховой улице, Обломов оказывается лишенным заботливости, общности, которые несет с собой совместная еда.

Как видим, символика "дома", столь важная в славянской картине мира, помогает раскрыть художественные образы и идею произведения, позволяет пристальней рассмотреть героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернец Л.В. Виды образа в литературном произведении. // Филологические науки. 2003. № 4. С. 3-13.
2. Щемелева Л.М. Символ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 378-379.
3. Славянская мифология. Энциклопедический справочник. М., 1995.
4. Афанасьев А.Н. Народ-художник. М., 1986.
5. Гончаров И.А. Обломов // Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1981. Т. 2.
6. Ермолаева Н.Л. Объяснение в любви в романе И.А. Гончарова «Обломов». // Литература в школе. 2006. № 8. С. 19-23.
7. Пырков И. Дом Обломова. // Волга. 1998. № 7. <http://www.infoart.ru/magazine/volga/n7-98/pirkov.htm>.
8. Отрадин М.В. "Сон Обломова" как художественное целое (некоторые предварительные замечания) // Русская литература. 1992. № 1. С.3-17.
9. Лоциц Ю.М. Гончаров. М., 1977.

**Сайт подкарпатского общества имени
Кирилла и Мефодия**
<http://karpatorusyns.org>

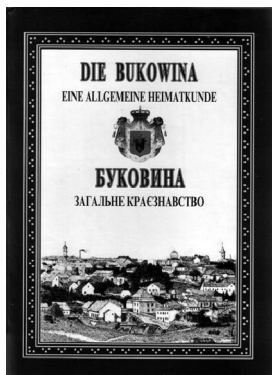
Я русинь быль, емь и буду... А.Духнович

РУСИНСКАЯ ТЕМАТИКА В ИЗДАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В последние годы вышло немало исследований по истории, культуре, языку коренного населения Карпато-Днестровских земель русинов (руснаков). Не претендуя на полное перечисление всех вышедших за последние годы работ по данной тематике, позволю себе ограничиться обзором тех, которые вышли за последние четыре года и имеются в распоряжении Общественной ассоциации «Русь».

УКРАИНА Черновицкая область

ББК 63.3 (4 УКР - 4 ЧЕН)

Б 90

Die Bukowina. Eine allgemeine Heimatkunde = Буковина. Загальне краєзнавство / Переклад з нім. Ф.С. Андрійця, А.Т. Квасецького. - Чернівці: Зелена Буковина, 2004. (Історична бібліотека «Зеленої Буковини»). - 488 с. Тираж 1000.

ISBN 966-8410-15-7 (серія)

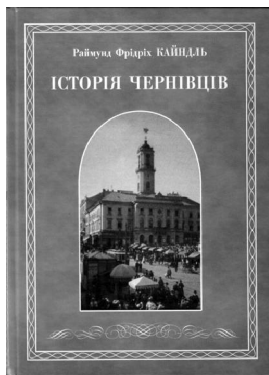
ISBN 966-8410-16-5

Книга «Буковина. Общее краеведение» была подготовлена офицерами австрийской краевой жандармерии в честь 50-летия правления императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа I и издана в Черновцах в 1899 г.

Это одна из лучших работ конца XIX- начала XX в. по истории и этнографии Буковины. Книга состоит из четырех глав. В первой главе, «Население Буковины», даются сведения о численности, расселении, происхождении, антропологическом облике, языке, фольклоре, традициях, обычаях, религии, поверьях, народной одежде, питании, народной медицине и т.д. основного населения края - румын и русинов, а также кратко и других народностей, проживающих на Буковине. Численность румын составляла в крае 208301 чел. «Достоверно и исторически доказано, что первые группы румын ... появились в Карпатских горах приблизительно 600 лет назад», - отмечают авторы исследования. Русинов было 265154 (1890 г.) человек., из них 25 тыс. приходилось на гуцулов. Славяне появились на Днестре, Пруте и Сирете еще до начала V века. В «Топографическом описании населенных пунктов» не только перечислены все населенные пункты Буковины, дана история их происхождения, количество и род занятий жителей, но и этническая принадлежность последних. В главе «История Буковины» приведены интересные сведения по истории края. В «Культурном со-

стоянии Буковины» содержатся сведения по системе управления, образования, местным промыслам, торговле, состоянию дорог и т.д.

Несомненным достоинством книги является то, что тексты на немецком языке параллельно дублируются на украинском.

ББК 63.3 (4 УКР-4 ЧЕН)

К 15

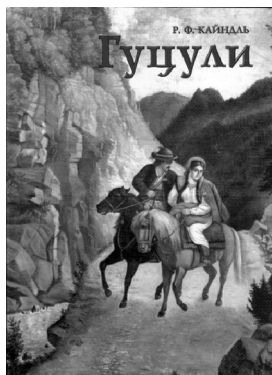
Раймунд Фрідріх Кайндль. Історія Чернівців від найдавніших часів до сьогодення, присвячена 60-літньому ювілею правління Його Величності Царя Франца Йосифа I, в пам'ять про першу документальну згадку про місто Чернівці 500 років тому. Виконано за дорученням Чернівцької миської громади Др. Раймундом Фрідріхом Кайндлем.

Містить 105 портретів, ілюстрацій і планів. Видаєнн друге, доповнене і виправлене. - Чернівці: КП видавництво «Золоті литаври», 2005. - 278 с. Тираж 1000.

ISBN 966-8341-03-1

К 600-летию г. Черновцы было издано на украинском языке второе издание, дополненное и исправленное, «Истории Черновцов» известного буковинского этнографа Раймунда Фридриха Кайндля (1866-1930), ректора Черновицкого университета. Впервые книга была издана в Черновцах в 1908 г. В монографии история города дается вместе с историей края. Много уделяется внимания молдавскому периоду. Приводятся данные по численности и этническому составу населения города. Так, в 1846 г. в Черновцах жило 15016 чел., в 1869 г. город имел 3550 домов и 33884 жителя, в 1900 г. – 5934 и 67622 соответственно. Из них 34441 чел. говорили по-немецки (немцы и евреи), 9400 – по-румынски, 13030 – по-русски (русины). Автор упоминает, что в первые годы австрийского правления под «молдаванами» подразумевали румын и русинов. Прирост населения был столь значительным, что в 1869-1880 гг. в Австро-Венгрии по этим показателям Черновцы обогнал только Будапешт.

Издание 2005 г. дополнено иллюстрациями Черновцов тех времен.

ББК 62.53 (4 УКР-4 ЧЕН)

К 15

Р.Ф. Кайндль. Гуцули: їхнє життя, звичаї та народні перекази. 2-е вид., випр. і доп. Переклад з німецької Зиновії Пенюк; наукове редагування і післямова Олександра Масана. – Чернівці: «Молодий буковинець», 2003. – 200 с. Тираж 2000.

ISBN 966-7109-38-0

Известное черновицкое издательство выпустило в переводе на украинский язык еще одну работу Р.Ф. Кайндля «Гуцулы: их жизнь, обычаи и народные предания»

В работе описываются особенности материальной и духовной культуры, верования, обычаи и традиции гуцулов, которые в настоящее время проживают на Буковине (Черновицкая область и Южная Буковина (Румыния), украинские Закарпатье и Галичине.

В иллюстрированной монографии приведены описания жилища, традиционного костюма, народной кулинарии, брачных и семейных обычаев, семейной обрядности, народных верований гуцулов.

Характерно, что австрийский ученый в своей работе, изданной в Вене в 1894 г., подчеркивает, что гуцулы, которые своими обычаями несколько отличаются от других групп русинов, не только официально относятся к русинам, но и сами таковыми себя считают.

Желательно, чтобы подобные научные труды выпускались на двух языках: языке оригинала с параллельным переводом на украинский, как это сделали издатели приведенной выше монографии «Буковина. Загальне краєзнавство».

ББК 63.3 (4 УКР-4 ЧЕН) 62

П 32

Піддубний Г.Ф. Буковина. Її минуле й сучасне: Суспільно-політичний нарис із малюнками і мапою Буковини. - Чернівці: Зелена Буковина, 2005. (Історична бібліотека «Зеленої Буковини»). - 216 с. Тираж 500.

ISBN 966-8410-15-7 (серія)

ISBN 966-8410-34-3

Первое переиздание работы, вышедшее в 1928 г. в Харькове. Григорий Поддубный (Толмачов), ставший жертвой сталинских репрессий и его работы долгое время были запрещены. Данная монография была написана во время оккупации Буковины Румынией. В монографии даны географическое и историческое описание края, сведения о национальном и социальном составе населения, социально-политической борьбы в крае.

Автор приводит интересные сведения о насильственной румынизации русинов Буковины, подчеркивает особую роль в этом Румынской православной церкви. После оккупации Буковины румынские власти закрыли общественные организации, в том числе «Русская беседа», «Народный голос», «Народный дом», 125 читален. Если перед войной в 1913 г. на Буковине выходило 63 периодических издания, 12 из которых были русинскими (по терминологии автора, украинскими), то после прихода румынской власти последних осталось только три. Если в 1912 г. русинских (украинских) школ было 216 и 15 смешанных, румынских соответственно 179 и 25, то в 1920 г. «украинских» осталось 157 (румынских - 257). В 1923 г. 319 школ было румынских, 155 – украинских.

БК 63.3 (4 УКР-4 ЧЕН) 2/6

Б 906

УДК 94 (477.85) 327

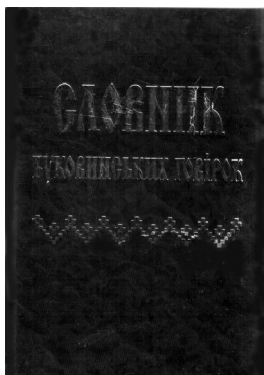
Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) [Кол. моногр.] / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман.

Ю.І. Макар та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. – Чернівці: Рута, 2005. – 744 с. Тираж 500.

ISBN 966-568-804-9

В коллективной монографии показано место Буковины в международных отношениях европейских стран во время пребывания края в составе Австрии (Австро-Венгрии). В работе приведены сведения о конфликтах, войнах, межгосударственных соглашениях XIV-XX вв., связанные с Буковиной. Особое внимание уделено значению Буковины как объекта дипломатической и вооруженной борьбы стран Антанты и Тройственного союза в годы первой мировой войны, в межвоенный период, в годы второй мировой войны и послевоенного урегулирования. Несколько удивляет явная предвзятость авторов при изложении некоторых исторических событий. В частности, негативная оценка деятельности русской военной администрации в Черновцах во время первой мировой войны.

ББК 81.411.1-4

С 481

УДК 81.282

Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. - Чернівці: Рута, 2005. - 688 с. Тираж 500.

ISBN 966-568-774-3

Коллективная работа исследователей и студентов филологического факультета Черновицкого университета включает говоры 11 816 диалектных слов, собранных в 227 населенных пунктах Черновицкой области.

Изданию данного труда предшествовали изданные в конце прошлого века

«Матеріали до словника буковинських говірок» (вип. 1-6 (Чернівці, 1971-1979)), «Атлас українських говірок північної Буковини» К.Ф. Германа (Чернівці, 1975) и др.

Ужгородская область

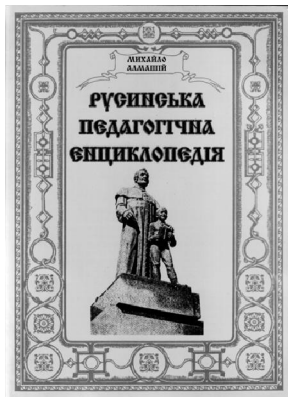
ББК 74.00я2

А 51

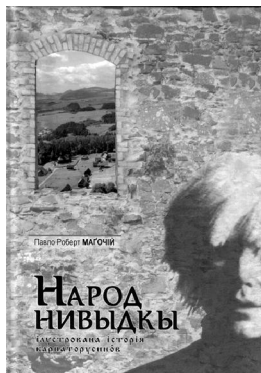
УДК 37 (031)

Алмашій М.І. Русинська педагогічна енциклопедія. - Ужгород: Карпатська Вежа, 2005. – 304 с. Тираж 300.

ISBN 966-2674-43-X

Автор – известный общественный деятель Подкарпатской Руси, заслуженный учитель Украины. Данная книга – первая энциклопедия, в которой приведены сведения о процессе зарождения и развития педагогической мысли в крае, биографии видных русинов прошлого А. Бачинского, А. Духновича, И. Орлая, А. Павловича и современных педагогов-русинов Подкарпатя, Восточной Словакии, Польской Лемковщины, Сербской Воеводины, дан научный анализ их деятельности. Также в энциклопедии помещены сведения о первых учебных заведениях в Подкарпатской Руси и выпускавшихся педагогических изданиях.

УДК 94 (4)
ББК 63.3 (4)
М 12

Магоцій П. Р. Народ нивыдкы: Ілюстрована історія карпаторусинів / Потовмачив по русиньскы В. Падяк; Сюжетні комен. ид іл. В. Падяка. Видання перше. Русиньскою мовою. - Ужгород: ПП «Видавництво Валерія Падяка», 2007. – 120 с. Тираж 5500. ISBN 978-966-387-004-5

Новая монография члена Канадской Королевской академии наук, профессора Торонтского университета, председателя Всемирного Совета русинов Павла Роберта Магоция посвящена истории русинов Подкарпатской Руси с V в. по настоящее время. Работа состоит из 8 глав, материал богато проиллюстрирован картами и фотографиями. Автор описывает положение русинов Подкарпатской Руси в составе Венгерского королевства, Австро-Венгерской империи, в составе Чехословакии, в годы второй мировой войны. Не обошел вниманием автор трагические страницы истории русинов: геноцид русинов Буковины, Галицкой и Угорской Руси, для которых был создан первый в Европе концлагерь Талергоф, насильственное переселение польскими властями русинов-лемков в Западную Силезию в 1947 г. (операция «Висла»). В составе Чехословакии (1919-1939) Подкарпатская Русь была автономной провинцией, имела свой герб, флаг, гимн. В крае, указывает исследователь, процветали общественные организации, выходили газеты, работали издательства, театры, спортивные клубы, развивались живопись и музыка. Период вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии был вторым русинским возрождением. В 1939 г. Подкарпатская Русь была оккупирована Венгрией и стала называться Подкарпатской территорией. В 1941 г. Венгрией была захвачена Воеводина, где тоже проживали русины. В годы венгерской оккупации русины имели право обучаться на «угорорусинском» языке, издавать литературные труды, создавать культурные организации, лояльные мадьярской власти. В 1945 г. Подкарпатская Русь была присоединена к СССР и стала простой областью Советской Украины. В 1989 г. началось третье национальное возрождение подкарпатских русинов. После 1989 г. возникли русинские организации на Украине, в Словакии, Польше, Венгрии, Чехии, Югославии, стали выходить газеты и журналы: «Русин», «Народные новинки» (Словакия), «Подкарпатская Русь» (Украина), «Беседа» (Польша), «Русинская жизнь» (Венгрия). С 1992 г. прово-

дятся Всемирные конгрессы русинов. Сегодня русины официально признаны в Словакии, Польше, Чехии, Венгрии, Сербии, Хорватии, Румынии. В Венгрии в 32-х населенных пунктах действует русинское самоуправление. В Румынии русины имеют своего депутата в парламенте. Официально признав русинов как национальное меньшинство, правительства вышеперечисленных стран оказывают им финансовую поддержку. Русинский язык стал учебным предметом в начальных и средних школах Польши, Словакии, Венгрии, Сербии.

К немногочисленным недостаткам монографии следует, на наш взгляд, отнести предпринятое автором необоснованное сужение понятий Карпатская Русь и карпатские русины, хотя в работе автор и затрагивает вопросы истории галицких и буковинских русинов, в частности, геноцид русинов в годы первой мировой войны.

В 2006 г. то же издательство выпустило данную книгу на украинском языке.

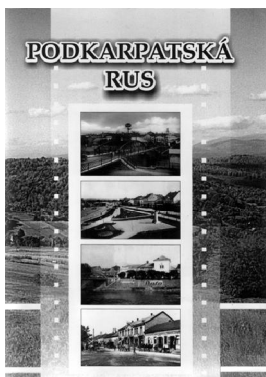
ББК 86.372
УДК 281.9 (437.7)
М 17

Максимишинец Василий. История православной церкви в Карпатской Руси. - Ужгород: Лира, 2004. - 160 с. Тираж 300.

Монография протоиерея Василия Максимишинеца посвящена истории православия на Подкарпатской (Угорской) Руси. В ней также содержатся интересные сведения по истории края. В частности, приводятся сведения о наличии в быту, языке нынешних обитателей Семиградья (Трансильвании) множества этнографических, археологических и языковых русских особенностей. В XV в. во многих частях Ардяла (Трансильвании) народ говорил по-русски. И теперь еще сохранились русские названия рек, гор и сел. Автор обосновано считает, что христианство в Карпатской Руси ведет свое начало от святых Кирилла и Мефодия. В X-XI в., указывает автор, «области, населенные нашими предками, входили в состав Киевской Руси». Православное население Польши, Северной Венгрии, Молдавии подчинялось Галицкой митрополии. Рассказывается в монографии о попытках введения унии с XV в. Поддержку в борьбе с папской курией православное население Подкарпатской Руси получало от семиградских протестантских князей. 24 апреля 1646 г. 63 приходских священника подписали Ужгородскую унию. В результате Мукачевская кафедра разделилась на униатскую и православную. Последние православные епископы Мараморошские Иосиф Стойка в 1691 г. и Досифей Феодорович в 1715 г. были хиротонисаны в епископы митрополитом Сочавским и всея Молдавии. Епископ Иосиф Стойка не только укреплял православие в Подкарпатской Руси, но и во время введения унии среди волохов ездил в Семиградье, помогая населению отстоять православную веру. Также он проехал всю Галичину с миссионерской проповедью, призывая верующих быть непоколебимыми в православии. После смерти митрополита Досифея в 1735 г. австро-венгерские власти не допустили назначения нового православного епископа.

Подкарпатская Русь получала большую духовную помощь из России. Так, в 1756-1757 гг. в Ужгород было доставлено 1146 церковных книг. Несмотря на препятствия (задержание на таможне, аресты книготорговцев), власти так и не смогли остановить поступление духовной православной литературы.

В начале XX в. начинается массовый переход в православие. В 1903 г. в православие официально перешли 500 крестьян с. Изы. В 1904-1906 гг. состоялся первый Мarmorош-Сигетский процесс. Трое крестьян были осуждено на 14 месяцев тюрьмы, один - на год, 11 человек получили меньшие сроки и штрафы. Это был первый политический процесс в Австро-Венгрии. Всех обвиняли в «москoвофильской» пропаганде. В 1913-1914 гг. состоялся второй Мarmorош-Сигетский процесс. Вначале в подстрекательстве против мадьярской державы и униатской веры обвинили 189 чел. Затем количество обвиняемых было снижено до 94 чел. После второй мировой войны 28 августа 1949 г. при стечении 20 тыс. верующих завершилась ликвидация Ужгородской унии.

Podkarpatska Rus. - Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.»», 2005. – 338 с. Тираж 300.

Книга является репринтом, вышедшим в Братиславе на чешском языке в 1936 г., и содержит интересные сведения по истории, культуре, религии, общественным организациям Подкарпатской Руси.

Подкарпатская Русь за годы 1919-1936. - Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.»», 2007. – 114 с. Тираж 1000.

Переиздание книги, вышедшей в Ужгороде в 1936 г. на русском языке. Приводятся данные по экономике, здравоохранению, образованию, издательскому делу, религиозной жизни региона, входившего в то время в состав Чехословацкой республики.

ББК 63.3 (4УКР)

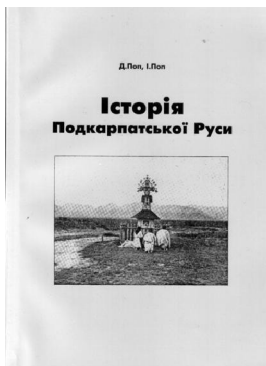
П 57

УДК 94(477.87)

Поп Дмитрий, Поп Иван. Історія Подкарпатської Русі. - Ужгород: Видруковано у приватній друкарні Романа Повча, 2005. – 264 с. Тираж 300.

ISBN 80-7277-237-6

В монографии в 11 главах дается краткая история Подкарпатской Руси вплоть до нашего времени. Говоря о сегодняшнем дне, авторы перечисляют созданные в Закарпатье русинские организации, изданные в последнее время работы по истории и фи-

логогии, упоминают о действующих в крае воскресных русинских школах, для которых изданы учебники по грамматике, истории, географии.

ББК 81.665.2-4

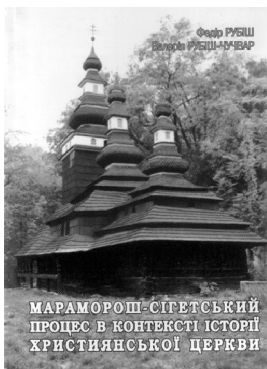
П 57

УДК 811.511.141 (038)

Поп Дмитрий. Словарь русинсько-українсько-руський и русско-українсько-русинський. - Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.», 2007. – 312 с. Тираж 500.

ISSN 0-9720175-9-3

В словаре известного филолога, общественного деятеля Д. Попа помимо словарных статей помещены три очерка: «Краткая история Подкарпатской Руси», «Язык Подкарпатских русинов как объект политических интриг», «Хронология составления русинских словарей». Из всех подобных изданий, вышедших в последнее время (Д. Поп, М. Алмаший, о.Димитрий Сидор «Русинсько-українсько-руський словарь» (Ужгород, 2001), Д. Поп-старший, Д. Поп-младший «Русинський синонімічний словарь» (Ужгород, 2004), Бевка О. «Словник-пам'ятник» (Мараморошский комитат, Румыния, 2004)), данный словарь является наиболее объемным.

ББК 86.37

Р 82

УДК 28 (477.87)

Рубіш Федір, Рубіш-Чучвар Валерія. Мараморош-Сігетський процес в контексті історії християнської церкви. - Ужгород: ВАЕ «Патент», 2005. – 176 с. Тираж 150.

ISBN 966-8760-12-3

В краткой истории становления православия на Подкарпатской Руси значительное место уделено борьбе с латинизацией и унией, Мармарош-Сигетскому процессу. Также дана история с. Великие Лучки, откуда родом оба автора, и перечислены греко-католические и православные священники данного села с XVII до начала XXI в.

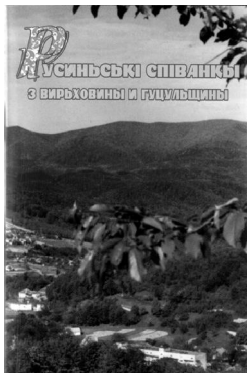
ББК 84 (4УКР-43АК) 6-5

Р 88

УДК 821.161.2-147

Русиньски спиванкы з Вирьховины и гуцульщины. Ушорили: М.И Завадяк, Д.И. Поп - Ужгород: Інформаційно-видавниче агентство «ІВА», 2007. – 400 с. Тираж 1000.

ISBN 978-966-7231-86-6

В сборнике приведены тексты песенного творчества русинов, собранные в 2005-2007 гг. в Межгорском, Воловецком, Раховском и Тячевском районах Ужгородской области. Приведены также песни, собранные в Воловецком районе в 20-30-х гг. прошлого столетия. В конце книги есть краткий русинско-украинский словарь.

ББК 81.41 +86.37-22

С 34

УДК 811.16+226

Прот. Димитрій Сидор. Грамматика русинського языка для русинов України, Центральної Європи та Америки. - Ужгород: Видруковано у приватній друкарні Романа Повча, 2005. – 312 с. Тираж 500.

«Грамматика...», как указывает автор, известный общественный деятель Подкарпатской Руси, настоятель кафедрального собора г. Ужгорода протоиерей Димитрий Сидор, является во многом продолжением русинской «Грамматики» И. Гарайды (1943) и может использоваться как учебник в русинских и церковных школах, на факультативных занятиях. По мнению исследователя, русинский язык на 80% совпадает с церковнославянским. Это неудивительно – ведь часть прарусинов, племя белых хорватов, переселилилась из-под Карпат под Фессалоники в VII в. при византийском императоре Ираклии IV. Через 200 лет в этих краях

родились святые Кирилл и Мефодий.

Грамматика вышла параллельно с переводом на английский язык.

ББК 63.3 (4УКР) 6-4

УДК94 (477-87)

Т 51

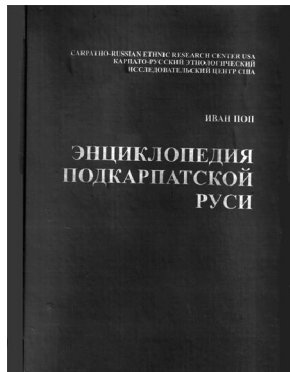
Токар Маріан. Політичні партії Закарпаття в умовах багаторатійності (1919-1939). - Ужгород: Видавництво ПП Басараб М.М. «Наш рідний край», 2006. – 380 с. Тираж 300.

ISBN 966-332-086-9

В монографии прослеживается процесс зарождения и развития политических партий в Подкарпатской Руси в 20-30-е гг. прошлого столетия, когда данный регион входил в качестве автономной области в состав Чехословацкой Республики. Также характеризуются политические, экономические и культурные аспекты жизни края, участие партий в парламентских выборах, приводится характеристика источников. Среди партий, действовавших в Подкарпатской Руси, выделяются два

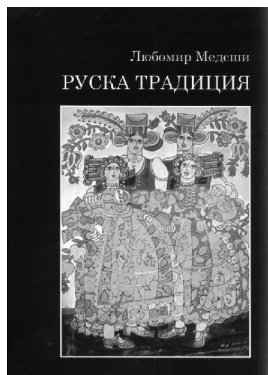
направления: русофильское и проукраинское. Первое было неоднородно: крайние автономисты, сторонники идеи единства всех ветвей русского народа и патрии провенгерской ориентации.

Энциклопедия Подкарпатской Руси / Составитель и главный редактор Иван Поп. - Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.», 2006. – 412 с. Тираж 600. ISBN 0-97201175-3-4

Первое издание книги вышло в 2001 г. Независимая украинская пресса назвала ЭПР «исторической бомбой, взорвавшейся в Ужгороде». В данном издании впервые наиболее полно описана история Подкарпатской Руси и населяющих ее территорию русинов. Энциклопедия охватывает всю сумму сведений о регионе географического, исторического и библиографического характера. В число биографических включены статьи не только о деятелях региона, но об исследователях других стран, изучавших географию, историю и культуру Подкарпатской Руси. Значительная часть статей описана с использованием материала общих региональных и специальных энциклопедических изданий, монографических работ, публицистических материалов. Во второе издание включены новые по содержанию и по форме статьи по географии и истории края, дополнены материалы по истории, культуре и библиографии, обновлена иллюстративная часть.

СЕРБИЯ (ВОЕВОДИНА)

**930.85 (=161.2)
Медеши Любомир. Руска традиция. - Нови Сад: Дружтво за руски јазик, литературу и културу (Друкарња Вивершнеј ради Автономнеј Покрајини Војводини), 2007. - 518 с. Тираж 200. ISBN 978-86-85619-06-9**

Книга известного русинского этнолога и общественного деятеля Л. Медеши состоит из глав: «Руснаки к югу Панонии», «Традиционное устное литературное творчество», «Руска свадьба», «Традиционное коноплянство», «Американские темы», «Руска культура и этничность», «Библиография» и трех рецензий на книги по русинской тематике. Обычаи населения Русского Керестура, описанные автором, еще раз свидетельствуют, что русинская идентичность, несмотря на долгие годы ее подавления, сохранилась и проявляется не только в самосознании населения, но и в традиционной народной культуре, которая отличается как от культуры проживающих в данном регионе сербов, венгров и других национальностей, так и от культуры украинцев (малороссов).

323.1(=161.2)(497.113)»1745/2005" (082)

Русини=Руснаци=Ruthenians: 1745-2005. 1 / [главни уредник Михајло Фејса].- Нови Сад: Прометеј, 2007. - 4028 с. Тираж 600.

ISBN 978-86-515-0042-1

Сборник вышел по инициативе профессора доктора Михаила Фејса (кафедра русинистики философского факультета университета Нового Сада) и приурочен к 260-летию переселения русинов в Воеводину. В сборнике представили свои материалы известные исследователи истории, культуры, языка русинов: Янош Орос, Душанка Манич, Михаил Горняк, Александр Дуличенко, Сергей Суляк, о. Димитрий Сидор, Дюра Папгаргай, Борис Холошный, Михаил Режак, Йоаким Холошный, Юлиян Рамач, Михаил Фејса, Душан Дрляча и другие. Всего планируется выпустить три тома издания. Материалы представлены на русинском, сербском и английском языках. Выпуск данного издания, несомненно, будет способствовать активизации и популяризации научных разработок по русинской тематике.

РОССИЯ

«Украинская» болезнь русской нации. Составитель серии М.Б. Смолин. – М.: Имперская традиция, 2004. - 560 с. Тираж 21000.

ISBN 5-89097-067-4

Сборник посвящен теме «украинского» сепаратизма. В него вошли произведения известных дореволюционных историков и общественных деятелей, а также современных авторов. В сборнике есть и несколько материалов по истории русинов: Д.А. Марков «Русская и украинская идея в Австрии», П.Е. Казанский «Русский язык в Австро-Венгрии», А.С. Будилович «К вопросу о литературном языке Юго-Западной Руси»,

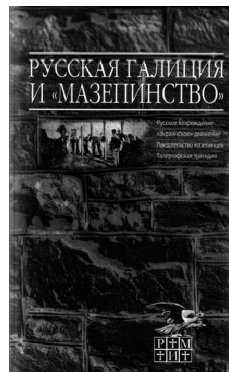
несколько трудов
вопрос в Галичине), «Холмская Русь», «Угрорусы» и т.д.

Е.И. де Витте: «Русско-польский

Русская Галиция и «мазепенство». Составитель серии М.Б. Смолин. – М.: Имперская традиция, 2005. - 592 с. Тираж 1000.

ISBN 5-89097-067-4

В книге собраны работы известных исследователей и общественных деятелей Галицкой Руси конца XIX – начала XX в.: О.А. Мончаловского, Д.А. Маркова, А.Е. Хи-

ляка, В.Р. Ваврика, Ф.И. Свистуна, а также две работы профессора И.П. Филевича «По поводу теории двух русских народностей» и «Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина»». Также опубликованы четыре выпуска «Талергофского альманаха», посвященного жертвам австрийского террора.

ББК 63.3 (4)

П 22

Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. Составитель серии М.Б. Смолин. – М.: Имперская традиция, 2007. - 192 с. Тираж 1000.

ISBN 5-85209-100-6

Первое издание монографии известного исследователя Галицкой Руси Н.М. Пашаевой вышло в 2001 г. тиражом всего 200 экз. Книга сразу стала библиографической редкостью. Спрос на нее не могли удовлетворить многочисленные электронные копии, размещенные в Интернете, что сделало актуальным выпуск второго издания.

В своей монографии автор раскрыла наиболее трагические страницы истории Галичины: первое национальное возрождение русинов, период «весны народов» и годы последующей реакции, подавление русинской этнокультурной самобытности в Австро-Венгрии в годы дуализма, репрессии против русинского движения перед первой мировой войной и геноцид против русинов в годы войны, возрождение русинского движения перед второй мировой войной.

Исследователь сознательно употребляет термин «Галичина» с ударением на последнем слоге, а не «Восточная Галиция», так как он принят в исторической литературе и наиболее полно отражает понятие. Им обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне находятся в составе Западной Украины, - Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области, а также Польши - трагическая Лемковщина с древнерусским Перемышлем. Также автор избегает употреблять для Галичины термин «Западная Украина», а для галичан - «украинцы». Эти термины появились лишь со второй половины XIX в., когда в национально-освободительном движении края произошел раскол, породивший антагонизм русских галичан и галичан-украинцев. Тогда термин «украинец» носил не этнический, а скорее национально-политический характер.

При всем разнообразии форм деятельности русских галичан и различий их убеждений в различные периоды неизменным было признание единства всего русского народа «от Карпат до Камчатки», включая, разумеется, Белоруссию и Украину, сознание собственной принадлежности к этому единому русскому народу и признание русского литературного языка родным литературным языком русинов.

УДК 94

ББК 63.3 (2) 6

П 91

Пушкаш А. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918-1945. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 564 с. Тираж 1000.

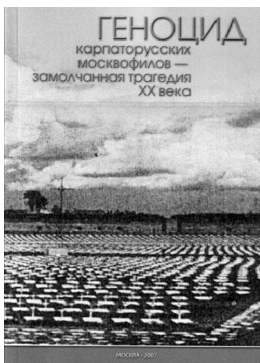
ISBN 5-9739-0083-5

Монография посвящена одному из самых сложных периодов в истории Подкарпатской Руси. После распада Австро-Венгрии эти земли становятся объектом соперничества соседних стран. С 1918 по 1939 г. Подкарпатская Русь входила в состав Чехословацкой Республики, с 1939 по 1944 г. была оккупирована хортистской Венгрией. 29 июня 1945 г. был подписан договор между СССР и Чехословакией о Закарпатской Украине. 22 января 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР в составе УССР была образована Закарпатская область с центром в Ужгороде. В нее вошли два города и 13 округов. Через день указом Президиума Верховного Совета УССР с 25 января в Закарпатской области было введено законодательство УССР.

В работе раскрыты эпизоды внутренней и внешней политики соседних государств, использованы не публиковавшиеся ранее материалы из архивов Венгрии, Польши, Германии, Чехии, Словакии, России.

Правда, вызывает недоумение несколько тенденциозное толкование автором «процесса воссоединения» с Советской Украиной и пассажи касательно «проповедования русинизма». Последнее свидетельствует о том, что исследователь слабо знаком с событиями, происходящими сегодня в Закарпатье.

Правда, вызывает недоумение несколько тенденциозное толкование автором «процесса воссоединения» с Советской Украиной и пассажи касательно «проповедования русинизма». Последнее свидетельствует о том, что исследователь слабо знаком с событиями, происходящими сегодня в Закарпатье.

Геноцид карпаторусских москвофилов – замолчанная трагедия XX в. Воспоминания узника концентрационного лагеря Галергоф Василия Ваврика. – М.: Издательство Консервативного клуба, 2007. – 144 с.

Кроме воспоминаний известного общественного деятеля Галицкой Руси В. Ваврика с обширным списком источников по геноциду русинов в годы первой мировой войны (355), в книге размещены два материала: «Гуманитарные проблемы. Битва за историю» К. Фролова и «Историческая действительность и националистическая мифология» Э. Панарина.

Нельзя не согласиться с мнением К. Фролова: «Три геноцида XX века – австрийский, нацистский, большевистский были связаны во имя «великих» идей, абсолютно ложных. Одна из таких идей – украинское «самостийничество», украинский сепаратизм, по выражению известного карпаторусского священника Петра Коханика, является «великой ложью XX столетия».

Подготовил Сергей СУЛЯК

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛМАШИЙ Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1930 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета. Председатель Закарпатского научно-культурологического общества им. А. Духновича, член Всемирного Совета русинов, старший преподаватель Закарпатского филиала Киевского славистического университета, член Лиги национальных композиторов Украины, руководитель хора «Стара спиванка», заслуженный учитель Украины. Работы: «Наша школа (концепция народоведения)» (1991), «Система работы школы по вопросам организации самовоспитания учащихся» (1994), «Ромочевица. Историко-этнографический очерк» (1999). В соавторстве: «Русинсько-українсько-руський словарь» (2001), «Энциклопедия Подкарпатской Руси» (2001) и др. Автор монографии «Русинська педагогічна енциклопедія» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

АНИКИН Владимир (Молдавия). Родился в 1939 г. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1969). В 1973 г. стал кандидатом, в 2003 г. - доктором кандидатологии. В настоящее время - ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и политических наук Академии наук Молдовы, доцент. Автор четырех монографий, в том числе «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние и перспектива (политологический аспект)» (Кишинев, 2002), более 100 научных статей, свыше 200 публицистических материалов. Специалист в вопросах истории Бессарабии (XIX в.), международных отношений, развития гражданского общества в Республике Молдова.

БОРТЭ Лариса (Молдавия). Родилась в 1938 г. Доктор кандидатологии, филологии, профессор, завкафедрой русского языка и литературы Бельцкого госуниверситета, руководитель докторантуры по русскому языку. Закончила филологический факультет Ленинградского университета, в 1970 г. защитила кандидатскую диссертацию по синтаксису русского языка, в 1986 г. – докторскую диссертацию по морфологии современного русского языка. Автор более 150 публикаций, в их числе 5 монографий, статьи по проблемам современного русского языка, его истории, языка и стиля художественной литературы, контактирования языков, литератур, преподавания филологических дисциплин, творческого своеобразия произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова, А. Блока, изучения языкового строя с позиции отображающей грамматики В. Мигирина.

БРАЖУК Владимир (Молдавия). Родился в 1971 г. Закончил Бельцкий государственный университет. В 2001 г. защитил диплом магистра филологии. Преподаватель кафедры русского языка и литературы им. В.Н. Мигирина Бельцкого государственного университета.

ГАРУСОВА Ольга (Молдавия). Родилась в 1954 г. Закончила Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, театроведческое отделение. Научный сотрудник сектора этнологии русских Института культурного наследия АН РМ. Специализируется в области истории культуры Бессарабии XIX – начала XX в. Опубликовала более 100 научных и научно-популярных статей в научных изданиях и периодической печати.

ГОРНЯК Михаил (Сербия). Родился в 1929 г. Закончил Высшую дипломатическую школу и философский факультет (история) в Белграде. Работал в газете «Руске слово», в Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, науки и культуры. Был дипломатом в Бухаресте, Пекине, Ханое, Токио. Активно занимается общественной работой. Автор многочисленных публикаций по русской и русинской истории. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ГУБОГЛО Михаил (Россия). Родился в 1938 г. Ведущий российский социолог и этнолог, специалист в области истории и социологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), почетный действительный член Академии наук Республики Молдова (2003), руководитель Центра по изучению межэтнических отношений. Автор более 400 публикаций, в том числе 14 книг по проблемам этносоциологии и тюркологии, посвященных проблемам этноязыковых и этнополитических процессов. В качестве эксперта Государственной Думы принимал участие в разработке законопроектов в области национальной политики и межэтнических отношений. С лекциями и докладами выступал на международных конгрессах, симпозиумах в ряде американских, европейских и вьетнамских университетов в 20 странах мира. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ДОЛГОВ Вячеслав (Молдавия). Родился в 1978 г. Закончил Бельцкий государственный университет. В 2001 г. защитил диплом магистра филологии. Преподаватель кафедры русского языка и литературы им. В. Н. Мигирина Бельцкого государственного университета.

ДРОНОВ Михаил (Россия). Родился в 1980 г. Историк-русинист, один из популяризаторов русинистики в России. Сотрудник Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор многочисленных публикаций о русинах в российских и зарубежных изданиях. Гость VI, VII, VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ЗАЙКОВСКАЯ Татьяна (Молдавия). Родилась в 1957 г. Доктор филологии, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Специалист в области русской и болгарской филологии. Закончила Софийский госуниверситет «Климент Охридски» (факультет славянских филологий, специализность «Болгарский язык и литература») и Кишиневский госуниверситет (филологический факультет, специализность «Русский язык и литература»). Защитила докторскую диссертацию в Институте русского языка РАН (г. Москва) по проблематике молодежной речи (1994).

ИВАНОВ Юрий (Молдавия). Родился в 1962 г. Закончил Кишиневский политехнический институт по специальности инженер-системщик АСУ, факультет общественных профессий по специальности политолог. Советник примэрии с. Нагоряны. С 2004 г. председатель Рышканского филиала Общественной ассоциации «Русь».

ИОНОВА Ирина (Молдавия). Родилась в 1946 г. Закончила Кишиневский государственный университет. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию в МГУ им. М.В.Ломоносова, в 1990 г. после защиты второй диссертации, в Ленинграде, ей была присвоена ученая степень доктора филологических наук (доктор хабилитат филологии). С 1997 г. возглавляет кафедру славянской филологии в Славянском университете

Молдовы и является организатором Славянских чтений в этом университете, профессор. Автор более ста научных работ, в том числе монографий и школьных учебников. В 2003 г. награждена престижной Пушкинской медалью за большие заслуги в распространении русского языка в мире.

КРОИТОР Сергей (Молдавия). Родился в 1988 г. С 1999 по 2003 г. участвовал в археологических исследованиях университета «Высшая антропологическая школа» (ВАШ) на памятнике Рудь-Ла Шанцурь (Дондюшанский р-н, Молдова). С 2004 по 2007 гг. – в археологических исследованиях у с. Орловка (Одесская область, Украина), проводимых совместно Одесским Археологическим музеем и университетом ВАШ. В настоящее время является студентом 1 курса университета ВАШ.

МЕРКУЛОВ Всеволод (Россия). Родился в 1978 г. Закончил исторический факультет Московского государственного педагогического университета, аспирантуру на кафедре истории России. Кандидат исторических наук, член Русского исторического общества. Автор 50 научных и публицистических статей по истории России, монографии «Откуда родом варяжские гости?», один из составителей альманаха «Традиции и современность». Круг научных интересов: начало Руси, происхождение русского народа, генеалогия, русско-немецкие связи, развитие российской государственности. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПАДЯК Валерий (Украина, Закарпатье). Родился в 1959 г. Закончил Ужгородский государственный университет. Кандидат филологических наук, литературовед, историк русинского литературного процесса. В последнее время также известен как профессиональный издатель, директор частного издательского предприятия «Издательство В. Падяка» (с 2000 г.), которое первым в Украине стало издавать книги на русинском языке, а также литературу по истории и культуре, фольклору, этнографии русинов Подкарпатья. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех книг, четырех школьных учебников. Участник V, VII, VIII, IX Всемирных конгрессов русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПЕТКОВА-МАРЧЕВСКА Славка (Болгария). Родилась в 1959 г. Закончила Академию музыкального и танцевального искусства в Пловдиве по специальности музыкальная педагогика, работала в школе. С 1985 г. - ассистент кафедры музыки в Великотырновском университете имени св. Кирилла и Мефодия С октября 2006 г. командирована Министерством образования и наук Болгарии в Тараклийский государственный университет. Автор научных исследований и статей в области педагогики, психологии и социологии музыки.

ПАСЛАРЬ Мария (Молдавия). Родилась в 1963 г. Закончила Измаильский педагогический институт, в 2001- 2007 гг. – заместитель директора Тараклийского педагогического колледжа им. Кирилла и Мефодия, с 2007 г. – проректор Тараклийского государственного университета, докторант Софийского университета им. Климента Охридского.

ПЛИШКОВА Анна (Словакия). Родилась в 1964 г. Журналистка, лингвист, преподаватель Высшей школы и общественный деятель. Закончила философский факультет университета П.Й. Шафарика в Пряшеве. Работала редактором еженедельника «Нове життя» в Пряшеве (1987-1991), где по 1989 г. издавались страницы на русинском языке «Голос русинів». С 1991 г. заместитель главного редактора журнала «Русин» и газеты «Народны новинки». Участвовала в кодификации русинского языка в Словакии, была членом языковой комиссии по созданию единого литературного русинского языка (1992). С 1999 г. преподает русинский язык в Пряшевском университете, участвует в составлении учебников русинского языка для средней школы. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ПОП Дмитрий (Украина, Закарпатье). Родился в 1941 г. Филолог-славист. Закончил Ленинградский университет по специальности «Чешский язык и литература». Активный участник русинского движения с 1999 г. В 2000-2002 гг. - председатель областного Общества карпатских русинов. Основатель русинских классов в Ужгородской области. Соавтор «Русинсько-українсько-руського словаря» (Ужгород, 2001), «Русинського синонімічного словаря» (Ужгород, 2001), автор исторического очерка «Мукачево», монографии «Замки Подкарпатської Русі» (в соавторстве с И. Попом), «Історія Подкарпатської Русі» (Ужгород, 2005). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

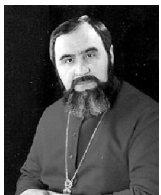
РАМАЧ Юлиан (Сербия). Родился в 1940 г. Закончил филологический факультет (славистика) в Белграде. С 1972 г. преподаватель русского (русинского) языка на философском факультете в Новом Саде (Воеводина). С открытием в 1981 г. кафедры русского языка и литературы - ординарный профессор кафедры. Доктор лингвистики. Главный редактор двухтомного «Сербско-русского словника» (1995-1997), автор «Граматики русского языка» (2002) и др. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

РУССЕВ Николай (Молдавия). Родился в 1958 г. Доктор хабилитат истории. Специалист по средневековой истории, археологии и нумизматике Юго-Восточной Европы. Автор более 100 научных и научно-популярных работ. Завкафедрой антропологии и социальных технологий университета «Высшая антропологическая школа» (Молдавия). Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

РОМАНЧУК Алексей. Родился в 1975 г. Закончил Молдавский госуниверситет в 1997 г. С 1999 г. – преподаватель университета «Высшая антропологическая школа», с 2005 г. – старший преподаватель. В 2004 г. организовал исследовательский центр «Fun Anthropology» (www.moldo.org). Автор монографии, посвященной генезису культур орнаментированного гальштата Балкан, и более трех десятков статей по археологии.

Прот. Димитрий СИДОР (Украина, Закарпатье). Родился в 1955 г. В 1981 г. закончил Духовную академию и семинарию со степенью кандидата богословия. В 1991 г. назначен в Ужгород настоятелем православной общины. В 1992 г. начал строительство нового православного Кафедрального собора. Настоятель Крестовоздвиженского Кафедрального собора г. Ужгорода. В 1996 г. возглавил русинское Общество Кирилла и Мефодия. С 1996 г. - редактор русинской газеты

«Християнска родина». Автор русинской грамматики и перевода Евангелия на русинский язык. Член Национального Союза журналистов Украины. Автор более ста научных статей и исследований по истории русинов, богословию, русинской лингвистике. Делегат Всемирных конгрессов русинов. Председатель ассоциации «Сойм Подкарпатских русинов». Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СИЛАДИЙ Мирослав (Сербия). Родился в 1957 г. Председатель правления местного отделения «Руской матки» в Вербаше, член главного правления «Руской матки» Сербии, один из основателей «Рускей фондаций», которая действует в рамках «Руской матки» и занимается помощью в издании и пропаганде русинской литературы и культуры. Член культурно-просветительского содружества «Карпати», основатель веб-сайта <http://rusnak.netfirms.com>. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

СИМЕОНОВ Иван (Болгария). Родился в 1950 г. Доктор филологии. В 1981 г. закончил Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского по специальности болгарская филология. Работает преподавателем болгарской литературы в филиале Пловдивского университета в г. Пазарджик. С 25 октября 2006 г. командирован Министерством образования и наук Республики Болгария в Тараклийский государственный университет, где читает лекции по болгарской литературе. Является автором шести монографий в области истории болгарской литературы, теории литературы и методики преподавания. Также опубликовал 15 докладов с научных конференций и более 100 статей в периодической печати.

СИРОТА Елена (Молдавия). Родилась в 1956 г. Славист, специалист по современному русскому языку. Закончила в 1978 г. Бельцкий государственный университет, защитила диссертацию в Московском государственном университете им. В. И. Ленина. Конференциар кафедры русского языка и литературы им. В. Н. Мигириня Бельцкого государственного университета

СТАТИ Василий (Молдавия). Родился в 1939 г. Выпускник молдавского отделения историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета (1961), кандидат филологических наук (1972), доктор хабилитат исторических наук (1992). Автор более 15 сборников и монографий, более 200 статей по языковому, этноязыковому, историческим и этнологическим вопросам.

СТИЧ Дина (Молдавия). Родилась в 1940 г. Славист, историк языка. Закончила Кишиневский государственный университет. Защитила диссертацию в Днепропетровском государственном университете в 1983 г. Конференциар кафедры русского языка и литературы им. В. Н. Мигириня Бельцкого государственного университета.

СУЛЯК Сергей (Молдавия). Родился в 1963 г. Закончил факультет журналистики Кишиневского государственного университета. Доктор истории. С 1990 г. возглавляет фирму «Татьяна» (с 1998 г. - Издательский дом «Татьяна»). Выпускал 14 периодических изданий. Президент Общественной организации «Русь» (с 2007 г. - ассоциация). Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Русины Молда-

вии: основные этапы этнической истории» в Институте этнологии и антропологии им. Н. Миклухо-Маклая РАН (февраль 2007 г.). Автор монографии «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии», многочисленных научных работ по истории и культуре русинов. Главный редактор международного исторического журнала «Русин».

ТЕЛЬНОВ Николай (Молдавия). Родился в 1948 г. Закончил исторический факультет Одесского государственного университета. С 1979 г. и по настоящее время сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Республики Молдова. Заведующий отделом античной и средневековой археологии, старший научный сотрудник. Доктор истории. Руководил работами многочисленных археологических экспедиций. Автор свыше 100 научных работ. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

Прот. Николай ФЛОРИНСКИЙ (Молдавия). Родился в 1960 г. В 1985 г. закончил Московскую духовную семинарию, в 1993 г. - заочно Московскую духовную академию. С 1993 г. - председатель Собора русских общин Республики Молдова. Автор книг «Памяти архиепископа Венедикта Полякова» (2001), «Жизнь и деятельность митрополита Гавриила Банулеску-Бодоли» (2005), многих публицистических работ по православию. Митрофорный протоиерей, настоятель Свято-Георгиевского храма в г. Кишиневе. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШАПКА Роман (Канада). Родился в 1948 г. Потомок галицких и буковинских русинов, переселившийся в Канаду в конце XIX - начале XX в. После окончания университета 30 лет работает учителем, из них 18 лет - в психиатрическом отделении больницы с детьми, страдающими психическими заболеваниями. Собирает материалы по русинистике. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШАРГА Михаил (Украина, Закарпатье). Родился в 1937 г. Закончил филологический факультет Ужгородского государственного университета в 1959 г. Работал директором школы, лектором, завотделом, секретарем Иршавского райкома партии. Закончил Высшую партийную школу в Киеве (1977). Работал в районных органах власти. С 1981 г. - председатель Закарпатского общества «Знание». Автор многочисленных публикаций по истории русинов. Член редколлегии международного исторического журнала «Русин».

ШОРНИКОВ Петр (Молдавия). Родился в 1949 г. Председатель Республиканского Совета движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990-1999). Депутат парламента (1990-1998). Доктор истории. Автор более 160 научных работ, посвященных истории Молдавии периода второй мировой войны, а также молдавской этнокультурной идентичности, в том числе четырех монографий. Заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2007, № 4 (10)

Кишинев

Республиканская общественная организация «Русь»,
Издательский дом «Татьяна».
2008. - 192 стр.

Республиканская общественная организация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (37322) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, sergei_suleak@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Издательский дом «Татьяна».
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
E-mail: tatianas@molddata.md

Подписано к печати 31.03.2008. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 300 экз.
Заказ 98.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Дай же Боже добрый час *Прикарпатская народна песня*

Дай же Боже добрый час
Як в людей так и в нас
И в счастлыву годину
Розвеселим родыну
Ой ну-ну, ой ну-ну,
Розвеселим родыну.

Где Днестер, где Сян и Прут
Руски риченьки плывут
И хоть пийдешь за Бескид
Всюда цестный русский рид
Ой наш рид, русский рид
Хоть пийдешь и за Безкид.

Всюда мова та една
Всюда писня та сама
Русска мова русский край
Русска писня и звычай
Ой наш край, русский край
Русска мова и звычай.

Итак встаньмо вси в коло
Заспиваймо весело
Най Бог в каждую годину
Благословыт родыну
Ой ну-ну, ой ну-ну
Благословыт родыну.

РУСЬ